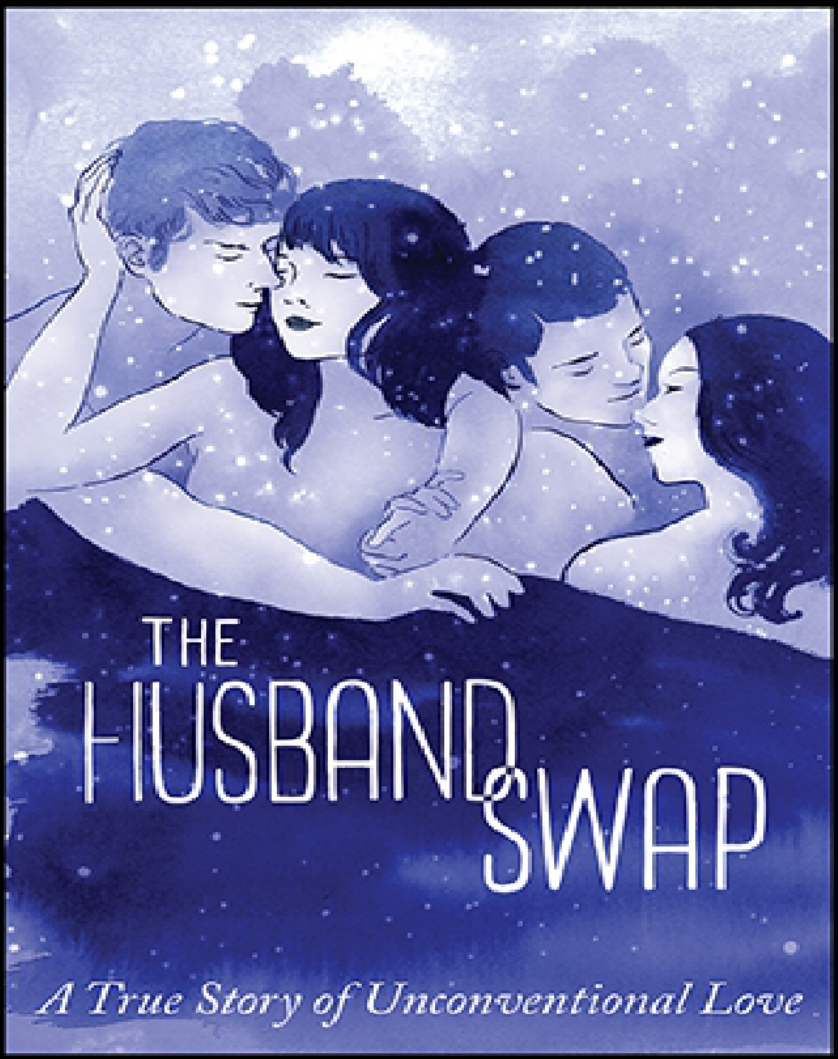
LOUISA LEONTIADES



THE HUSBAND SWAP

A True Story of Unconventional Love

SHOUT
SHARE
IT

- Обмен мужьями
  -
  - Предисловие
  - Пролог
  - Мой французский Не-Совсем-Любовник
  - Измена
  - Открытие, изменившее жизнь
  - Определение правил
  - Другая пара
  - Голубоглазое чудовище
  - Вебкамера
  - Встреча
  - Согласование фантазий и реальности
  - Наедине
  - Колючий
  - Альтернативное рождество
  - Периодическая таблица полиамории
  - Новая жизнь вместе
  - Рассказать родителям
  - Другая “Л”
  - Свинг
  - В конце концов, чей это дом?
  - Убегая от отрицания
  - Статья в Marie Claire
  - Отношения на расстоянии
  - Ретроспектива
  - Делится с моей со-женой
  - А ещё фрикции
  - Инцидент с баклажаном
  - Бойцовский клуб
  - Первое расставание
  - Бомба
  - Я уверен
  - Великий побег
  - Где-то ниже по реке
  - Последнее расставание
  - Эпилог

Обмен мужьями
Правдивая история нестандартной любви

Луиза Леонтиадес

THE HUSBAND SWAP

A true story of unconventional love

Louisa Leontiades

Тем, кто смеет
любить больше.
Будьте смелыми,
потому, что это
ведёт к лучшему.

Предисловие

Я впервые услышала о планируемом втором издании *Обмена мужьями* от Франклина Во, со-основателя издательства Thorntree Press, когда он связался со мной, чтоб спросить, не могла ли бы я написать предисловие.

Не знаю, почему Франклин обратился именно ко мне, но я не верю ни в Судьбу ни во Вселенскую Причинность. А если бы я верила, мне бы следовало считать, что Вселенная хочет больно ударить меня, чтобы напомнить о том, что мне в моей роли такой-очень-чувствительной-личности в моём блоге *The Polyamorous Misanthrope* не следует проявлять самоуверенность по поводу полиамории.

Эта (прекрасно написанная) книга заставляла меня съёживаться, как будто я смотрю сериал *Башни Фолти* (я буквально корчусь от недостатка коммуникации, а большинство юмора в этом сериале построено именно на этом). Почему? Потому, что я была так же глупа, как люди в этой книге.

Предполагается, что полиамория это в первую очередь любовь. Настоящая любовь требует глубокого понимания как себя, так и партнёров. Даже самые умные люди бывают удивительно тупы и охотно обманывают себя, когда дело доходит до любви и секса. Это хорошо показано в данной книге, определённо, описывающей катастрофическое развитие отношений.

Воспоминания Луизы заставили меня заново пережить опыт моего собственного группового брака, который мы нежно называли *OLQ — our little quad* (наша маленькая четвёрка). Эгоизм, суета, недостаток коммуникации, разумных границ и зрелости — можете себе представить. Многие из ситуаций, описанных в этой книге могли бы произойти и с нами, и мне было больно читать об этом, потому что чтение заставляло признать эти глупость, слепоту и недостаток любви.

Я терпеть не могу писать о таком в полиаморной прессе. Я хочу быть позитивной.

Я хочу, чтоб полиамория была знаменем зрелых, успешных и любящих отношений. Я хочу, чтоб мы были экспертами в любви.

Но я также верю в правду.

А правда состоит в том, что отношения успешно складываются тогда, когда их участники по настоящему взрослые, хорошо знают себя и готовы вкладываться в любовь. Было бы безответственно считать, что катастрофа невозможна. Было бы жестоко не предупреждать людей о возможных западнях.

Я не знаю автора лично, но по воспоминаниям чувствуется, что она чувствует себя подобно родителю подростка, убеждающего детей: “Нет, нет, я рассказываю вам это не потому, что быть глупыми — нормально. Учитесь на моих ошибках! Посмотрите на всё, что я сделал неправильно и сможете избежать ям, в которые я падал!”

Вы можете обоснованно указать, что катастрофы являются аргументом против полиамории. Это было бы понятно.

Но это было бы неправильно.

Так как открытые отношения являются молодым явлением, не существует ни культурной традиции, которая позволила бы нам понимать, что в них является приемлемым, ни общественной поддержки, которая помогала бы нам сверяться с реальностью. Мы смотрим на ревность как на отклонение, а не как на сигнал, показывающий, что что-то идёт не так. Бог знает насколько криво полиаморные люди могут устанавливать личные границы, пока не обожгутся несколько раз. Однако, я обвиняю в этом именно моногамную традицию. Вы когда-нибудь видели романтический фильм или читали роман, в которых у героев были бы чёткие личные границы? Я тоже нет.

На самом деле, неудачно сложившиеся отношения не являются доказательством того, что данная форма отношений никуда не годится. Если бы это было так, было бы странно не запретить моногамный брак из-за нынешнего процента разводов.

Полиаморны мы или моногамны, мы вступаем в отношения по множеству разных причин, и иногда эти причины неправильные. Более того, иногда причин вообще нет. Если вы спросите меня, почему я полиаморна, честно говоря, я не смогу назвать причины. По крайней мере такую Причину, которая бы была главной. Я это я, также как кому-нибудь могут нравиться рыжие или он может хотеть переплыть Ла-Манш.

Если вы ищете причины, при том, что связались с полиаморией без их участия, совершенно ясно, что вы найдёте неправильные причины. Вы будете оправдываться перед собой и получится путаница.

Если вы читаете эту книгу с мыслью: “Я бы никогда так не сделала!” или “Я бы не допустила, чтоб с моей жизнью произошло *такое*”, — я могу посоветовать вам две вещи: развить в себе немного гуманности и хорошенько поработать в области самопознания. Это самое лучшее, что можно вынести из историй об отношениях, которые не сложились. Да, ловушки можно обойти, да, вы можете оказаться способны учиться на чужих ошибках, но вы не сможете сделать это из горделиво-снисходительной позиции. Вы сможете сделать это, только

научившись глубоко и искренне любить.

Любовь, которая поможет вам избежать этих ошибок, включающая в себя знание себя, глубокое понимание партнёров, готовность устанавливать подходящие границы и огромную дозу честности, начинается с вас самих. Знаете ли вы, чего хотите? Вы в этом уверены? Я спрашиваю это как интроверт, имеющая отчаянную потребность в уединении и при этом шестнадцать лет полагавшая, что групповой брак будет для меня вершиной счастья.

В полиаморном сообществе можно часто услышать, что полиамория это не просто. Это утверждение немного лицемерно. На самом деле непросты хорошие отношения любого вида. Отношения складываются вовсе не всегда. Но хорошие отношения всегда требуют от вас беспощадной и неустанной работы *над собой.*

Однако, даже если отношения в целом складываются, полиамория действительно не для неженок и не для людей, которые не знают как строить хорошие отношения. Читайте эту книгу внимательно. В ней скрыты прекрасные уроки, как прелестные кораллы под мечущимися волнами.

Ныряйте в книгу и учитесь. Вы будете рады, если сделаете это.

Noël Lynne Figart

Пролог

Я была на работе и читала в Gmail очередную кольцевую переписку между:

- мной
- моим мужем
- его девушкой
- моим парнем
- и его женой.

Как в какой-нибудь загадке, пять человек могут быть четырьмя, поскольку жена моего парня и девушка моего мужа это одно и то же лицо. В мире открытого брака и полиамории это называется quad: отношения четверых.

Наша четвёрка многолика и многоязычна. У нас представлены Испания, Франция, Англия и Швеция. Среди нас есть интроверты и экстраверты, люди возвышенные и практичные. Это порождает как страстный раскол, так и могучее слияние, порой волнующее, а порой болезненное. Конфликты и непонимание ведут к слезам и спорам. Несколько раз я оказывалась на краю пропасти с мыслями о том, что всем нашим мечтам о более высокой, «умноженной» любви приходит конец, но в последний момент получала передышку. Но радость, которую мы получали взамен всей этой головной боли была экспоненциальной.

Мы были друзьями в квадрате.

Я любила двух изумительных мужчин. Моя со-жена любила тех же двух изумительных мужчин. А они любили нас обеих. Мы вместе смеялись и вместе плакали. Если я была счастлива, мой муж и парень оба были счастливы, моя со-жена была счастлива. Мы все отражали счастье друг другу, подобно мерцающему стеклу, греясь в лучах того, насколько уникальны и невероятны наши отношения и какими они ещё могут стать. Мы были на вершине блаженства, мы были самим воплощением совместимости.

Но верным было и обратное. Уродливая и саморазрушительная жестокость свивалась в порочный круг с разочарованием, неуместной верностью и ревностью. И в тот день я дошла до крайней точки кризиса. До конца.

“Луиза, ты сделала графики для нашего восьмимесячного прогноза бюджета? Нам нужно пересчитать наши вложения в фонды в Тихоокеанской Азии и вложить их в Oracle.”

“Сандерс пытается урезать операционные расходы. Скоро полетят головы, надо раздуть прогноз процентов на двадцать и,

возможно, мы избежим самого ужасного.”

Я была занята любовью и конфликтом, который пылал во мне столь сильно, что я удивлялась: почему больше никто не слышит воя. Но, поскольку они не слышали, мне приходилось обсуждать, каким образом искусственно раздуть прогноз бюджета, что потребует трёх часов доработки “в последнюю минуту” для того, чтоб в последний момент загрузить его в корпоративную информационную систему. Так, в то время, как мои коллеги в моём совершенно обычном офисе обсуждали совершенно обычные последствия задержки загрузки иллюстраций в нашу совершенно обычную систему управления ресурсами, мой мозг пытался сохранить сколь-нибудь приемлемую степень нормальности в моём совершенно необычном мире.

Я больше не доверяла своим суждениям, так как всё, что я однажды сочла правдой, перевернулось вверх тормашками. Я пыталась поддержать то, что я считала высоким идеалом, возможностью любить без границ, бросая вызов семье и обществу. Но делая это, я оказалась под угрозой потери себя. Моя психика ломалась.

Мой отец всегда говорил мне: “Всё, что не убивает, делает тебя сильнее”. И в тот день я спросила себя: “Как узнать, в какой момент оно убьёт тебя?”

И возможно ли вовремя остановиться?

Мой французский Не-Совсем-Любовник

Меня зовут Луиза.

Я была похожа на вас. Моногамная точка на кривой нормального распределения. Я ожидала верного брака, два и четыре десятых ребёнка, обычного дома. Может быть собаку или двух и хорошо оплачиваемую работу в корпорации.

Потом я встретила парня. Мы следовали предопределённому сценарию. Мы некоторое время встречались, а потом поженились.

Но том, что произошло потом… да, это не было нигде записано.

В 2002 году моим любимым притоном был отвратительный ирландский паб у бульвара Сен-Мишель в Париже. Его когда-то зелёный навес стал серым и рваным, а назывался он… Le Galway. Это давало мне и моим друзьям почву для шуток, связанных с линий “le Big Mac” из Криминального Чтива. Он был моим приютом во время многих пьяных ночей и был удобен как пара старых тапочек. Мой дом делился на две части: спальня и ванная в пяти минутах ходьбы и он, моя гостиная, которую я делила примерно с двадцатью другими завсегдатаями. Мы считали его своим и ревниво изучали каждое новое лицо, появляющееся в двери, пытаясь определить: достоин ли он платить за пинту пива в нашей помойке.

Однажды днём, я проскользнула в мой второй дом, чтоб поболтать о прошлой ночи. Я потягивала чёрный кофе, за который я никогда не платила и подтрунивала над барменом, обсуждая похождения некоторых наших общих друзей. В баре был мужчина с длинными кудрявыми волосами, и он смотрел на меня с нескрываемым восхищением.

Я повернулась к нему и улыбнулась. Он предложил мне прогуляться. Я согласилась.

Мы были эмоционально близки. Мы соединялись. Он проник в мою голову. А потом отказался проникнуть в мои трусы. Это было для меня внове. Когда я говорила “Прыгай!”, они прыгали. Обычно я вообще ничего не говорила, но они всё равно прыгали!

Дамы и господа, я представляю вам Жиля. Моего французского Не-Совсем-Любовника.

Мой французский Не-Совсем-Любовник был эрудитом. Философом. Поэтом. Он курил сигареты и говорил “пфф!” через точно отмеренные интервалы. Он играл в шахматы в моём пабе и обыграл большинство своих соперников. Он изучал айкидо и

объяснял мне Канта. И, неожиданная сторона его личности, он познакомил меня с сериалом “Друзья”, включая в наши разговоры цитаты из него с блестяще отмеренными паузами.

Жиль был первым, кто любил меня… ради меня.

Когда, после нескольких часов переписки в электронной почте и мессенджере, я пришла на намеченное место нашего первого настоящего свидания, я, пытаясь успокоить нервы, за двадцать минут ожидания выпила два яблочных мартини.

— Тебя не было долго, — сказала я, когда он вошёл.

— А тебе для того, чтоб оказаться здесь, потребовалось меньше времени, чем Линдси Вагнер. — Мне вскоре предстояло узнать о его любви к английскому языку, происходящему преимущественно из американского телевидения.

— Что ты пьёшь? — спросил он, усаживаясь на барный стул рядом со мной.

— Яблочные мартини — ответила я. — Я выпила уже два.

Я ожидала, что он неодобрительно нахмурится, но вместо этого он заказал мне ещё один.

— Как ты ухитрилась так рано уйти с работы? — спросил он. — Ты не могла сегодня сделать много. Мы обменивались сообщениями весь день.

— Моя компания скоро обанкротится и находится в этом состоянии уже полгода. Ты знаешь, на что похожа французская бюрократия. Компания управляется американцами, и ты можешь представить как себя чувствуют сотрудники.

После 9/11 анти-американизм был столь распространён, что я всерьёз рассматривала идею вытатуровать на себе Юнион Джек для того, чтоб моя национальность была видна до того как кто-нибудь, услышав мой полуанглийский французский. ударит меня в лицо.

— Это вторая компания, в которой я работаю и которая банкротится. Мои друзья называют меня “Ликвидатор”. — Я усмехнулась и сделала ещё один глоток яблочного мартини.

Он внимательно посмотрел на меня. “А теперь ты выглядишь менее маниакальной, чем раньше. Ты больше не кажешься пойманной и посаженной в клетку, какой я тебя помню.”

— Когда это было? — спросила я.

— Мм… может быть в прошлое Рождество.

— Ты следил за мной столько что… почему ты не пригласил меня раньше?

— Тебя не было видно, ответил он, заказывая Гинесс.

— Я тогда была с этим вышибалой из Polly Maggoo. Мы расстались четыре месяца назад. С тех пор я избегала своих обычных местечек, так как он шпионил за мной. Я пыталась уйти

от него два года. Видимо поэтому я и выглядела так, как ты описываешь.

— Но если ты пыталась *уйти* он него два года, сколько же ты была с ним всего? — спросил он недоверчиво.

— Ну, два года, — ответила я . Думаю, я никогда по настоящему не хотела быть с ним. Но до этого лета никак не могла набраться храбрости уйти от него. Он ударил меня.

Я нетвёрдой рукой потянулась к своей выпивке, но Жиль взял обе мои руки так, что я не смогла завершить движение.

— Меня не беспокоит, что ты пьёшь. Но надо прекратить эту ассоциацию. Ты должна пить только тогда, когда думаешь о чём-нибудь счастливом.

— Но почему? Почему это тебя не беспокоит? — моё пьянство было чем-то стыдным, тем, что я прятала от себя и других. Чем-то, из-за чего меня отвергают.

— У меня есть моя собственная боль. Я знаю, почему ты это делаешь. — ответил он.

В его глазах я увидела отражение боли и вдруг поняла, что есть мужчина, который поймёт меня. И я рассказала ему о моём бывшем парне, склонном к насилию и эмоциональному контролю, жизнь с которым была подобна американским горкам.

В ответ он рассказал мне о депрессии его матери, о его побеге в Ирландию, его любви к девушке его лучшего друга и предательстве их дружбы. Я рассказала ему о катастрофической истории моих отношений, моих приключениях на одну ночь в поисках любви. Он поведал мне о мелодиях, которые он сочинил в своей меланхолии и спел мне их под гитару. Его голос был мягок, глубок и нежен. Я заплакала. И он заплакал вместе со мной.

Той ночью мы спали лицом к лицу на его узкой кровати в квартире, доставшейся ему от покойной бабушки. Два неудачника… наконец-то вместе.

Жиль, помня о моём прошлом и моих эмоциях, связанных с мужчинами, решил, что наши отношения не должны основываться на сексе. Они должны основываться на любви. Поэтому в ту ночь секска не было. А также на следующую и следующую за ней. И с каждой ночью, в которые мы не занимались сексом, я влюблялась в него всё сильнее. Он был ангелом. Кудрявым голубоглазым ангелом.

Через несколько дней я познакомилась с мамой Жиля, его тётей и сестрой. Когда на той неделе я разговаривала по телефону со своей матерью, я сказала ей, что влюблена. И, хотя с момента нашего знакомства прошло всего две недели, я сказала ей, что он приедет на встречу нашей семьи в этом году, в

следующем и так до конца моей жизни. Проходили месяцы и мы проводили ночи вдвоём, пока вдруг не решили сэкономить деньги, которые я платила за квартиру, которой не пользовалась, и съехаться.

Мы откопали всю посуду его покойной бабушки и закатили огромную хаотичную вечеринку с фондю в её квартире в пятом округе Парижа. Мы сочинили нелепые диалоги для как-бы порнографических фильмов и сняли их с нашими друзьями, полностью одетыми и в дурацких париках. Мы научились кататься на скейтах и проводили часы, катаясь по Парижу, рискованно ныряя между мчащимися Ситроенами. Мы кайфовали, играя в многопользовательский тетрис на его старом Nintendo-64. И да, как мы смеялись вместе.

Два с половиной года спустя я вышла за него замуж в подземельях под Бастилией, а наши друзья читали из Маленького Принца. Потом мы ужинали в ресторане и спрятали в карман сладости, которые нам дали к кофе. Это была невероятная идиллия и я думала, что моё будущее определилось навсегда.

Измена

Я изменила мужу со своим бывшим парнем через три года после того, как мы поженились. Если в моём прошлом и был любовник, способный меня соблазнить, то это был Стефан. И я дала себя соблазнить… охотно.

Стефан был моей первой любовью… и моим первым оргазмом. Это было в старшей школе, а он приехал из Университета домой на Рождество. Он был взрослый. Он хотел секса. А я никогда не любила отказывать, особенно тем, кого любила. Я смотрела на него снизу вверх в спальне полуразвалившегося дома, в котором мы проводили вечеринки. Его друг валялся пьяным на кровати напротив. Меня это не волновало, потому что в восемнадцать мы бываем чертовски похотливы. Мы занимались любовью в этой комнате, а потом принимали долгие мыльные ванны. Никогда потрескавшаяся плитка не казалась мне столь романтичной, как когда я лежала в ванне напротив него.

Две недели любви, а потом он уехал.

И вот, десять лет спустя, я зарегистрировалась в Фейсбуке. Внезапно, он снова оказался рядом. И мой внутренний подросток проснулся, сверкая ленивым вожделением.

Несколько недель мы переписывались. Эти письма были вполне невинны. Но их регулярность и частота увеличивались, по мере того, как мы писали всё больше и больше. Я обманывала себя, стараясь думать, что это невинный флирт, и он совершенно безвреден, поскольку мы не встречаемся. Но после шести недель виртуального желания, привязанности и шуток, возможность деловой поездки в Лондон унесла прочь всю мою остававшуюся решимость, и я опрометчиво направилась навстречу своей судьбе.

Когда мы встретились тем вечером, я привела с собой подругу… просто на тот случай, что подвергнусь искушению. Мой первый любимый и его сосед по квартире пожарили барбекю, и в воздухе стоял запах канзасского соуса. Вино лилось. Наши пальцы были липкими, разговор танцевал в летнем воздухе, а смех уносился к стенам, окружающим сад. В середине вечера подруга отозвала меня в ванную и спросила: “Ты собираешься трахаться с ним или нет?”

“Нет!” — ответила я слабым голосом. “Я замужем.”

Но это всё было бесполезно. Я хотела. Настолько, что засиделась допоздна, хотя и понимала, что произойдёт. Я была жертвой условий и моей неудовлетворённости моногамией. Я играла во взрослую, но даже не знала, что такое быть взрослой.

Это был не первый раз, когда я была пьяна и любвеобильна: мимолётный поцелуй с однокурсником, когда я закончила бизнес-школу, та неловкость под мостом с моим начальником, когда он провожал меня домой с конференции… Но этот раз, решила я, должен стать последним.

Потому, что я не могла больше отрицать этого. Это не было мимолётно или неловко. Это был секс. А также любовь. Я всё ещё любила Стефана.

Я была поставлена перед фактом, что в моих нынешних отношениях что-то не так. И со мной. Это приключение было намеренно спланировано мной. Я игнорировала все предупреждающие сигналы и вела нашу связь к её итогу, невзирая на риск разрушения всего того, что я любила. Я получила прошлую любовь ценой нынешней. Момент страсти вместо жизни в любви и стабильности.

За те восемь часов, что оставались у меня до возвращения домой, я посоветовалась по телефону с двумя своими лучшими подругами. Восемь часов недостаточно для того, чтоб принять решение, меняющее всю жизнь, но я уже непоправимо изменила её своей изменой.

— Хорошо, ты сделала ошибку, — сказала Линда, — Но если сказать ему, это только бессмысленно ранит его. Ты подтолкнёшь его к немедленным действиям. Ты хочешь развода?

Я не хотела. Но разве не было бы честно дать ему возможность предложить его?

Даже Шарлотта, крайне верящая в честность, пока она соответствует её целям, сказала: “Поверь мне, Луиза, прямо сейчас он не сможет выжить без тебя. Посмотрим логически: у него нет ни карьеры, ни квалификации. Кроме чувства вины по поводу измены, ты будешь чувствовать себя виноватой в том, что бросила его. Или вынудила его бросить тебя.”

Проклятье, если я скажу. Проклятье, если не скажу.

— Я не хочу развода и не хочу причинять ему боль — сказала я. — Но я это уже сделала. Теперь мой выбор состоит в том, добавить ли к этому ложь и риск того, что это раскроется позже или сказать ему сейчас и преодолеть это.

В тот момент я была особенно горда собой, хотя мне, как неверной жене было нечем гордиться. Я изменила. Я предала доверие. Но я провела эти восемь часов, то плача от вины и стыда, то пытаясь укрепить своё решение. Потому что, если что-то ещё могло спасти мою целостность, то это решение не быть лгуньей.

В конце концов Линда сказала в отчаянии: “Ты понимаешь, что рискуешь? У тебя огромные проблемы с отверженностью.

Если он покинет тебя, что ты будешь делать?”

Шарлотта зашла с другой стороны: “А ты не думаешь, что ты так всё и задумала? Может быть ты просто трусишь? Если ты хочешь расстаться с ним, почему бы просто не сделать это? Тебе не обязательно сообщать ему про свою измену.”

Мои подруги знали меня слишком хорошо. Но, видимо, недостаточно хорошо, чтоб понимать, что это не то, чего я хотела.

— Я не хочу расстаться с ним. Я люблю его.

— Так почему же ты изменила? — возразили обе.

— Я была пьяна.

Да, сказал мой внутренний голос, *но ты не была пьяна, когда поехала в Лондон. Когда ты организовывала ужин. Ты напилась до чёртиков только для того, чтоб это случилось. Любой суд признает тут заранее обдуманное намерение.*

Точнейшее попадание!

На моём пути из Лондона в моей голове вновь и вновь начинался спор: должна ли я сказать ему. Потому, что сказать было бы чистым эгоизмом с моей стороны… в конце концов я по прежнему любила его и собиралась быть с ним до конца моих дней. В том, чтобы сказать не было бы ничего хорошего.

Но разве мы не верили друг другу в том, что говорим правду? В том, что мы слиты воедино, что наше будущее не построено на слое лжи? Могут ли мои действия быть симптомом глубоко спрятанного отсутствия счастья? Или это просто тайное эгоистическое желание вернуться в юность, воссоединиться с первой любовью? Было ли это так важно? Было ли это важнее того, что я причинила такую боль своему мужу? Если это не повторится, зачем переворачивать тележку с яблоками?

Потому, что после того, что произошло, я не смогу смотреть ему в глаза.

Потому, что я не смогу сделать это без изрядной порции алкоголя.

Потому, что он слишком безупречен и слишком невинен.

Потому, что он прекрасен душой и телом.

Было бы невозможно смотреть на него на следующий день, зная, что я храню секрет, который может разрушить как его, так и меня в его глазах. Я не могу позволить ему любить иллюзию. И я не смогу жить с самой собой, если я не скажу ему. Я распадусь на части от чувства вины. Потому что, сколько бы я ни старалась, мне не найти оправдания тому, что я сделала, кроме того, что я до сих пор люблю своего первого любимого.

Не так как Жиля. И Жиля я люблю тоже.

Мне надо что-то поменять… хотя в этой ситуации я не уверена, что что-то можно поменять. Единственными

возможностями, открывшимися передо мной были развод и длительная терапия.

Он знал, что происходит что-то важное. То, что я в тот день послала ему только одно сообщение, подтверждающее время моего прибытия, говорило о том, что что-то идёт не так. Войдя в двери, я произнесла пользующиеся дурной славой слова…

“Нам надо поговорить.”

О, чудовищность измены! Полное предательство. Сколько томов написано о том, как справиться с неверностью? Сколько пар следовало классическим сценариям измены? Будучи неверной стороной, я взяла на себя роль своенравной, защищающейся, но гордой супруги. Мой муж взял роль ревнивого и обиженного рогоносца. Он предложил мне чашку чая… Я взяла её, но всё ещё не могла заставить себя сказать что-нибудь.

— Итак, что произошло, — спросил он наконец.

— Я изменила тебе, — это всё, что я смогла произнести.

— Как долго это продолжалось?

— Это был только один раз… — пауза.

— Кто это был?

— Его зовут Стефан. Это не важно.

— Почему это неважно? — спросил он, утомлённый моими краткими ответами.

И тут, в лавине эмоций, сделавших мой голос странным и высоким, как никогда ранее, вырвались слова, которых я и сама не поняла: “Потому, что это мог быть кто угодно. Я долгое время была несчастна. Я просто не понимала этого.”

— Почему ты была несчастна? — Он был сбит с толку, и неудивительно. Мы по прежнему смеялись. Мы по прежнему устраивали вечеринки. Грандиозные беспорядочные вечеринки.

Я знала, что это заденет его, и поэтому прошептала: “Потому, что я не вижу будущего с тобой. Ты не можешь удержаться ни на какой работе. Ты не получил до конца ни одного образования. Ты ничего по настоящему не закончил за свою жизнь. Последний раз ты работал год назад да и тогда ты два месяца был на больничном. Я не могу ни в чём на тебя положиться. Я не могу строить с тобой семью.”

Я не упомянула огромного слона, стоящего посреди комнаты. Мы не занимались сексом уже месяц, а за весь последний год — всего несколько раз. Как правило, после выпивки.

Тут он внезапно приобрёл очень французский вид. Его плечи расправились, рот скривился в усмешке, и он сказал: “Итак, ты изменила мне, а виноват во всём я?”

Конечно, Жиль был прав, и я это знала.

— Нет. То, что я сделала, нельзя оправдать, я знаю. Но я думаю, что это симптом большой проблемы.

Я часами перечисляла причины, по которым я не была удовлетворена отношениями с ним. Я перечислила всё, все его ошибки. Он плакал, и я ненавидела себя.

Но в то же время, я не сказала ничего о том, как мне было стыдно. И о том, как моё решение изменить ему было подсознательной попыткой всё поменять, потому, что мне было слишком страшно поговорить с ним о том, чего я действительно хотела, чего мне не хватало в жизни. Любовь. Близость. И секс. Лучший секс.

До того я утверждала, что секс для меня не важен. Секс как потребность? Моя мать была бы в ужасе.

Да, мои потребности были спрятаны под слоями отрицания. Но правда состояла в том, что даже если бы у него была успешная карьера, я бы использовала этот факт для того, чтобы жаловаться на отсутствие внимания. Он не смог бы оказаться достаточно хорош. Я следовала весьма распространённому сценарию, описывая почему он не подходит мне и почему мне нужен кто-то другой, как будто кто-то мог бы дать мне всё. Как будто был некий мистер Правильный, способный удовлетворить любую грань моей постоянно изменяющейся личности. В тот момент я думала, что это возможно… желательно… необходимо.

После того, как улеглась первая волна, мы приняли решение, что попробуем избежать развода. Мы говорили и говорили о том, как изменить наши отношения и избежать повторения этой ситуации в будущем. Но мы зашли в тупик.

На его вопрос: “Ты всё ещё любишь его?”

Мой ответ был: “Да.”

На его вопрос: “Ты всё ещё любишь меня?”

Мой ответ тоже был: “Да.”

Я не могла уйти от того, что в моём сердце живёт любовь к двум мужчинам. Одна старая и одна новая.

На его вопрос: “Повторится ли это?”

Я ответила: “Я не знаю.”

К чести Жиля, его реакция не была такой, как я ожидала. Его гнев не поглотил его полностью и он не действовал импульсивно. С другой стороны, моя первая любовь, Стефан, не собирался развивать отношения со мной (он был моей первой любовью, но я-то не была ею для него). Исследуя свои чувства в попытке искоренить память об этом мужчине, я с ужасом обнаружила, что в моём сердце таится не только первая любовь, но и любовь как минимум к двум моим последующим партнёрам, а также к множеству друзей. В наших отношениях не должно остаться ни

капли обмана, иначе они обречены на провал.

Итак, его вопрос был: “Ты хочешь, чтоб это произошло ещё?”

И мой ответ был: “Да.”

Соединение с кем-то, кого я любила когда-то и до сих пор, было таким волшебным опытом, что я не могла сказать, что действительно сожалею о нём. Я искренне сожалела о боли, которую я причинила мужу и о своём предательстве нашего соглашения. Но, в попытках быть честной с собой, я открыла своё тайное желание: я люблю становиться близкой с людьми. Я люблю влюбляться. Я люблю соприкасаться душами и чувствовать волнение от по настоящему доверительного и личного разговора. Это то, что делает меня живой. И часто эти люди остаются важными для меня. Некоторые связи длятся минутами, но любовь остаётся навсегда. Друзья, мужчины и женщины, с которыми я почувствовала мгновенную близость и строила отношения годами. Я хотела свободы развивать эти отношения по их естественному пути. Даже если на этом пути появляется любовь… и секс.

Отношения с моим первым любимым были страстными. И всегда останутся страстными, независимо от того, будут ли они развиваться. Такие вещи во мне не умирают и я не хочу, чтоб они умирали. Мой брак означал для меня непреложное обязательство провести с мужем всю оставшуюся жизнь. Но если это обязательство означает, что я должна отказаться от склонности к сближению с людьми, того самого свойства моего характера, которое связало меня с мужем, это нечто, чего я не могу придерживаться. Просить меня перестать вступать в отношения с новыми людьми, значит просить меня не быть собой. Таким образом, передо мной открывались две возможности: провести жизнь в одиночестве, сохраняя возможность свободно формировать связи с людьми или быть замужем и ограничить или полностью прекратить близкое общение со всеми остальными.

Все причины, о которых я говорила в начале: моя неудовлетворённость его прокастиниацией и отсутствием амбиций были правдой. Всё так и было. Но это не была единственная причина, почему я посмотрела вовне. Я сделала это потому, что такова моя подлинная личность.

Проблемы Жиля с его карьерой не мешали мне любить его и хотеть быть с ним. Но они дали мне возможность быстрее понять, что он не может всесторонне соответствовать мне. Я закончила три бизнес-школы и имела изрядную склонность к соревновательности, а он нет. Я любила банальную поп-музыку, а он — джаз. Я любила прогулки и вечеринки, а он — создавать компьютерную графику. Но, в то же время, у нас с мужем было

так много общего в других областях, что это вряд ли было бы возможно с кем-то другим. Глубокое взаимопонимание. И, главное — любовь. Но ни один из нас в точности не понимал, что это такое — любовь.

— Как ты можешь всё ещё любить меня, если ты любишь кого-то другого, — вопрошал он.

— Я не знаю, как это возможно… Но это возможно, — просто ответила я.

— Но тогда твои чувства ко мне не могут быть любовью.

Он отвернулся. Его охватило отчаянье, и я ухватилась за соломинку.

— Почему? Почему не может быть любовью? Что такое любовь, как не желание быть с тобой до конца моих дней? Желание планировать и строить будущее с тобой? Наоборот, я очень сильно люблю тебя. Это ты не любишь меня. Ты хочешь, чтоб я была несчастна и скрывала части моей личности потому, что ты не можешь выносить их.

Я обнаружила, что возможность быть самой собой для меня важнее даже, чем любовь к мужу. Я не могу изменить себя для того, чтоб быть с ним. Была ли я неразборчивой в связях? Обречена быть одинокой до конца жизни? Недостойной любви? Но с этим открытием что-то внезапно встало на своё место. Мои неудовлетворённость и внутренний конфликт не имели ничего общего с моим мужем, моим браком, моей карьерой. Дело оказалось в том, что большую часть жизни я пыталась быть кем-то, кем не была. Я не была честна сама с собой.

Что плохого в том, чтоб быть шлюхой? — задумалась я.

Это значит, что ты не уважаешь себя и своё тело — ответила моя мать, как-бы сидящая на моём плече.

Но я не собираюсь спать с кем попало и попадать в опасные ситуации. Я просто хочу иметь возможность любить нескольких людей. Я люблю любить и быть любимой.

Но все говорят, что это неправильно, так как неразборчивость является психическим отклонением. И на следующий день я отправилась на терапию.

“Я изменила мужу!” — театрально заявила я, как бы бросая перчатку и подразумевая: “Судите меня, если хотите!”

Психотерапевт, мужчина, настолько лысый, что казалось, что на его сверкающей голове никогда не росло ни единого волоска, спросил только: “Вам понравилось?”

— Честно говоря, я не очень помню. Возможно. Я была очень пьяна. Но мне не понравилось чувство вины.

— Какова ваша сексуальная жизнь с мужем? — спросил он.

— Полагаю, нормально. Мы оба получаем удовольствие, когда она случается. Хотя это бывает не очень часто в последнее время. И она несколько монотонна. Но, я полагаю, что это именно то, что получается, когда люди женятся.

— Откуда вы знаете, на что должна быть похожа семейная жизнь? — допытывался он.

— М… Хорошо, Голливуд… Джейн Остин… мои родители, — откуда люди узнают на что должна быть похожа семейная жизнь?

— Каковы отношения между вашими родителями?

— Они разведены. Они ненавидят друг друга.

— А до того, как они развелись? Любили ли они друг друга?

— Только если любовь включает в себя швыряние тарелок, — саркастически заметила я.

— А!

Некоторое время мы молчали. Потом он сказал: “Конечно, вы унаследовали большинство ваших ценностей и привычек от родителей. Вы полагаете серьёзные отношения бессексуальными. И также уверены в том, что брак требует верности.”

Вторая часть его фразы приковала моё внимание, так как указывала на решение. Я спросила с надеждой: “А он не требует?” Я обратилась к авторитету. Если доктор сказал это, значит есть надежда? Существует ли такая штука как немоногамный брак? Я о таком не слышала.

— Почему вы спрашиваете об этом у меня? — сказал он, бросая перчатку назад. — Определённо, это решать вам и вашему мужу.

— Но это уже решено, — сказала я, пытаясь понять, какую религию он исповедует. — По определению. Это было в наших клятвах.

— В христианских клятвах. Вы христианка?

— Нет, — твёрдо ответила я. — Я агностик. Много лет. — Если сомнения и неуверенность могут быть описаны как определённая вера.

— Так почему вы верите в христианский брак?

Одно предложение изменило мой мир. Я не верила в христианский брак и годами высказывалась против него, хотя и ни на что не опираясь. Но какой ещё бывает брак?

С ошеломляющей скоростью и оглушительным громом всё стало вставать на свои места. Сколько исповедуемых мной ценностей были унаследованы и приняты без вопросов? Какие из них конструктивны? Ткань моей реальности сплетена из нитей, в прядении которых я не принимала участия. Суждение тут, ценность там, мнение, принятое для того, чтоб не огорчать кого-то и никогда не ставившееся под вопрос. Не приму больше

ничего, что не было бы всерьёз проверено (да и потом сохраню за собой право изменить своё мнение).

Мой муж почувствовал, что земля под ногами пошатнулась, а потом улетела в космос. Он, как и я полагал, что невозможно продолжать быть женатыми, если нельзя обещать по меньшей мере пытаться хранить верность. В его представлении верность была краеугольным камнем брака. Если я хочу строить отношения с другими людьми, брак окончен.

Наше общество приучило нас думать, что нельзя в одно и то же время испытывать страсть более, чем к одному человеку, быть близким более, чем с одним человеком. Мы поставлены перед выбором: брак и верность или неэксклюзивность и одиночество. Принцесса выходит замуж и живёт долго и счастливо — волшебные сказки не дают нам образцов добровольной и взаимной немоногамии.

Но слова терапевта оказались семенами, упавшими в плодородную почву. В течение нескольких следующих дней, проведённых в попытках договориться, я забрасывала Google запросами: “любовь без границ”, “открытый брак” и тому подобными. И то, что я находила, обнадёживало.

Обнадёживало — это очень слабо сказано. В груди жгло, желудок проваливался в пустоту. Я внезапно прикоснулась к своему будущему. То, что я хотела, существует, и у него есть название.

Оно называется “полиамория”. И чем больше я читала, тем лучше всё становилось на свои места.

Открытие, изменившее жизнь

“Поли” — от греческого корня “много”.

“Амор” — от латинского корня “любовь”.

Ключ к разгадке находится в самом названии. Философия полиамории состоит в принятии того, что не все люди должны быть моногамными. Это не означает измены или предательства. Это значит, что можно практиковать немоногамию честно, этично, ответственно и не причиняя вреда.

Я слышала о полигамии, утвердившейся, патриархальной концепции, такой как у Мормонов. Один мужчина. Много женщин. Один член. Много влагалищ. Но полиамория, похоже, была полной противоположностью. Свобода. Доверие и равенство. Женщинам тоже можно выражать любовь более, чем к одному человеку. И, помимо всего, любовь не обязательно имеет отношение к члену. Гендер подвижен. Сексуальность подвижна. Отношения подвижны. Структура отношений не дана свыше, а эволюционирует. В отличие от полигамии, отношения могут быть серьёзны в разной степени. Судя по всему, имеют право на жизнь и кратковременные интрижки, не лишённые при этом трепета любви. Говоря прямо: я могу съесть свой торт и по прежнему иметь его.

Взгляд полиаморов на любовь совершенно отличается от привычного мне. Нет такой штуки как Единственная Настоящая Любовь — их может быть несколько. Любовь не является дефицитным ресурсом. Я могу на сто процентов любить кого-то и, в то же время, любить кого-то ещё на те же сто процентов. Это что-то вроде чуда о хлебах и рыбах: чем больше ты даёшь, тем больше можешь дать. Полиаморна ли я? Лёгкость в моём сердце сказала мне: да. Я была как бусина, для которой наконец-то нашлось место в узоре.

Но в своих интернетных поисках я встретила множество людей, не согласных со мнением, что моногамия это вопрос выбора. По их мнению, моногамия это единственный вариант, который должен подходить всем. Я когда-то тоже верила в это, но чем больше я задумывалась, тем сильнее ставила это убеждение под вопрос.

Я видела на форумах людей, которые утверждали, что моногамия является результатом эволюции, идеальным состоянием, которого могут достичь один мужчина и одна женщина. Что их религиозные убеждения подтверждают единственность и правильность этого варианта. С верой спорить очень трудно, так как её нельзя подтвердить или опровергнуть,

она не может быть истинной или ложной, она просто есть.

Но, так или иначе, их мнения не важны. Важно мнение моего мужа.

Я с трепетом принесла свои находки домой.

“Жиль…” — сказала я, кладя распечатки статей на кухонный стол. “Не мог бы ты прочитать это и сказать, что ты о нём думаешь?”

И, пытаясь обосновать свои желания, я добавила: “Это написал врач.”

Слабость… В ожидании взрыва, я тихо перемещаюсь по кухне, доделывая ужин.

Взрыва, который так и не случился.

За последние несколько недель я узнала, насколько сильно любит меня мой муж. Настолько сильно, что он может слушать меня даже находясь в болезненном шоковом состоянии.

К моему удивлению, он улыбнулся и сказал, глядя в моё взволнованное лицо: “А какой моей реакции ты ожидала?”

— Я не знала как ты отреагируешь. Из того, что кто-то что-то написал, вовсе не следует, что ты примешь это, независимо от того, какими могут быть мои чувства.

— Луиза, ты не перестаёшь меня удивлять. Я видел, как ты многое преодолела и я знал, что наш брак будет приключением. Ты подвергаешь проверке признанные обществом ценности и выкидываешь их в окно. Мало кто способен на такое.

— Или мало кто достаточно туп, чтоб делать это! — ответила я с горькой усмешкой.

— Граница между мудростью и тупостью очень тонкая, — процитировал он *Spinal Tap*.

— Точно. Большой хлеб, — ответила я цитатой же.

— Полиамория, — он вертел это слово на языке, чтобы почувствовать его вкус.

— Звучит немного математически.

— Пожалуй, моему отцу это понравится!

Отношения Жиля с отцом никогда не были простыми, и когда я увидела его ухмылку, я подумала, что, возможно, он радуется тому, что нашёл ещё что-то, что можно использовать для постройки баррикады, для его личной революции. Как раньше использовал для этого незавершение обучения.

— Это просто ещё один способ досадить твоему отцу? Или это нечто, что действительно привлекает тебя?

Жиль успокоился, но я всё равно видела в его озорных голубых глазах отблески возбуждения. И я видела перед собой Жиля семилетней давности. Жиля, в которого я влюбилась когда-то. Он выглядел счастливее, чем когда-либо в последнее время.

“Я тоже кое-что читал сегодня” — сказал он.

— Да?

— Помнишь Рона?

Рон Смодермон (Ron Smothermon) был автором нашей любимой книги *Победа через просветление* (Winning through Enlightenment). В ней он утверждает, что нет плохого и хорошего, а есть только действия и их последствия и именно по ним надо судить о том, что хорошо и что плохо. Позиция, крайне сложная для принятия, если рассматривать насилие над детьми и убийства.

Я сегодня переписывался с Алексом. Он спросил, что удерживает нас вместе, если это не верность. И я начал читать. И смотри, что я нашёл.“ Он открыл книгу и показал мне на предложение.

Я прочла: *“Если нет выбора **не** быть в отношениях, значит нет выбора **быть** в отношениях.”*

Жиль ожидающе взглянул на меня, желая увидеть у меня такой же момент прозрения, какой только что случился у него.

Это не заняло много времени. “Таким образом, мы вместе потому, что мы выбрали быть вместе?”

“Точно!” — сказал он. “И не нужно никакой другой причины. Это самая лучшая причина.”

Но когда мы стали обдумывать открытие нашего брака, оказалось непросто понять, какие именно выражения уважения и честности будут соответствовать нашему решению. Какое количество уважения является достаточным? Если я встретила кого-то в баре, должна ли я позвонить мужу до начала разговора?

До первой выпивки? До первого поцелуя?

Пожалуй, не стоит таскаться по клубам, приговаривая “Я замужем, но мой муж не против этого всего”, как какая-нибудь изменяющая нимфоманка.

— Проблема в том, мрачно заметил Жиль, что ты обгонишь меня на десять очков, пока я пытаюсь сдвинуться с места. Я гораздо стеснительнее тебя и я мало с кем общаюсь вне дома.

Но это было не совсем так, о чём я и сказала:

— Ты вовсе не стеснительный. Ты просто замкнутый, это совсем другое дело. В социальных взаимодействиях, когда они случаются, ты прекрасен. Но если ты однажды оторвёшься от экрана компьютера, возможно, они будут случаться чаще? Как насчёт тренажёрного зала?

— Там не знакомятся с женщинами! — воскликнул он возмущённо. Там просто наслаждаются, рассматривая попы, обтянутые лайкрой!

— Хорошо. Но там много женщин каждый день. Стройных

женщин. Женщин, с которыми у тебя есть нечто общее. Женщин, с которыми ты мог бы, для начала подружиться.

Тут у меня мелькнула другая мысль: “Ты всегда много разговариваешь с девушками, когда гуляешь с собаками. Собаки притягивают их как магниты.”

В качестве подготовки к рождению детей, мы завели двух чёрно-коричневых такс, названных Казанова и Клеопатра.

Тут до нас дошёл странный характер нашего разговора, и мы засмеялись. Я советовала мужу как знакомиться с другими женщинами.

— Ага, а как *ты* собираешься найти кого-нибудь? — спросил он.

— Думаю, это просто произойдёт само собой. Я не собираюсь объявлять, что я доступна для отношений.

— Да, но вокруг тебя вечно парни, мечтающие познакомиться с тобой. И им совершенно не важно: замужем ты или нет.

Я нахмурилась. Я видела полиаморию совсем не такой. Менее чем за сутки, я уже обратилась в эту веру.

— Это не то. Я хочу, чтоб они заботились обо мне. И я хочу, чтоб они были с тобой друзьями, Жиль.

— Это было бы очень странно! — произнёс он, сморщившись.

— Тут так написано, — я указала на статью. *“Если вы не можете пригласить любовника вашей жены на ужин, вероятно, это не полиамория”* Подразумевается, что все будут дружить.

Нас снова накрыла чудовищность того, что мы делаем. Как мы собираемся вообще это делать? Когда я попробую открыто познакомить своего парня со своим мужем, возникнет проблема. Концепция открытости будет отпугивать людей, при том, что тайные измены считаются относительно приемлемыми. И вряд ли мы сможем поддерживать параллельные отношения, если новый человек не окажется полностью готов пройти через собственную ревность. Ему или ей придётся принять наш брак и то, что мы не собираемся расставаться, приготовиться к тому, чтоб делить нас, как и мы собираемся делить его или её любовь и время с кем-то ещё.

— А что если ты влюбишься и покинешь меня? — спросила я чисто риторически, так как опасалась, что последует ответ, и что этот ответ мне не понравится.

И когда ответ пришёл, он не понравился мне.

— Я не знаю, что будет. Нам следует просто доверять тому, что мы любим друг друга.

— Я знаю, что люблю тебя. Я очень хорошо знаю это после трёх месяцев ада, видит Бог. Но никто не знает, что будет. Возможно, мы просто свихнулись.

— Но какова альтернатива? — спросил он. Мы возвращаемся к моногамии? Знаешь, у меня были собственные близкие отношения. Когда-то была девушка…

Он замолчал, неуверенно глядя на меня.

Вот это был момент! Момент, когда моё сердце подскочило к горлу. И, в то же время, это был момент, в который, несмотря на мои неверность и чувство вины, я поняла… для нас обоих нет пути назад.

— Продолжай, — сказала я, задержав дыхание. Не окажется ли, что полиамория всё время будет такой? Что теперь я всегда буду чувствовать себя на краю пропасти?

— Я ничего не делал, — поспешно сказал он. Но мои чувства к ней были серьёзны. Я работал с ней вместе и был смущён своими чувствами. Я всё ещё любил тебя. Я всё ещё люблю тебя.

Я немного помолчала. Я ждала, чтоб боль ослабела. И я нашла то, что искала. Благодарность. Благодарность за то, что он был честен со мной. Благодарность за то, что он тоже был человеком.

— Спасибо.

— Это сарказм? — нервно спросил он.

— Нет. Спасибо, что рассказал. Я люблю тебя. Ты человек. Благодарение Богу, я не влеку тебя туда, куда тебе не хочется. Как ты думаешь, ты был бы счастлив с этой девушкой?

— Думаю, да, — неуверенно ответил он.

— Сделает ли тебя счастливее знание, что я была бы счастлива за тебя, если бы ты был счастлив с ней? — продолжила я.

— Да, — этот ответ был более твёрдым. На улице под нашими окнами включились фонари. Наш мир внезапно стал ярким.

Он взял меня за руки и мы чувствовали, как любовь перетекает между нами. Как чудесно чувствовать, что такой разговор возможен. Я почти плакала от радости и облегчения. Моя любовь к Жилю утроилась, мы были соединены воедино.

Этот путь мы прошли вместе.

Определение правил

Когда мы с мужем придумывали наши свадебные клятвы, мы пытались определить, что именно мы понимаем под любовью и обязательствами. Вот что мы сказали друг другу:

Настоящая любовь больше, чем испытываемое нами желание, больше чем тепло и свечение, чем волнение и романтика. Это также внимание к благополучию и счастью другого, как к своему собственному. Это принятие на себя рисков: риска говорить правду, риска брать ответственность за себя и свои слова и действия, риска быть открытым и уязвимым. Принятие честной коммуникации и совместного труда для достижения общих целей.

Любовь это не полное растворение друг в друге, это совместный взгляд в общем направлении. Любовь делает ношу легче, потому, что мы делим её. Она делает радость сильнее, потому, что мы делимся ей. Она делает нас сильнее, потому, что мы можем сделать со своими жизнями такое, что нам было бы не под силу поодиночке.

Той ночью мы перечитали это и оба согласились с тем, что мы поступаем в соответствии с нашим изначальным соглашением. Любить друг друга и принимать жизнь честно и ответственно, невзирая на опасности.

Но наш риск именно наш, а не чей-нибудь ещё и так и должно быть. По крайней мере до тех пор пока этот кто-то не примет этот риск с радостью и пониманием того, что мы считаем, что за ним следует награда. Ни один из нам не хотел сбить кого-то с толку или причинить кому-нибудь ненужную боль.

Хотя мы приняли принципиальное решение строить множественные отношения, у нас не было ни малейшего представления как это сделать. Нашим определением полиамории была свобода любить по собственному выбору. Мы полагали, что даже связь на одну ночь может вспыхивать близостью в той же мере, что и длительная дружба, впрочем, пока на горизонте никого не было. В ту ночь разговор не прекратился и когда мы легли спать.

— Но если мы открываем наш брак, мы не должны устанавливать ограничений, утверждала я. Иначе в чём будет смысл? Ограничения закрывают двери.

— Да, но есть разные степени “открытости”. Я не хочу, чтобы ты просто прыгала из койки в койку как чёрт знает кто.

— Я в любом случае не хочу этого делать. Полиамория — это про уважение, — сказала я, в качестве эксперта, прочитавшего целых две книги по этой теме. И это относится и к тебе. Ты мой

муж и я тебя уважаю.

Но он хотел знать:

— Как ты собираешься справляться с такой свободой? Готова ли ты принимать решения, не наносящие вреда?

Я убедила его (и себя), что да. Но в темноте все те же сомнения вернулись ко мне. Насколько мы можем открыть свои отношения, не потеряв их? Этот вопрос пугал, несмотря на ошеломляющие и ослепительные перспективы нашего будущего. Волнующего, но пугающего. Нам нужны были рамки.

Если мы попали в область, в которой нет никаких правил, нам надо самими установить их.

Вот чему мы пришли:

Правило №1. Каждый новый человек должен получить полную информацию о ситуации.

Это связано с согласием. Было бы нечестно дать кому-то возможность связаться с кем-то из нас, не зная о полиамории или имея о ней превратное представление. Полиамория не является простым решением для всех. Это сложный путь, вызов для каждого, кто ступает на него.

Лично я полагала, что если я расскажу о нашей философии в обычном разговоре в баре, этого окажется достаточно, чтоб слушатели убежали прочь с криками ужаса. Но, с другой стороны, это, возможно, было бы хорошей проверкой, показывающей людей, которых я бы оценила. Тех, кто, подобно нам, не слишком страшится этой идеи и достаточно заинтересован, чтоб принять возможные последствия. А вовсе не тех, кто слишком боится общественного мнения, чтоб связываться с тем, что кажется нам большим шагом для всего человечества.

Правило №2. Предохранение, предохранение, предохранение.

Очевидно, не второе по важности, но второе по времени. Если мы открываем свои отношения для других людей, мы ставим безопасность выше любви и уважения. Но насколько безопасной должна быть безопасность? Можем ли мы относиться снисходительно к оральному сексу без защиты? Это одинаково относится к мужчинам и женщинам? Мы пришли к решению после бесконечных споров и исследований. Презервативы обязательны только при “полноценном” сексе. Тут мы задумались. Презервативы иногда рвутся. И результатом может быть не только болезнь, но и нечто, меняющее жизнь сильнее — ребёнок.

С точки зрения закона, пока я замужем, мой муж будет отцом любого моего ребёнка, если в явной форме не откажется от отцовства. Для этого ему пришлось бы подписать документ,

утверждающий, что зачатие имело место в тайне от него и без его согласия. Что было бы неправдой. Проблемы, которые возникли бы, если бы у него появился ребёнок от кого-то, кроме меня, были бы ещё сложнее. Это могло бы быть началом целой эры ревности и неуверенности. Хотя я не ревную по поводу его чувств, ребёнок может потребовать слишком много времени и я оказалась бы на обочине. И это было бы только начало.

Правило №3. Отношения должны не приносить вреда ни одному из нас.

У моего мужа, определённо есть право пристально рассматривать потенциальные объекты моего любовного интереса, чтобы определить: нет влияют ли они на меня отрицательно, причиняя ему прямой вред или подрывая наш брак.

Но как определить, что есть вред? Боль, через которую мы прошли в последнее время, обернулась в результате знанием и ростом. Любая ли боль в перспективе полезна? И, раз мы даём друг другу свободу, не будет ли право вето противоречить этому и объективизировать потенциальных партнёров.

Хотя наши правила и были далеки от решения всех вопросов, открывали мир новых возможностей. Я, в надежде что другие решили это проблемы до нас, подписалась на несколько списков рассылки. Некоторые группы были закрытыми и я долго ждала одобрения подписки от участников. Создавалось впечатление, что мы входим в замкнутый мирок, в котором новые полиаморы не приветствуются. Несмотря на всё, что мы прочитали, у нас не было никакого практического опыта. Мы задавали глупые вопросы. Мы подвергались нападкам. Я оказалась меньшинством. Те списки, к которым я присоединилась, включали полиаморов, являющихся участниками других групп, в том числе бисексуальных, имевших по меньшей мере двоих партнёров разного пола.

Когда моё ужасно восторженное представление подверглось нападкам, я отступила. Многие не слишком свободомысляще удивлялись: что от них хочет гетеросексуальная пара, не имеющая отношения к бисексуальности или кинку.

Это было вовсе не то, во что я начала верить. Насколько я понимала, полиамория представляла собой открытую любовь в сочетании с уважением и целостностью. Не сделала ли я ужасную ошибку — думала я в который раз, не зная куда двинуться дальше.

Но едва эта мысль сформировалась в моей голове, я получила письмо от пары, живущей в Англии. Будучи свингерами, они, в процессе общения с другой парой, случайно обнаружили у себя

склонность к полиамории. Те отношения не сложились, но они мечтали о бесконечных возможностях отношений и совместной жизни с разными людьми. Совсем как мы.

Я всегда аккуратно отделяла моё желание любви от тоски по чисто сексуальным приключениям. Полюбить — один шанс на миллион. Взаимная любовь с другой парой — один шанс из миллиарда. Ну или я так думала.

Другая пара

Получив их первое письмо, я вздохнула. Свингеры. Ещё одно несоответствие в моём виденье утопии.

— Собираешься ли ты ответить? — спросила Линда, моя главная сваха, которой я рассказала о нашей новой философии.

— Разумеется, — ответила я. Было бы невежливо не ответить. Но, честно говоря, я совершенно не понимаю, как они считают возможными, что мы полюбим их обоих?

— Его зовут Мортен, — задумчиво произнесла она. Не находишь, что это звучит не очень по британски.

— Нет, я думаю, это шведский. Группа A-ha шведская? Она мне нравится. Внезапно я представила себя в клипе *Take on Me.*

— Насколько я знаю, A-ha норвежская группа. Но разница небольшая. Они там ужасно раскрепощённые. Взять хотя бы их смешанные сауны.

В моём мозгу возник образ бронзовокожих обнажённых шведов с огромными светлыми усами, занимающихся непроизносимыми делами в раскалённых деревянных хижинах.

— Давай ещё раз посмотрим картинку, — предложила я.

Мы уставились на фото Мортена и его жены и решили, что это, определённо не Мортен Харкет из группы A-ha. Жаль, за ним я бы пошла куда угодно.

— Но очень трудно сказать что-то по по фотографии, — сказала я. Они не передают ни движения, ни глубины. Боже, я чувствую как будто я готовлю лот к аукциону: “Продаётся одна пара. Согласны на переезд!”

— Да, это действительно несколько странно, — согласилась моя подруга.

Я ответила на письмо вечером того же дня, совместив расплывчатые комплименты по поводу их внешности с определённым отказом.

“Мне кажется, это было бы чудом, если мы с Жилем оба полюбили бы вас обоих, не потому, что вы плохо выглядите, но потому, что мы ищем более глубоких отношений, чем свинг, да и любовь вообще трудно предсказать. Я знаю, что в рамках полиамории возможны самые различные конфигурации отношений, но мы, определённо, ищем постоянных отношений вроде «любимый/любимая» (мы оба, насколько нам известно, гетеросексуальны), а не разнообразия свиданий или сексуальных развлечений в качестве отдыха.”

Я не ожидала, что ещё что-нибудь получу от них. Но это произошло всего через четыре часа. Жиль оживился, когда я

перенаправила письмо ему.

— Аха! — воскликнул он. Не в качестве названия группы, а выражая интерес.

Он увидел возможность строить отношения при помощи компьютера, что было для него куда заманчивей, чем делать это лично.

— Где я могу увидеть их фото?

Когда я получила первое письмо от этой пары, я считала что свингерство это… ну, мясной рынок. Свингеры в моём представлении не отличались от скота. Я, считавшая себя раскрепощённой, отнесла это несправедливое суждение и к паре, которой совершенно не знала. Свингеры. Отвратительно. Но если бы меня саму оценили подобным образом из-за полиамории, я бы проплакала неделю. Говоря мудрыми словами Джастина Тимберлейка: *“Что посеешь, то и пожнёшь полной мерой.”*

Но вот появился их ответ:

Дорогая Луиза

Спасибо за ответ. Судя по тому, что Вы пишете, мы ищем точно того же самого. Если бы мы встретили подходящую пару, мы тоже хотели бы быть в серьёзных отношениях, называя друг друга любимый/любимая. Мы не боимся настоящей любви вне нашего брака. В дальней перспективе мы хотели бы жить если не в одном доме, то хотя бы по соседству с нашими полиаморными партнёрами.

Это меня не убедило. Но через несколько дней мне пришёл запрос на дружбу в Фейсбуке. Тогда же я получила письмо, пронёсшееся пушечным ядром через моё непонимание и запустившее цепь событий, переполнивших мои мысли и мой почтовый ящик на следующие тридцать дней.

В давние дни ухаживания, Жиль пригласил меня на концерт *Tuck & Patti*. Хорошие гитаристы перебирают струны… настоящие музыканты. Я всё ещё находилась на стадии влюблённости во вкусы Жиля, но в норме такой концерт потребовал бы от меня употребления трёх пакетиков кофеиновых пилюль. Увы, у меня не было ни одной и я заснула. На час.

— Итак, ты не любишь акустическую гитару? — позже спросил меня Жиль с улыбкой.

Я подумала: *“Какое счастье, что он уже достаточно сильно влюблён меня, чтоб не бросить из-за этой маленькой лжи”* И сказала:

— Не то, чтоб я не любила её, драматическая пауза… Я просто больше люблю другую музыку.

— Какую именно? Возможно, мы могли бы ходить на какие-нибудь концерты, которые нравились бы нам обоим?

— М… Бон Джови? Деф Леппард?

Жиль побледнел.

Нам удалось случайно найти одну песню, которая нравилась нам обоим: “The Bad Touch” группы Bloodhound Gang. В первую очередь за её непристойный текст, который мы заучили наизусть и пели друг другу. Остальное время он слушаю Джонни Митчелла через наушники, а я ходила на концерты *Toto* с подругой.

Годы спустя, но всего за два месяца до того, как мы встретились с Мортеном и Еленой, я продемонстрировала миру мою любовь к банальной музыке, разместив в Фейсбуке ссылку на пародийный клип “Pop! Goes My Heart”, как бы показывая фигу любителям так называемой интеллектуальной музыки.

А на следующий день я получила письмо от Мортена:

“Девушка, вы меня просто убили ;-) Я второй день напеваю эту навязчивую мелодию, застрявшую у меня в голове: «I wasn’t gonna fall in love again, but then Pop! Goes my Heart!»”

У меня потеплело на душе. В той части души, которая обожала мейнстримную рок- и поп-музыку за комфортную регулярность голосов и ритма. Той, что всегда была порицаема моей матерью, потому, что всё, что не передают на *BBC радио 4*, является *неподходящим*. Мы с Мортеном не знали друг друга, но он любил то же, что и я. То, что я не люблю джаз и в моём плейлисте нет акустической гитары, не делает меня тупицей. Читая его сообщение я почувствовала, что моя любовь к банальной музыке, наконец, признана.

В тот день я написала ему шесть писем. У нас начали формироваться отношения.

Бросая вызов своим собственным ценностям, я редко приходила к совершенно определённым выводам. Честно говоря, я была склонна менять свои решения как только они были приняты.

Но вот что было для меня совершенно ясными и неизменно оставалось таковым: люди крайне склонны к формированию отношений. Мы делаем это совершенно по разному: мимолётные и длительные, в различном сочетании полов, в рамках почти универсального понятия брака и вне его.

Некоторые вступают в тайные связи. Другие недобровольно и несчастливо живут в тройках как принцесса Диана, принц Чарльз и Камилла. Ещё больше тех, кто пытаются втиснуть себя в сексуально-эксклюзивное партнёрство, но терпят неудачу: изменяют, разводятся, приходят к серийной моногамии. Люди верят в то, что для того, чтоб полюбить кого-то, надо перестать любить того, кого уже любишь.

Но наши отношения существовали параллельно.

После написания двадцати девяти писем (тридцать две страницы текста) и прошествии четырёх дней Мортен и Елена купили билеты в Париж, чтоб приехать и посмотреть на нас. Ну или просто посетить Париж. Остановиться в отеле, случайно находящемся неподалёку от нашего дома… может быть выпить чашечку кофе вместе, если мы вдруг окажемся рядом. Никаких ожиданий.

Я снова была по уши влюблена в Жиля. Я вся светилась от перспективы увидеться с кем-то, тоже любящим Брайна Адамса. Я также была влюблена в уборщика в нашем здании, в бродягу, сидящего около видео-магазина (который получил от меня в ту неделю много денег) и, пожалуй, во всех, кто попадался на моём пути.

Мой муж в то время был занят тем, что пытался узнать поближе женскую половину пары: Елену, используя наиболее удобный для него способ связи — интернет мессенджер.

Так как ни Жиль ни Елена не работали на полный день, сообщения летали туда-сюда, и их отношения развивались в десять раз быстрее, чем мои с Мортеном. А ведь и они по обычным стандартам развивались с ураганной скоростью. Зафрендив её на Фейсбуке, я накопала там их фотографии. У Елены были струящиеся чёрные волосы, высокие скулы и искрящиеся глаза. И она была моделью.

Некоторые снимки были профессиональными, другие — вполне обычными. Но даже снимки вроде “на следующее утро” выглядели дерзко и стильно. Особенно, если сравнивать со мной — после любой вечеринки я выгляжу совершенно больной, моими волосами можно смазать несколько форм для выпечки, а круги под глазами выглядят так, будто я искусана комарами.

Ревность вовсе не зеленоглазое чудовище. Это голубоглазая английская девушка. И её зовут Луиза.

Голубоглазое чудовище

Определить степень влюблённости очень сложно, так как она нематериальна.

Так, люди часто измеряют силу любви в единицах времени. Количество времени, проводимых с человеком, может использоваться для того, чтоб подтвердить силу любви. Мы запрограммированы обществом дозировать время в соответствии с любовью. Как только мы открываем для себя уравнение *время=любовь*, мы требуем от своих друзей по детской площадке поклясться нам в вечной любви и забыть про всех прочих. “Ты всего лишь моя вторая подруга, но, пока у Хелен удаляют аппендикс, ты можешь две недели побыть моей лучшей подругой.”

Конечно, это редко длится долго.

Когда мы становимся старше, мы понимаем, что у нас может быть несколько лучших друзей и несколько большее количество тех, с кем мы разделяем особые интересы. И ещё больший круг знакомых. И этот баланс меняется по мере того, как люди растут и по мере этого роста меняются их приоритеты.

Этот способ мышления, однако, никогда не применяется к романтическим отношениям. Если партнёры очень везучи или очень умелы, они могут расти вместе, оставаясь в рамках пары, избавляясь от элементов своей личности, не подходящих к этим отношениям. Поддержание долговременных отношений любого рода требует компромиссов и изменений себя. Но зачастую выбор ограничен двумя вариантами. Его вариант или её. В более продвинутых отношениях возможно третье решение, то, что в бизнесе называется “выигрыш-выигрыш”. Но зачем ограничивать выбор тремя вариантами?

В свои двадцать я была совсем другим человеком, чем в свои тридцать. Я буду другой в сорок. И я надеюсь, что это будет только середина моей жизни. Но развод по прежнему стигматизирован, так как предполагается, что человека по прежнему вступает в брак на всю жизнь, сколько бы она ни продлилась: пять, двадцать или более шестидесяти лет.

Каждый брак, заканчивающийся разводом, считается неудачным. Общество настаивает на том, чтоб я отсекала части себя самой для того, чтобы год за годом соответствовать одному и тому же человеку. Иногда это подавление себя оказывается полезным и ведёт к счастью. Иногда общество вынуждает меня для блага моего брака удалить те части моей личности, которые *делают меня мной*.

— Она очень симпатичная, — сказала я, пытаясь, в соответствии со своими декларациями, быть полиаморной. Я игнорировала грызущий дискомфорт, появившийся в области диафрагмы, похожий на разлив кислоты.

— Удивительно! — с энтузиазмом ответил он по французски. — Выглядит чудесно. Её фотографии жгучие, просто жгучие.

Жгучие. Это слово много сказало мне. Из предыдущих разговоров я знала, что именно он имеет в виду.

— Ты имеешь в виду, что на нескольких снимках она в обуви на высоких каблуках? Но то, что она носит такую обувь, вовсе не значит, что она носит их в постели.

Сама я отношусь к типу: *посмотри мне в глаза и скажи как ты любишь меня*. Топтать кого-то каблуками во время секса — не мой способ выражения любви. Я немного занималась этим в начале. Ну, знаете, такая стадия отношений, когда вы пробуете новое, для того, чтоб угодить новому парню. Но это не моё. Наше так называемое решение "выигрыш-выигрыш" состояло в том, что я заставляла себя отправиться в постель в туфлях на каблуках в наши годовщины.

— Да, я понимаю, тебе очень подойдёт, если она любит *такое*, — сказала взрослая часть меня.

Такое! — повторило моё пуританское воспитание. Совершенно непредубеждённое.

Шлюха! — вопило голубоглазое чудовище в моей голове.

Ты плохая жена! — стучала моя совесть. Эти удары гремели в моём мозгу, откликаясь эхом по всему телу.

НЕУДАЧНИЦА! НЕУДАЧНИЦА! НЕУДАЧНИЦА!

Мы с Еленой подолгу беседовали через мессенджер. Я не подавала виду, что у меня есть сомнения. В конце концов, это было бы не полиаморно.

Но я заметила, что, почти против моей воли, она начала мне нравиться. Она была страстной и откровенной в тех областях, где я была сдержана и угрюма. Но вместе с восхищением я чувствовала какую-то извращённую обиду. Она хватала жизнь обеими руками. Почему она всегда могла высказать свою точку зрения, а я нет? Я британка. Вежливая к ошибкам. Я размышляю о "за" и "против". Не лезу не в своё дело. Говорю "простите", когда кто-то наступает мне на ногу. Елена участвовала в движении зелёных, требовала органической еды (и очень много знала об этом предмете). Она требовала лучшего обслуживания в ресторанах и получала его. Она ласково рассказывала пьяной девушке на улице об опасностях, которым она подвергается, провожая ту домой две мили в направлении, противоположном от её собственного дома. И вся Елена была такой. У неё было мнение

по любому вопросу. И самым неприятным было то, что она всегда могла привести в его подтверждение множество исследований. А потом выйти на свой путь помощи людям, которые не могут или не хотят помочь себе сами. В сравнении с этим то, что мой муж мечтал раздеть её, было мелочью. О, да!

Я обнаружила, что я провожу много времени в ванне. Когда я чувствовала неуверенность, она успокаивала меня как суррогат материнской утробы: тёплый рай в котором я чувствовала себя спокойной и отделённой от реальности, какой бы они ни была.

Я всё сильнее влюблялась в Мортена. Я яростно любила Жиля, но Мортен как бы посыпал мир вокруг меня волшебной пылью. Я видела блеск и красоту везде, куда бы я ни посмотрела. Стояла середина ноября, и первые заморозки посыпали паутины кристалликами льда. Мир был до боли блестящим и горьким от чувства мимолётности всего сущего. Я была на вершине мира и эта высота пугала. Я спрашивала себя снова и снова: *“Ты ещё любишь Жиля? Ты себя не обманываешь?”*

Но если и было что-то устойчивое, это были мой муж и моя любовь к нему. Я была совершенно уверена в своей любви. Даже, если ничего другого не существовало. Впрочем, ничего другого и не существовало.

Меня успокаивала одна единственная мысль. Если он чувствует ко мне то же самое, что я чувствую к нему, это определённо значит, что можно любить и влюбиться в одно и то же время.

Но Елена не только была моделью. Было очень похоже на то, что она будет гораздо лучше подходить ему в постели. Должна ли я приложить больше усилий для того, чтоб адаптироваться к его несколько необычным предпочтениям? Почему мне не доставляет удовольствия, когда я доставляю своему мужу удовольствие таким образом? Является ли это чем-то, что я могу преодолеть? Если его потребности окажутся удовлетворены без меня, продолжит ли он любить меня? Хотеть меня?

Они должны были приехать через три недели. Время взятое взаймы. Мы с Жилем успокаивали друг друга словесно, эмоционально и физически. Наш секс никогда не был столь хорош. Мы объявили себя полиаморными… но это не чувствовалось.

— Что ты почувствуешь, если я поцелую её на твоих глазах?

— А что ты почувствуешь, если я поцелую его на твоих?

— Нельзя отвечать вопросом на вопрос!

— Хорошо. Я думаю, что я буду чувствовать себя лучше, если я поцелую его, — ответила я, целуя Жиля.

Три недели мы играли в зайца и черепаху. То один, то другой из нас вырывался вперёд в развитии отношений, но это не было соревнованиями. Ни за что.

Когда я однажды вернулась домой, Жиль приветствовал меня, восторженно пританцовывая возле шкафчика с напитками. Это выглядело так, будто намечается какое-то празднование. Но я не знала — какое.

— Я слышал её голос! — еле сдерживая себя, сказал он. Он такой приятный! Мы проговорили три часа.

— Расскажи ещё, — ответила я, опуская сумки, закрывая дверь и пытаясь успокоить сердцебиение. О чём вы говорили?

— Мы обсуждали музыку. Она сыграла мне немного из Имоджен Хип по телефону. Мне очень понравилось. И она плакала, когда я сыграл ей *Blue* Джонни Митчелла.

Coup de grâce (*завершающий удар, фр.*). Путь к сердцу Жиля лежит не через желудок. Он лежит через Джонни Митчелла. Я почувствовала, что у меня стало одной раной больше.

Несмотря на то, что в тот же самый день мы с Мортеном небрежно объявили своим девизом строку *“Безопасность не лучше сожалений”* из *Take on Me*, я начала ненавидеть Елену. И всё это. И их обоих. Мы начинали возделывать хрупкие ростки нового мира, но тут я стала целенаправленно уничтожать их своими тщательно выбранными словами.

Я саркастически сказала: “Тебе надо сходить с ней на один из крайне возбуждающих концертов *Tuck & Patti*. Жиль заулыбался, но вдруг почувствовал подлянку и удивлённо моргнул. Его жена никогда не была подлой.

— Возможно, она не заснёт, как я. Или вы сможете вместе плакать над *Radiohead*. Господи, спасибо что меня это больше не касается.

Жиль смущённо посмотрел на меня. А я была довольна. По крайней мере я не потеряла возможность ударить его по больному месту.

— Похоже, вы отлично подойдёте друг другу. Полагаю, что если это развод, то наилучший из возможных. Мой рот начал дёргаться из стороны в сторону — я пыталась не заплакать. Всё быстрее и быстрее, пока я не стала похожа на Саманту из *Моя жена меня приворожила* под кокаином.

— Почему ты сказала “если это развод?” — мягко спросил он.

— Потому, что у тебя гораздо больше общего с ней, чем со мной. Ты проводишь часы, разговаривая с ней, а когда я прихожу домой, мы разве что смотрим *Друзей*. Или *Хауса*. Или *Чирс*. Хотя мы смотрели всё это уже раз пятьдесят.

— Но это просто другая стадия отношений. Мы читали об

этом, разве ты не помнишь? Полиаморы называют это *NRE*, энергия новых отношений. У нас с тобой тоже было такое когда-то. Мы шесть месяцев не могли оторваться друг от друга.

Это было правдой. Но… не сейчас.

— Да, но даже тогда именно я научилась играть в шахматы и ездить на скейте для того, чтоб делать то же, что и ты. *Я* не могла оторваться *от тебя*. Я приложила все возможные усилия для того, чтоб стать частью твоей жизни. Для того, чтоб быть с тобой, я даже изучала цитаты из Монти Пайтонов.

— Никто не заставлял тебя это делать. И я думал, что это было очень здорово.

— Это не было здорово. Это было ужасно. Я всегда прилагала все усилия. Мы даже поженились исключительно моими стараниями. Когда мы занялись бумагами, у тебя начались приступы паники и ты предлагал всё отложить. Собственно, я и предложила, чтоб мы поженились, когда получила хорошо оплачиваемую работу.

— Я собирался сделать тебе предложение. Это было в моём плане.

— Да, но ты не сделал.

— Но я собирался.

— Но ты не сделал, — отрезала я, делая ударение на “не”.

— Ты просто, как всегда, успела первой! — ответил он, встряхивая головой.

Моя обида постепенно догорала, и у меня осталось мало того, что можно было бы подкинуть в этот огонь.

— Ну, это много говорит о нас. Возможно, ты не хочешь никакой полиамории. Возможно, ты просто хочешь быть с Еленой. Возможно, ты просто больше не любишь меня. Так что, раз я *всегда* первая, давай рассмотрим это. Давай обсудим развод!

Страшное слово на букву “Р”. Грех Жиля состоял в том, что он разделял музыкальные вкусы с женщиной, с мужем которой у меня была эмоциональная связь.

— Собственно, я это уже сделала. Я привела нас к разводу при помощи полиамории, — сказал я в полном отчаянии.

— Это не так, — ответил он, утомлённый моей демонстративностью, но я не могла остановиться.

— Как ты можешь так говорить? — вопрошала я. Я изменила тебе, я поощряла тебя к поиску другой женщины. Более того, именно я и нашла её!

— Я не хочу менять тебя на кого-то, — настаивал он. Хотя, конечно, это здорово, что я разделяю некоторые свои увлечения с Еленой. Но вы очень разные. Полиамория это дополнение, а не замена. Очнись, ты же знаешь это.

Теоретически я это знала. И поддерживала всем сердцем. И хотела, чтоб Жиль был счастлив. Но не хотела жертвовать для этого своим счастьем.

— Гляди, Луиза, мы с тобой любим друг друга. Но мы не могли продолжать идти прежним путём. Сейчас ты наслаждаешься переотрытием тех граней своей личности, которые не подходили для наших отношений. И со мной происходит то же самое. Понятно, что это вызывает боль, учитывая твою потребность быть всегда совершенной во всём. Но помни: я люблю тебя независимо от того, любишь ли ты Джонни Митчелла или Монти Пайтонов.

— Но мне нравятся Монти Пайтоны, — тихо произнесла я.

— И я рад, что помог тебе узнать это, — сказал он, обнимая меня. И теперь мы можем узнать очень много нового с Мортеном и Еленой.

— Я чувствую, что теряю тебя, — всхлипнула я.

Он обнял меня сильнее. “Ты не теряешь меня, а я не теряю тебя. Ты *делишь* меня, но это не значит, что меня у тебя оказывается меньше. Я люблю тебя с прежней силой, даже сильнее, чем раньше, так как ты дала мне возможность более полно понять мою собственную личность с кем-то другим”.

Возбуждение новых отношений отчасти состояло именно в исследовании общих и различающихся аспектов наших личностей. Того, что могло бы остаться скрытым, если бы не другой человек. Но столкновения и трение между нашими характерами, наблюдавшиеся в начале наших отношений с Жилем, постепенно сошли на нет. Всё переплавилось в удобство и любовное доверие, прекрасное само по себе. Но теперь речь шла о четырёх людях, пытающихся сохранить гармонию, которой они уже достигли в первоначальных парах, так что мы снова вынесли на свет те грани себя, что когда-то вызывали трение. В то время как моногамия позволила нам угнездиться в удобной и застойной середине, полиамория оказалась искрящейся эволюцией и революцией.

Чего у нас с Жилем точно больше не будет, так это застоя.

Я стала ходить в тренажёрный зал, что было эпохальным событием само по себе. Я сбросила три килограмма за первую неделю. Мой ужас от перспективы сравнения с моделью, пересилил моё нежелание шевелить жопой.

— Моя жена попробовала всё, — сухо заметил Жиль: кроме того, чтоб меньше есть и больше двигаться. Но у неё появился новый парень!

К счастью, это было в его интересах, так что он скоро перестал высмеивать меня.

На следующей неделе мы начали разговаривать по телефону. Я звонила Мортену в обед, когда он занимался ходьбой. Очевидно, он тоже пытался набрать спортивную форму.

“Мы просто выпьем и поболтаем. Никаких ожиданий.” — говорил он.

Примерно тогда мы придумали друг для друга новые термины. Сокращения, столь распространённые в наших профессиях. Он был программист, я — финансовый аналитик. В процессе работы мы использовали очень много кодовых обозначений и постоянно расстраивались из-за того, что наши начальники ввели в оборот так много непонятных аббревиатур. Так он стал моим ПВП, а я — его ПВД. Что означало “поли-виртуальный-парень” и “поли-виртуальная-девушка”. Это также выражало нашу надежду на совместное будущее и смех над презираемой нами конформностью.

Вебкамера

Наши отношения были виртуальными, но, похоже, мы были уже влюблены. И если любовь это поток окситоцина, переполняющего организм, то чего-чего, а это у нас было в изобилии. Наши аббревиатуры, какими бы дурацкими они ни казались, явно показывали, за последние две недели мы оба изменили течение наших жизней.

Однако, мы были напуганы. Мы не встречались. Мы даже не видели друг друга.

Но в третью неделю это изменилось. При помощи приобретённой мной вебкамеры.

— Но ты прекрасна, — выдохнул он, после того, как мы добрых пять минут беззвучно смотрели друг на друга. Я не могла говорить. Поэтому я написала в окно чата: “Как и ты.”

Я прикоснулась к экрану в том месте, где были его губы… мне хотелось поцеловать их. Его голубые глаза были светлее моих. Они были того самого цвета, как солнце, отражающееся от океана. Огонь и лёд.

Мы поглядели друг на друга ещё. Я была тронута изгибом его скул и уверенностью его взгляда. Его улыбка была кривоватой. Сексуальной. Я почувствовала волнение внизу живота, непохожее на что-либо случавшееся со мной раньше, но инстинктивно поняла его как проявление сумасшедшего желания. Моё тело заныло. Я почувствовала буйство. Перерождение. Отчаянное желание почувствовать, как его тело прижимается к моему. Телесное влечение было в моём мире почти неважным. Но теперь не осталось ничего, кроме него. Я и десять минут назад знала, что влюблена. Но теперь я влюблялась сильнее. И сильнее. И сильнее. Он наклонился и поцеловал камеру.

— Непонятно, почему ты воспринимаешь себя так негативно, — сказал он. Ты меня так напугала. Ты сказала мне, что похожа на огромную итальянскую мать семейства. И я влюблялся в кого-то, чью физическую привлекательность я не мог оценить.

Я, наконец заговорила:

— Я была толстой, но за последние две недели я сбросила шесть кило.

— Встань и повернись.

Я встала и повернулась столь быстро, что вебкамера не смогла передать этого.

— Ещё раз и, пожалуйста, помедленнее.

Я повернулась ещё раз и вебкамера успела снять пару кадров.

— Я чувствую себя золотой рыбкой.

— Не хочу, чтоб ты чувствовала себя золотой рыбкой. Я просто не могу насмотреться на тебя. Когда я не пишу тебе письмо, я думаю о тебе. Когда я не разговариваю с тобой, я по прежнему слышу твой голос. При помощи этой проклятой камеры я могу видеть только часть твоего лица, и тут нет управления зумом.

Он ударил пальцем по клавиатуре.

Я очень хорошо понимала его. Я хотела взять его за подбородок, почувствовать его дыхание на моей щеке, проследить линии на его ладони. Провести часы, исследуя его тело, увидеть как оно трепещет от моих прикосновений. Держать его в руках, поглощать его…

Я была одержима кем-то кого не знала. Кем-то, кого никогда не встречала. Кем-то, кто повернул меня, находясь в восьмистах милях. Одержима больше, чем моим мужем в соседней комнате. Земля разламывалась. Мозг взрывался. Чудесно и в то же время ужасающе. Но насколько ни была я напугана тем, во что я превращалась, остановиться я не могла. Это было то, чего я хотела. Я без структуры, заданной обществом. Без надзора религии. Без критики со стороны моих родителей, без уважения к моему так называемому благопристойному воспитанию. Всё это было выброшено в окно.

— Игра на сегодняшний вечер называется “пять предметов одежды”, — произнесла я, напуганная собственной дерзостью. Пять предметов между мной и полным развратом — немного.

— И каковы правила? — спросил заинтригованный Мортен.

— Никаких правил. Но если ты знаешь меня достаточно хорошо, ты можешь убедить меня снять их. Джемпер — совершенно просто. Брюки — не так просто, но относительно просто, так как их не видно под столом. Топ — довольно сложно. Лифчик — крайне сложно.

— А джекпот? — спросил Мортен, задержав дыхание.

— Почти невозможно.

— Та-ак, как я могу снять с тебя джемпер? — задумался он вслух.

— Поговори со мной. Рассмеши меня. Я люблю комплименты.

И вот игра началась. На джемпер ушло пятнадцать минут.

— Мне нравится твоя улыбка, — сказал он.

— Ну, именно ты вызывал её, — смеясь ответила я.

— Итак, это моё создание. Но я не чувствую себя Богом. Хотя, чувствую себя очень хорошо. Хочешь ли ты увидеть, насколько хорошо? — он встал и очень медленно расстегнул брюки. А потом сел и я почти застонала от досады.

— Ты увидишь больше… если я увижу больше! — улыбаясь произнёс он. Я торопливо сняла свой топ, утешая себя тем, что мой лифчик, он же как купальник, правильно?

Игра развивалась. Брюки последовали за топом… Я дрожала. Наступил вечер и небо потемнело. Единственным источником света был экран компьютера, и мне казалось, что я ныряю в него, зависая в киберпространстве. На мне осталось всего два предмета одежды.

— Ты офигительно прекрасна. Я люблю твои ноги. Я люблю твои глаза. Я люблю говорить с тобой. И я ненавижу расстояние между нами.

— Прямо сейчас оно не кажется таким большим, — ответила я. Мой нос был в нескольких дюймах от экрана.

— Забудь про расстояние. Теперь ты часть моего мира. И я не могу представить его без тебя.

— И я.

— Эй, я только что понял. У меня остался только один предмет одежды, а у тебя — два. Это не честно!

— Ага. Как насчёт моих бус?

— Не честно! В начале ты говорила о предметах одежды, а это не один из них. Прости, дорогая. Твоему лифчику пришло время уходить.

Прошло несколько секунд. Он сказал: “Чего ты ждёшь?”

— Своей смелости. Кажется, она меня покинула.

— Я жду. У меня впереди вся ночь. Вся ночь ВСЯ-Я-Я-Я ночь.

И он напечатал…

“Пока-пока маленький лифчик.”

Курсор мигнул. И окно сообщений сошло с ума, так как он начал нажимать *Копировать* и *Вставить* снова и снова.

“Пока-пока маленький лифчик.”

“Пока-пока маленький лифчик.”

“Пока-пока маленький лифчик.”

“Пока-пока маленький лифчик.”

“Пока-пока маленький лифчик.”

“Пока-пока маленький лифчик.”

И я сняла его, почти в обморочном состоянии. Некоторое время он молчал. Так долго, что я начала нервничать. Потом он выдохнул и сказал: “Вау! Ты изумительна! Феноменальна.”

— Как и ты. Но я не могу пойти дальше. Этого достаточно.

— Хорошо. Ты в порядке? Ты не сердишься?

— Нет. Но, чёрт подери, я возбуждена.

— Если кто-то скажет, что ты некрасива, не верь ему.

— Я не собираюсь никому рассказывать! Кроме Жиля.

— Я имею в виду дьявола на твоём плече, — сказал он. Давай

просто будем помедленней.

Было пора ложиться спать. Мы оба устали и были развинчены и раздосадованы.

Он писал: *“Чем больше проходит времени, тем больше падает барьеров. Шансы и правда были не в нашу пользу. Но мы оказались так близки мыслями и эмоциями. И судя по тому, что я вижу через эту дерьмовую вебкамеру, твоё тело так же прекрасно, как и твой ум. Теперь осталось только встретиться лично”*

“*Но никаких ожиданий…*"— написала я в ответ из моей полностью одетой и запертой клетки.

“Никаких ожиданий.”

Встреча

Очень странно готовиться к первой встрече с кем-то после четырёх недель отношений, но это ещё цветочки. Ягодки же были в том, что надо было готовиться вместе с мужем, который собирается увидеться со своей девушкой, женой твоего парня.

Мы купили и выпили бутылку вина. Мы сходили в супермаркет и запаслись едой которая, как мы полагали, произведёт наилучшее впечатление. Соусы (разумеется, без чеснока). Сухарики, посыпанные морской солью и розмарином. Крохотные бессмысленные рисовые крекеры, должные уравновесить чуть ли не целый круг сыра Фета.

Мы закончили всё это за два часа до нужного момента, так что всё, что нам оставалось, это ждать. Наши ладони вспотели, наши взгляды, то подавленные, то недоверчивые, остановились друг на друге. В конце концов мы занялись сексом. Немедленный трах был единственным, что могло ослабить напряжение. Это помогло и мы рассмеялись, хотя наши тщательно уложенные причёски, на каждую из которых ушёл добрый час, оказались уничтожены.

В тот же вечер, четверо людей, достаточно храбрых для того, чтоб поставить под вопрос убеждение, что брак между двумя людьми является единственным естественным и моральным состоянием, встретились в Париже. Четыре очень необычных и взрывоопасных человека, рискнувших оказаться подвергнутыми критике и отвергнутыми за оспаривание концепции моногамии, встретились на ступеньках небольшого отеля. Они были близки, но никогда не прикасались друг к другу. И двое из них уже влюбились друг в друга, никогда не встречаясь лично.

Невозможно, но правда.

Мортен взглянул на меня, поднимающуюся по ступенькам и одним прыжком оказался рядом. В нём оказалось больше мальчишества, чем я думала. И, точно также, как когда я встретила своего мужа, я сразу представила себе как могли бы выглядеть наши дети. Мортен обнял меня и сказал: “Больше не виртуальные!”

— Привет, — неуверенно произнесла я, а затем молчала до тех пор, пока мы не зашли в соседний бар, тщательно выбранный нами за его непопулярность. У нас было так много общего, но он по прежнему был для меня чужим.

Когда я обнимала Мортена, лицо Жиля было непроницаемо. В конце концов, в великой схеме всего, объятия ничего не значат. Я регулярно обнимаю многих своих друзей: мужчин и женщин. Но

это объятие было символическим. Это был не просто жест. Это было возможное начале чего-то гораздо большего. Елена мило улыбнулась и тоже обняла меня, прежде чем повернуться к Жилю, и поцеловать его в обе щеки. Она была одета по последней лондонской моде, и когда она сняла куртку, её аура распространилась, заполнив бар. Я чувствовала себя, как будто я нахожусь в присутствии кого-то особенного. Или даже “Кого-то” — с большой буквы “К”.

Мортен оказался совершенно другим человеком, если смотреть на него в контексте его брака. Они с Еленой добавили к разговору множество “мы”. “Тогда мы делали то-то и то-то… Когда мы пришли на вечеринку… Когда мы узнали то-то и то-то…”

В результате мы с Жилем тоже превратились в “мы”. Две пары сидят друг напротив друга, обсуждая свои жизни и приключения без малейшего намёка на столпотворение эмоций, которое испытали за последние две недели две заново сформировавшиеся пары. На меня навалились новые сомнения. Я снова оказалась на привычной “моногамной почве”. Мы вчетвером спокойно сидели в баре. Мы выглядели нормально. Я чувствовала себя изолированной, что тоже не добавляло мне уверенности. Может быть, всё, что произошло в последние четыре недели было только сном?

Елена начала заказывать еду и напитки. Даже в этот поздний час, она заказывала их с полнейшей уверенностью человека, ожидающего повиновения. Она говорила по испански. Так как она почти не знала французского, она предпочитала говорить на своём родном языке, полагая, что раз они оба основаны на латыни, они достаточно схожи, чтоб быть понятой. И она оказалась права.

А я, напротив, была ошеломлена. Я ожидала, что буду заказывать за нас всех, тем более, что у нас с Жилем это всегда было именно так. Одна опора моей уверенности рухнула. На мне больше не лежала ответственность. Я не была хозяйкой. Я была чужестранцем в незнакомой стране. Закончив заказывать, она повернулась ко мне, сочувственно склонила голову и спросила: “Со скольки мужчинами ты *спала*? Мортен говорит, что их было множество.”

И в этот момент рассыпалась вторая опора. Я сделала здоровенный глоток водки с тоником.

“Он прав” — нерешительно ответила я, чувствуя себя неуверенно в радикально честном разговоре с впервые виденными людьми. “Но их было очень много потому, что я искала любовь. Естественно, не находя её. Это было

саморазрушительное время. Возможно, поэтому мне сложно говорить об этом.”

Я была очень горда тем, что мне удалось это сказать. Жиль взял меня за руку под столом. Только он знал, как я стыдилась своего саморазрушительного прошлого. Как мои бывшие парни раз за разом использовали меня как сексуальный объект. Как я, мягко говоря, не наслаждаясь этим, проникалась отвращением к себе. До тех пор, пока не появился Жиль.

“О нет, дорогая, я не знала, что это тебе не нравилось. Это ужасно,” — сказала Елена и ласково сжала моё плечо. Мне хотелось, чтобы она оставила эту тему. “Бедная девочка. Не печалься. Меня тоже подвешивали и подавляли. Мортен помог мне выйти из этого. Он замечательный психоаналитик.”

Теперь подавляли меня. Понимала ли я это — было не важно.

— Однако, есть разница между подавлением и предпочтениями, — заметил Мортен.

Я расслабилась настолько, насколько это было возможно. Очевидно, что совсем немного.

Мортен добавил: “Если тебе нравится не всё, что делает Жиль, это нормально.” Он взял меня за другую руку. Интересно, мне только кажется, что бармен смотрит на нас несколько вопросительно? Внезапно, я почувствовала себя озорной грешницей.

Елена была другой. Уверенной в себе. И мы стали такими же.

Скорость, с которой изменялись мои эмоции, изумляла. От легкомысленной радости к отчаянной неуверенности и обратно за три секунды. Мои чувства отражались на лице Жиля. Он смотрел на мою руку, которую держал другой и смеялся как школьник. Его нос сморщился, а на обеих щеках появились ямочки. Елена тоже засмеялась, её глаза сияли. Мы все держали друг друга за руки под столом. Мортен сказал мне: “Не хочешь ли ты выйти покурить?”

Я подумала: *“Но ведь не только покурить, ага?”* Я была готова нырнуть с головой. Я была готова покинуть свой законный брак и начать немного запретную связь с незнакомцем.

Обмениваясь за последние недели сотнями писем, мы с Мортеном раскрыли друг другу свои дурные стороны, одной из которых было удовольствие от совместного курения. Ни Елена ни Жиль не курили. Более того, они относились к курению резко отрицательно. Оно было для них отвратительно. Запретно. Опасно. И, как они говорили, очень вонюче. Но это давало нам первую возможность побыть наедине. Я не курила четыре месяца, и если что-то могло заставить меня закурить, то это был этот шанс. Шанс на первый поцелуй.

Вы можете раздеваться перед вебкамерой. Вы можете шептать ласковую чепуху в телефон. Вы можете даже писать страстные декларации в почте. Но ничто, *ничто* не сравнится с возможностью прикоснуться к чьим-то губам и тем самым подтвердить то, что вы начинаете отношения с кем-то, не являющимся вашим мужем.

В первый момент мне хотелось убежать. Заплакать и сказать, что всё это было ужасной ошибкой. Но так как я уже смотрела в глаза человека, в которого влюбилась, было уже поздно. Я была подобна Нео из *Матрицы*, падающего по кроличьей норе. Мне надо было узнать — насколько она глубока. Дрожащими руками я взяла свою куртку и вышла с ним наружу.

Проблема была в том, что он не мог дотронуться до меня, пока я не дотронусь до него. Впрочем, мне не требовался повод в виде сигареты, чтоб положить руки на его талию. Взять управление на себя было для меня самым простым решением. Чем быстрее мы поцелуемся, тем быстрее я узнаю. Разве это не чёткий признак для определения истинной любви? Он посмотрел на меня и улыбнулся той самой улыбкой, которую я столько раз видела за последнюю неделю через вебкамеру.

Он сказал: “Пожалуй, будет нормально, если я обниму тебя?”

Я улыбнулась в ответ. Я ничего не сказала, что означало “да”. Я посмотрела в его глаза и он начал наклоняться ко мне. Медленно. Медленно. Ожидание нарастало каждым ударом пульса, и в какой-то момент я уже не могла больше сдерживаться. Поцелуй вышел трепетным. Неуверенным и дразнящим. Он как-бы застенчиво флиртовал. Губы, зубы, язык… Поцелуй Жиля обычно был глубоким и страстным. Два способа целоваться. С новым любимым и со старым.

Они оба были чудесны. И очень различны.

Я крепко вцепилась в него, чтоб не упасть. Всплески эмоций проносились вверх и вниз по моему телу. Я чувствовала запах табака из его рта, он казался подобным горькому вкусу лекарства и при этом радовал. Его язык, просто так, легонько дотронулся до моего и втянулся обратно. Он сдерживался, играл, в то время как я жаждала большего. Мне нужна была уверенность в поцелуе, её требовало моё подобие здравого смысла. Мне нужны были эндорфины для того, чтоб успокоить бешено бьющееся сердце. Но в этом новом отважном мире не было ни возможности управлять им, ни страховочной верёвки.

Когда мы вернулись внутрь, никто не произнёс ни слова о том, что произошло или не произошло снаружи. Но они знали. И мы знали, что они знали.

Когда мы возвращались в нашу квартиру, мы с Мортеном

держались за руки. Жиль и Елена шли под руку, но это выглядело не слишком близким физическим контактом. Я начала немного нервничать. Разумеется, я не могу заставить Жиля вступить в отношения. Но и мы с Мортеном не сможем быть вместе, если вместе не будут они с Еленой. Я внезапно осознала опасность отношений с парой. Разумеется, это была утопия. И-да, совершенно нереалистичная. И скрытое давление будет огромным, независимо от его источника.

Войдя, Мортен набросился на компакт-диски и спросил, можно ли включить музыку. Я занялась бессмысленными делами. Я положила оливки на две тарелки, решила, что они выглядят жалко и ссыпала их в одну мисочку. Я нарезала сыр и авокадо. Было исключительно важно разложить их на совершенно равных расстояниях от центра тарелки. А когда я сделала это, я услышала Дефа Леппарда.

В сопровождении стонов Жиля.

— Чей это диск? — спросил Мортен, заходя на кухню, чтоб полюбоваться моим творчеством, которое в тот момент заключалось в раскладывании чипсов аккуратными концентрическими кругами.

— Разумеется, луизин, — ответил Жиль, поражённый тем, что кто-то может подумать, что он слушает такую обычную музыку.

— Блестяще! — воскликнул Мортен. Это их четвёртый альбом — мой любимый. Знаешь ли ты, что на его запись ушло четыре года, так как их барабанщик потерял руку в аварии и они ждали, пока он научится играть ногой?

Два человека, любящих Дефа Леппарда всего в метре друг от друга. Такую страсть нельзя сымитировать. Мортен понимает в этом… и совершенно без помощи Google.

Жиль понимал, что он побит. Он вышел, говоря: “Ежегодно самовозгораются десятки людей. Просто об этом не объявляют широко”.

Я засмеялась, а Мортен выглядел сбитым с толку.

— Тебе придётся посмотреть множество фильмов, чтоб понять как мы с Жилем общаемся. Мы не только смешиваем французский с английским, но часто разговариваем цитатами. Это была цитата из *Spinal Tap*. Их барабанщик взорвался на сцене. Это было действительно трагично.

Мортен улыбнулся и сказал: “Ещё по сигарете?”

Мы мёрзли на террассе. Было достаточно холодно, чтоб видеть дыхание. И достаточно холодно, чтоб использовать это как повод просунуть руки под все слои его одежды и согревать их на его покрытом гусиной кожей теле. Тело, до которого я так долго хотела дотронуться, было здесь. И здесь же была я, и я

прикасалась к нему. Как будто эти четыре недели были всей моей жизнью, а всё предыдущее время я провела в коконе. Запустив руки под его рубашку, я почувствовала себя как бы летящей. Но я по прежнему была испугана.

— Что мы будем делать, если они друг другу не понравятся? — поделилась я своим беспокойством.

— Ну, после всего их общения в последние недели, трудно поверить, что они не подружатся.

Он сказал это настолько угрюмо, что можно было бы подумать, что дружба это наихудшее из возможных состояний.

— Но ваш идеал — быть с другой парой. Если это не будем мы, вы продолжите поиск. И я вас поддержу. В конце концов, я хочу, чтоб каждый жил в своей мечте.

— Это очень здорово с твоей стороны и я понимаю о чём ты. Но я не могу обратить всё вспять. Я влюблён в тебя. Не в кого-нибудь другого. — Он посмотрел на звёзды и выдохнул дым своей ментоловой сигареты. Но я всё равно готов очень на многое ради Елены. Она была совершенно раздавлена предыдущими отношениями.

За последние недели я узнала об этом всё. Роб и Лидия, совершенная пара. Мечта, превратившаяся в кошмар. Я прищурилась, пытаясь разглядеть комнату через кусты. Но это казалось неправильным, подглядыванием и я сказала, отвернувшись: “Возможно, между нами ничего и не будет. Наша способность к любви, возможно бесконечна, но не время. Ты не сможешь часто бывать в Париже, если Елена и Жиль не захотят продолжения.”

Мортен с досадой затоптал окурок. “Отстой,” — пожаловался он. “Мы уже разговариваем про конец отношений, хотя толком и не были вместе.”

Мы пошли к дверям, ведущим во внутренний дворик. Но Мортен резко рванулся назад, как только открыл их, врезавшись спиной в мой нос.

— Ой! — завизжала я.

— Шшшшш! — прошептал он, показывая на окно. Они целуются.

Я заглянула внутрь. Да, совершенно точно, они целовались. И, определённо, используя языки. Мы с Мортеном взглянули друг на друга. Оказалось, что очень трудно шептать улыбаясь.

— Не будем им мешать. Я чувствовала, что если их оставить наедине, все будет развиваться естественным образом. И, как бы то ни было, я не чувствовала ревности. Я достаточно хорошо знала Жиля, чтоб понимать, что он не будет делать ничего, что не захочет. Он был весьма упрям. В точности, как его отец.

Мы с Мортеном прокрались мимо них в прихожую. Тут образовался выбор: какую комнату выбрать. В наличии имелось две спальни и ванная. Одна из спален была наша. Моя с Жилем. Место, где мы занимались любовью всего за четыре часа до этого. Я не могла пойти туда и заняться сексом на постели, пропитанной нашим потом и любовными соками. Это было наше священное место. И там грязные простыни. Для меня, сильно задним умом это две почти равные против. Итак, мы отправились в гостевую спальню.

Как известно, неделя с вебкамерой показала несколько вещей. Одна из них состояла в том, что можно видеть не только лицо. Чертовски возбуждающе и очень неприлично.

Другая состояла в способности предсказывать будущее. Однажды вечером Мортен лежал на животе, опираясь на локти, смотрел вниз в камеру и написал мне: *“Как ты думаешь, когда мы увидим друг друга с этих точек зрения в реальности?”*

“4:23 утром субботы,” — нахально ответила я.

Мы вошли в спальню в 4:17. И совершенно ясно, что в 4:23 он смотрел на меня сверху, опираясь на локти. Я глядела на его лицо, которое я полюбила, несмотря на разделявшее нас расстояние. Любовь всё исправила. Почти. Я всё равно была очень испугана. И совершенно трезва, несмотря на выпитое.

— Как ты?

— Как никогда раньше, — ответила я. Испугана. Нервничаю. Но знаю, что вот вот произойдёт что-то грандиозное. Примерно как перед прыжком с резиновым канатом.

— Начнём.

Кончики его пальцев касались моего лица, а его тело наполовину лежало на моём. Он не снял ничего из одежды, потому, что мне это казалось слишком большим шагом и я противилась этому. Однако, моя блузка была расстёгнута, а лифчик сдвинут набок.

И я всё ещё сохраняла иллюзию того, что ещё не всё потеряно. Проблема состояла в том, что хотела большего, но в моём совершенно развинченном состоянии это было непросто выразить словами. Но он ждал, пока я не сделаю этого. Ждал и ждал.

— Я чувствую, что не хочу, чтоб ты останавливался. Мне кажется, если сейчас ты остановишься, я буду жалеть об этом всю жизнь.

То, что он не был моим мужем и при этом был джентльменом (как и мой муж) делало динамику ситуации вполне определённой. Он отказывался что-либо делать без моего разрешения. Решение было моей ответственностью и должно быть

выражено словесно. Активное принятие решений. Мы много раз обсуждали моё право говорить “нет”, так как в самой глубине моего желания быть любимой лежит страх быть отвергнутой. Говорить “да” было гораздо проще. Он снова поцеловал меня и выдохнул в мой рот.

— Я не хочу делать ничего, в чём бы ты не была совершенно уверена.

— Как я могу быть в чём-то уверена? — ответила я, отступая в область философии и интеллекта. Как кто-нибудь может быть в чём-нибудь уверен?

Я повернулась в его руках, но он держал меня слишком крепко, чтоб я могла отвернуться от него.

— Я имел в виду не это. Ты не можешь быть уверенной в последствиях, но ты можешь быть уверена в своём желании пойти на риск и быть готовой к последствиям, какими бы они ни были.

Казалось, что тишина будет длиться вечно. Я всматривалась в туманные глубины лежащего подо мной океана и гадала — как оно будет, когда я достигну дна. Насколько болезненно это будет. И могу ли я сейчас повернуть обратно.

В результате я процитировала A-ha: *“Безопасность не лучше сожалений.”*

Елена с Жилем были в другой спальне. Любят друг друга в это самое время. От этого знания мне становилось лучше. По крайней мере, если это ошибка, мы совершаем её вместе.

По мудрому соглашению, я была одета, когда мы занимались сексом. Ну, кроме промокших трусиков, которые изображали из себя преграду. Сняв их, я приняла на себя ответственность за свою жизнь. Я сделала это. Меня никто не заставлял, не вынуждал. Это не было чем-то, чего я не хотела.

— Следует ли нам? — спросил он.

— Давай сделаем это.

Он переплёл свои пальцы с моими и, удерживая наши руки над моей головой, вошёл в меня. Это было похоже на возвращение домой. Как будто так должно было быть всегда.

На следующее утро я проснулась в его объятиях. И задумалась: *И что мне теперь делать?*

Если не уверены, придерживайтесь привычного порядка жизни, определяемого тремя неизменными этапами: завтрак, обед и ужин. К тому моменту, когда остальные проснулись, мы с Мортеном сходили в супермаркет за продуктами. И я великолепно накрыла на стол. Было такое впечатление, что я к чему-то готовлюсь. Чувство вины. *Елена, я тут переспала с твоим мужем, но погляди, какой славный завтрак я для тебя приготовила.*

Но когда они встали, всё было совершенно нормально, так как мы были в нереальной параллельной вселенной.

Мы широко улыбались и были рады друг другу. Это не казалось навязанным, ненатуральным или неправильным почему-то ещё. Я была дома, точно также как и ночью. Елена сидела на коленях у Жиля, а я — у Мортена. После завтрака мы так и просидели за столом до обеда. Мы разговаривали, смеялись и вместе преломляли хлеб. Мне оказалось комфортно в этой чужой вселенной. Дома вдалеке от дома. Две разные реальности. И теперь мне следовало согласовать известную мне реальность с той, что собирается возникнуть.

Согласование фантазий и реальности

Внезапно я стала лучше понимать, почему люди отдают свои жизни в борьбе за то, что они считают правильным. Ничего в моей предыдущей жизни не готовило меня к тому, что я стану биться за свободу выбора. Я обнаружила, что на этом пути приходится сначала сражаться собственно за право выбирать и только потом — за то, что выбираешь. Так как для многих людей моногамия является единственно возможным выбором, им отвратительна любая альтернатива.

Уже в наши первые общие выходные я узнала какой отпор я могу получить от окружающего мира. Как только наша полисемья сделала первый вздох морозного воздуха начала зимы, предубеждение уже вонзило свои когти в покрытую свежими волдырями спину моего прекрасного нового мира.

Мир видел меня в очень разных видах, но впервые произошло нечто большее, чем несколько поднятых бровей.

— Она оч красива, ваша жена, — сказал Жилю официант-француз в дорогом ресторане, восхищённый Еленой.

— Это моя девушка, — ответил Жиль и взял меня за руку: Вот моя жена.

Официант рассмеялся. Было очевидно, что мы стебёмся над ним.

— Когда у птиц будут зубы! — французский эквивалент английского “когда свиньи полетят” (или русского “когда рак на горе свистнет”).

— Нет, это правда! — заявила я, показывая своё обручальное кольцо. Жиль показал своё, так, чтоб они были рядом. И они были одинаковыми.

— Я *её* парень, — вступил Мортен.

— И он *мой* муж, — добавила Елена.

Мы все улыбались. До тех пор, пока не заметили, что официант совсем не весел. Он выглядел оскорблённым, быстро отошёл и начал очень быстро что-то говорить метрдотелю.

Метрдотель, как деловой человек, рассмотрел на нашем столе бутылку *Châteauneuf-du-Pape* и предположил, что сегодня вечером, а возможно и впредь, наш стол обеспечит ему немалую долю дохода. Он подошёл и сказал: “Сегодня я лично буду заниматься вашим обслуживанием. Ваш официант недомогает.”

Недомогание. Во Франции это универсальный повод для того, чтоб не делать что-то, что делать не хочется.

“Я не могу прийти на работу, я недомогаю.”

“Я не могу пойти с тобой в кино, я недомогаю.”

И новое, хотя и невысказанное: “Я не могу обслуживать ваш столик, вы, больные извращенцы. Я недомогаю.”

Тень легла на наш столик. Мне хотелось провалиться под землю. Я оскорбила кого-то столь сильно, что он не может выносить моего присутствия. Когда я чувствую угрозу, моя привычная реакция — унестись прочь. Шоколадное фондю ещё не принесли, но мне было нехорошо от одной мысли о нём.

— Можем мы просто заплатить и уйти?

— Никогда! — ответила Елена. Как он может так себя вести? Мы имеем здесь такие же права, как и все остальные.

Она с отвращением смотрела на официанта. Тот задрал вверх свой галльский нос и демонстративно игнорировал её.

Я перенесла последовавшие тридцать секунд неудобной тишины покачивая ногой и подчищая ногти. Когда принесли десерт я была не голодна. И я распределила своё внимание между мужем и любовником. Ни одного из них я не держала за руку. Расплавленный шоколад бесконтрольно вытекал на тарелку в середине стола. Как моя жизнь. Елена обсуждала с метрдотелем наше право жить по собственному выбору и возмущалась оказанным нам приёмом. Он слушал не вслушиваясь и угодливо предложил нам выпить кальвадоса, дабы пригладить наши взъерошенные пёрышки. Замечательно маскируя своё неодобрение. Мы снисходительно удалились через полчаса после нашей неудачной выходки. Я была ошеломлена.

“Я не хочу ещё раз пройти через такое.”

Жиль смеялся. Он находил всё это забавным. Остальные смотрели на меня. Непонимающе. Так прошло три секунды. Жиль погладил меня по спине в стиле “погладить по головке семилетнюю дочь, когда она очень устала”. Я осмотрелась и поняла, что никто кроме меня не воспринял произошедшее так тяжело. Я думала, что мы столкнулись с этим вместе, но оказалось, что это моя личная битва. И у меня не было достаточных доспехов, чтоб сражаться в ней.

Двадцать два года моногамного образа мыслей против трёх месяцев полиаморного — неравные условия. Моя полиаморная сторона нуждалась в дополнительных исследованиях, так как для того, чтоб защищать мои убеждения от всего мира, мне необходима уверенность в своих рассуждениях.

Я методически разложила свои аргументы, как если бы я была в суде. Прокурор, ужасно похожий на мою мать, начал свою речь. Меня пробрала внутренняя дрожь.

— *Луиза, разве полиамория это не просто секс со всеми*

подряд?

— Нет! (Голова высоко поднята, прямой взгляд.) *Полиамория похожа на любые другие серьёзные отношения. Это не что-то, получающееся само собой, а честное и сознательное решение.* (Я полагала, что сравнение с церемонией заключения брака поможет мне набрать несколько очков в глазах присяжных.) *Но я не выступаю за полиаморию или против моногамии как таковой. Я выступаю за* ***выбор****, делаемый с уважением к себе и к другим. Это может включать в себя и секс со всеми подряд, если выбор именно таков.*

— Как Вы можете утверждать, что не противостоите моногамии, если вы подорвали основания, на которых она основывается? — требовал прокурор.

— Когда непредубеждённые и хорошо информированные люди выбирают моногамию, я аплодирую их выбору. Однако, выбор между моногамией и немоногамией встаёт редко. Есть лишь один не подвергаемый сомнениям вариант, которому следуют массы. Он является частью нашей поп-культуры, наших фильмов, нашей религии.

— Брак это обязательство двух людей любить друг друга. Пока смерть не разлучит их. Любить человека вне брака — предательство. И тем более, когда эта любовь выражается в интимных отношениях. Вы можете оспорить эту логику?

— Какое такое предательство вы имеете в виду? Предательство состоит в сексе с кем-то другим или в нарушении контракта, согласованного между двумя сторонами? Второй — настоящее предательство. Но нельзя ли вместо изменения контрактов, попробовать сделать так, чтоб люди строили отношения не исходя из того, что какие-то отношения являются "правильными", а другие нет, хотя и те и другие включают в себя одни и те же действия. Одни отношения подтверждены куском бумаги, но и остальные могут включать в себя ровно столько же преданности и любви. Или не включать.

— Господа присяжные, готовы ли вы вынести вердикт?

— Да, ваша честь.

— И каким он будет?

— Виновна по всем пунктам обвинения!

Проблема была в том, что как бы ни звучали мои аргументы, я всё равно чувствовала себя как будто в суде. Как будто мне требовалось оправдывать мой способ жить. Особенно, когда я взаимодействовала с окружающим миром. Что я немедленно решила свести к минимуму. И нам с Жилем, находящимся внутри наполненного любовью мыльного пузыря, оказалось несложно избегать всех остальных.

Наедине

Вскоре после нашей первой встречи, мне подвернулась удачная возможность съездить в Англию, в головной офис моей компании. Елена была с Жилем в Париже, и это была моя вторая встреча с Мортеном, но первые дни, проведённые нами наедине.

Моя командировка состояла из собраний и ещё раз собраний. Мне надо было проводить как можно больше времени, разговаривая с коллегами, с которыми я в нормальных условиях не пересекаюсь. Я стала искусной в незаметном обмене текстовыми сообщения. С нашей первой встречи прошло две недели и, хотя всё это время мы пользовались и почтой и вебкамерой, я по прежнему боялась.

— Что если я не буду испытывать по отношению к нему таких же чувств, что в прошлый раз? — вслух сомневалась я.

— Ты ничего не можешь с этим поделать, — прагматично отвечал Жиль. Я ненавидела его за повторение очевидного.

Это не было похоже на отношения парень–девушка из времён учёбы. Я уже чувствовала привязанность к нему. У нас уже был секс. Я даже не могла пойти домой после свидания, потому, что я приехала на три дня. Семьдесят два часа. Четыре тысячи триста двадцать минут.

Он открыл мне дверь их лондонского дома, в двадцати минутах езды от вокзала Сент-Панкрас, взглянул на выражение моего лица и озабоченно спросил: “Что случилось?”

— Я совсем не знаю тебя. Кто ты на самом деле? Ты можешь оказаться похож на Декстера.

Я не хотела его обидеть. Но полиамория оказала на меня специфическое влияние, сделав меня более честной, чем это необходимо. Условности открыто попирались. Коммуникация была прямой. Конкретной. Вы оказываетесь близко связаны с людьми, с которыми даже не спали, связаны через кого-то другого.

— Мы провели вместе больше времени, чем некоторые проводят за всю жизнь, — успокаивающе заметил он.

— У тебя есть какие-нибудь планы на эти выходные?

— Никаких особенных планов. На завтра забронирован ужин. Я думаю, всё остальное время мы можем провести дома.

Невысказано, но очевидно. Но я всё ещё сомневалась.

Возможно ли, чтоб вселенная наградила меня не одним чудесным мужчиной, а сразу двумя? И, возможно, когда-нибудь даже более, чем двумя? Определённо, нет. Возможно, этот мужчина на самом деле убийца с топором. Возможно, они с

женой вроде Бонни и Клайда: шайка, охотящаяся на ничего не подозревающие пары для того, чтоб развлечься пытками. Я развлекалась этими мыслями, сидя за белым кухонным столом под хрустальной люстрой и глядя на белые лилии. Представляя, как фонтан моей артериальной крови украсит всю эту мебель, когда он перережет мне горло.

Полы в их доме были деревянными в жилых помещениях, мраморными в ванной, а крыльцо было покрыто рулонным газоном. В нём было мало мебели, мало книг и почти не было музыкальных дисков. Это был шоу-дом. Он совершенно скрывал личности владельцев. Так что мне было не о чём заговорить.

— Ваш дом прелестен, — это всё, что я придумала сказать.

Мортен вынул из холодильника две бутылки сидра и пригласил меня в гостиную. Если не уверен — пей алкоголь. Я сделала один глоток и он набросился на меня.

Когда я говорю “набросился”, разумеется, я имею в виду, что он придвинулся ближе, положил мне руку на плечо и склонился к нему. Но если бы он набросился по настоящему, моя реакция была бы точно такой же. Абсолютное сопротивление.

А потом обрушился водопад страсти. Наша одежда устилала путь к спальне в тех местах, где мы срывали её. Прекрасно застеленная кровать была полностью разворошена, а прекрасное *белое* покрывало было запятнано. Снова и снова.

Это всё, что надо знать про нас и те выходные. Не было никаких Жиля и Елены. Было два человека, замкнутых друг на друга и делающих то, что получается само. Мыльный пузырь секса, разговоров, сна и дыхания. Ничего другого не существовало.

Я слышала о Священном Граале, называющемся “множественный оргазм”. Но Космополитен не смог полностью удовлетворить моё любопытство. Множественный. Это значит продолжительный или последовательные? И какие промежутки? Не должны ли вы чувствовать себя опустошёнными после первого? Действительно ли женщины способны на это?

И вот я кончила. Без усилий. Он продолжал двигаться во мне и через двадцать секунд я кончила ещё раз. Я так смеялась, что чуть не вынудила его выйти. Но не совсем. Моя душа, казалось, отделилась от тела и танцевала на небесах. Свет был так силён, что я не могла смотреть и думать. А ещё через двадцать секунд я кончила снова и начала плакать.

Но вместе с удовольствием я чувствовала и горе. Горе, что у нас с Жилем никогда не было подобного секса и неизвестно к чему это может привести. Потому, что секс, который только что был между мной и Мортеном, похоже, именно такой, каким секс

должен быть.

А когда мы лежали — моя голова на его плече, удивляясь тому, что наши тела могут сотворить вместе, он сказал:

— Ты знаешь, что я влюбился в тебя до того, как мы встретились и я неделями опасался того, что наши отношения не сложатся на физическом уровне. Мы казались столь совместимыми во всём остальном, что представлялось почти невозможным, что и в этом у нас сложится.

— И как, у нас сложилось?

Он посмотрел на меня и улыбнулся:

— Оно сложилось просто блестяще, но не буду заглядывать вперёд…

Видеоклипы, ужины при свечах и мечты. Много, много мечтаний. В те выходные мы впервые заговорили о детях, которые могли бы у нас быть и о коммуне, которую мы могли бы построить. Он покорил меня описанием маленькой девочки, которая могла бы у нас родиться. В буйстве владевших мною эмоций, я поняла, что тоскую по ребёнку. Кроме мириадов мерцающих звёзд в которые Мортен погрузил меня в те выходные, он подарил мне надежду. И она была самым важным.

И вот, после двух дней упоения, выходные подошли к концу.

Возвращаясь к реальности, мы включили своим мобильники.

— Интересно, как там Жиль с Еленой, — лениво произнесла я. Мне удалось спрятать ноющие сомнения в их совместимости в глубине моего мозга. Что, честно говоря, было несложно.

Но мой телефон сердито зажужжал, принимая сообщения от Жиля, а телефон Мортена визгливо объявил об ещё большем количестве голосовых сообщений. Моё сердце провалилось в полном соответствии с этими звуками.

Колючий

Эти выходные вдвоём оказались усажены остриями. Мягко говоря. Буква “К” упрямо выставляла свои колючки. И пока я читала возрастающе расстроенные и разочарованные сообщения от Жиля, телефон зазвонил.

— Луиза, слава Богу, что ты ответила на телефон. Я не знаю что делать. Помоги мне! — В его голосе звучало безумие, и я не могла понять что же, чёрт возьми, случилось. Может быть, Декстером оказалась она?

— Успокойся и объясни мне, что происходит.

— Она говорит, что не может успеть на самолёт, потому, что слишком расстроена. Она просто лежит в прострации на софе и не двигается.

Я услышала как скользнула, закрываясь, дверь гостиной. Он сказал это при ней, так что это, очевидно, не было секретом.

— Почему она так расстроена? Ты что-то сделал? — может быть это Жиль был Декстером из моих кошмаров?

— Потому, что я сказал, что пока не могу считать её своей любимой девушкой и не знаю, смогу ли. Нам было прикольно вместе, но у нас уже были колючие моменты, а в начале отношения, определённо, должны быть проще.

— Это всё?

— Да! — захныкал он в полной панике. Я не могу быть с такой женщиной. Если она такова после выходных, какой же она будет потом? Ты помнишь *Роковое влечение!*

Мной столь сильно овладел инстинкт защиты, что мне захотелось немедленно вернуться и накричать на неё. Жиль в беде, и ничего другое не имеет значения.

В моей голове стремительно возникали непрошенные мысли.

Недоверие… *Как можно быть расстроенной настолько, чтоб потерять способность двигаться?*

Досада… *Какая бессмысленная потеря денег за билет!*

Рассудительность… *Они виделись только дважды, что она ожидала?*

Неприязнь… *Какой эгоизм с её стороны — так расстраивать людей.*

Жалость… *Бедному Жилю приходится разбираться с этим.*

И, совершенно неожиданно.

Самодовольство… *Ха! Жиль столкнулся с требовательной женщиной. Ну, пусть попрыгает.*

Я задавила их в зародыше и сказала:

— Жиль, *chéri, ne t’inquiète pas* (не волнуйся, дорогой — фр.) Я

прилечу через пять часов. Дай телефон ей, а я дам Мортену. Я думаю, ему удастся до неё достучаться, даже если у тебя это не получается.

Я передала телефон нахмурившемуся и испуганному Мортену. Все выходные мы били веселы и счастливы. Внезапно, я почувствовала приступ ярости на Елену за то, что она причинила боль двум моим любимым мужчинам.

Последовал разговор на шведском, но его суть была понятна даже мне. Елена не могла и не хотела успеть на самолёт. В её мире печаль была для этого совершенно нормальной причиной. Закончив разговор, Мортен взял меня за руку и сказал:

— Мы может попробовать сделать всё, что от нас зависит, чтоб исправить это — я имею в виду ты и я. Честно говоря, у нас мало надежды, если Елена и Жиль не будут вместе. Разные страны, сложная логистика. Всё очевидно.

И это было так.

Моя новая любовь начала скрипеть и трескаться, а мои воздушные замки развеялись клубами дыма. Лопнули. Подобно Икару, я танцевала слишком близко к солнцу и внезапно начала падать в пропасть. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько потерявшей управление. Не стоит говорить, что я не обвиняла в этом Жиля. Я любила Жиля. Или Мортена. Я любила Мортена.

Я обвиняла Елену.

— Нам надо идти. Твой самолёт уже скоро, — сказал Мортен.

Мне хотелось топнуть ногой и сказать: “Возможно, я тоже слишком расстроена, чтоб уезжать!” Но я не сделала этого. У меня звенело в ушах, мои руки дрожали, но я не могла капризничать.

— Дорогая, пожалуйста, когда ты вернёшься домой, пригляди за моей маленькой Еленой. Она расстроена и одна в чужой стране.

Как он может просить меня о подобном? Присмотреть за женщиной, которая уничтожает возможности моих новых отношений? Но когда я открыла рот, чтоб рассказать о том, что чувствую, я смогла сказать лишь: “Я обещаю. Не волнуйся.”

И я собиралась сделать это. Даже если мне не случиться быть с ним. Но если я могу присмотреть за женщиной, которую он любит и он в результате будет чувствовать себя лучше, я сделаю это.

Мы ничего не говорили. Ни в машине, ни на регистрации рейса, ни у выхода на посадку. Но прямо перед тем, как я собиралась идти и повернулась к нему спиной, может быть в последний раз, он неистово схватил меня. Вцепился в мою талию

и в мой рот. Его руки держали мои, а наши голубые глаза, отражающиеся друг в друге, наполнились слезами.

— Мы попробуем, ага?

Это был сдавленный и безнадёжный возглас капитуляции. Мы были не в силах повлиять на ситуацию.

Обратный полёт был одновременно и слишком коротким и слишком долгим. Приземлившись, я позвонила домой. Ответа не было. Они не могли выйти. Может быть Жиль убил Елену? Или Елена убила Жиля?

Когда я открыла дверь, дом был тих и пуст, за исключением звучащей из проигрывателя *Имоджен Хип* и горящих на столе свечей. Я задула их. Никого в гостиной. Никого на кухне. Никого в столовой.

Я нашла их в спальне. Жиль, очевидно, плакал. Елена нежно гладила его волосы. И очевидно, что под одеялом они были обнажены. В панике из меня вылетели слова:

— Всё нормально? Что происходит?

— Я люблю твоего мужа, — ответила Елена. Но он не знает — любит ли он меня.

Взрыв эмоций отозвался в моём животе. Не похоже на то, что между ними всё кончено, это скорее сближение. Я подошла к Жилю и посмотрела на него. Он выглядел смущённым и уязвимым. Я должна была выглядеть также. Я поцеловала его в лоб, взяла себя в руки и сказала: “Уже поздно, я иду спать. Если вам надо всё толком обсудить, я предлагаю вам провести эту ночь здесь вместе. Я люблю вас. Удачи.”

Я наклонилась и поцеловала Елену в щёку. Она неуверенно улыбнулась и поблагодарила меня.

Я закрыла дверь нашей спальни и позвонила Мортену. Я услышала его испуганный голос ещё до конца первого гудка. Я сказала:

— Всё в порядке. Они в порядке. Я не знаю точно что именно происходит, но они не расстались, я уверена.

Я услышала вздох облегчения. Но я была не в состоянии поддержать его.

— Я иду спать.

— Но, милая, это хорошие новости. Почему ты так расстроена?

— Потому, что я обязана своим счастьем кому-то другому.

— Но разве не именно в этом и состоит любовь?

Я была сердита. Сердита на себя за то, что я оказалась в этой ситуации. Сердита на Елену за то, что она не заботилась о последствиях своих действий. И сердита на Мортена за то, что он не понимал как мне плохо. Я не понимала раньше, что участие в

четвёрке означает, что вы не можете полностью отвечать за свою судьбу и отношения. И это открытие мне совершенно не понравилось.

Елена осталась ещё на три дня. Все эти ночи Жиль спал с ней в одной кровати, дабы укрепить их новообретённый статус любимых, который был объявлен наутро после моего возвращения.

Я не знала, следует ли мне расстраиваться от того, что мной пренебрегает муж или радоваться тому, что мне не надо прямо сейчас расставаться с Мортеном. Так что в тот момент я делала то, что всегда делала лучше всего. Я укрылась в моём безопасном мире, называющемся “отрицание”. В предрождественской беготне это было несложно. Потому, что несмотря на опасения, у меня были мечты, большие мечты.

Я хотела реализовать их. И может быть, всё-таки может быть, этого было бы достаточно.

Альтернативное рождество

Рождество традиционно является семейным временем. Но для нас с Жилем это давно было не так. Мы воспринимали свои семьи скорее как источник беспокойства. Вместо этого мы праздновали Рождество в пабе со множеством других “потеряных мальчиков” Парижа. Мы готовили гигантскую индейку в духовках промышленных масштабов и сами разливали пиво, которое потом оказывалось записано в бухгалтерских книгах как “остатки”, то есть должно было быть отправлено в помои, но вместо этого заливалось в наши глотки.

И вот, за три месяца Жиль, Елена, Мортен и я почувствовали себя семьёй в большей степени, чем я когда-нибудь знала. Было больше любви. Гораздо больше. Впрочем, было настолько же больше переживаний.

Так что, раз Рождество — семейный праздник, мы собирались провести его вместе. Но это потребовало некоторого планирования. Семья Мортена приезжала к нему в Лондон и до 26-го декабря они изображали нормальность. Через полчаса после отъезда родственников, прибывали мы. Мы снова были в стране фантазии.

Елена радостно встретила нас в своём доме. “Это традиционный испанский рождественский фруктовый пирог. Я сделала его вчера вечером, он приправляется вином прямо в духовке. А эти бисквиты странной формы сделал Мортен. Они шведские.”

Так он ещё и готовит! — подумала я.

Елена разлила вино с пряностями и потянула меня по светлому деревянному полу, через её безупречную кухню в столь же безупречную гостиную. Я разулась. Она попросила меня об этом. Моя куртка уже была снята с моих плеч и висела на деревянной вешалке в их белоснежном шкафу. Подушки белели на их бирюзовом диване как маленькие облачка. Их дом был невероятен. Когда мы проходили мимо ёлки, с неё упала иголка. *Как она только осмелилась?* — удивилась я.

— Я подошёл к прилавку и взял две рождественские открытки, — сказал Жилю Мортен. Одну с надписью “Моей прекрасной девушке”, а другую — “Моей прекрасной жене”. Продавец посмотрел на меня, а я в ответ лишь улыбнулся, настолько широко, как только смог.

Жиль усмехнулся:

— Я не любитель открыток и цветов. Одна девушка бросила меня в тот момент, когда я дарил ей цветы. Я выучил свой урок.

— Я люблю цветы, — возмутилась Елена.

— Я тоже. Но могу открыть тебе секрет. Ты можешь получить их от Жиля, только если повиснешь на продавце цветов и у него не останется другого выхода.

Судя по виду Елены, она не собиралась мириться с таким поведением. Полагаю, упрямству Жиля брошен вызов.

В моей открытке была прелестная серебряная цепочка с подвеской сердечком. Я подняла её, рассматривая.

— Это ножной браслет, — Мортен покраснел. Мне кажется, они очень сексуальные. Так что, даже когда ты будешь в Париже, кусочек моего сердца по-прежнему будет с тобой.

Я никогда не осмеливалась купить ножной браслет. Их носят только проститутки. Во всяком случае, именно так говорила моя мать. Жиль порозовел. Он смотрел на меня, понимая какая внутренняя битва происходит в моей голове.

— Луиза, милая! Кто побеждает? Мортен? Или твоя мать?

— Что ты имеешь в виду? — спросил Мортен. Жиль посмотрел на меня со значением, а мой рот скривился в ожидании.

— Луиза не курит на улице, — объяснил мой муж.

— Так делают только бляди, — добавила я.

— Не пьёт на улице.

— Так делают только алкоголики.

— И не ест на улице.

— Так делают только бездомные.

— И не носит блестящие туфли. И она *определённо* не носит ножных браслетов.

— Ножной браслет означает, что ты ночная бабочка, — произнесла я, прилежно повторяя то, чему меня учила мать.

— О боже! А почему ты не носишь блестящих туфель? — изумилась Елена.

— Потому что мужчины смогут увидеть отражение твоего нижнего белья на туфлях, — автоматически ответила я. Так её научили монахини.

Елена начала истерически смеяться: “Боже мой, это очень причудливо. Но при этом забавно.”

Я тоже рассмеялось, хотя это оказалось непросто. Я предавала свой мир и свои ценности. Я перенесла своё внимание на серебряную цепочку. Она мерцала, освещённая тщательно расположенными на потолке светильниками. Знак будущего. И “прощай” моей прошлой несвободе. Я застегнула её вокруг лодыжки и улыбнулась. Цепочка удобно облегала ногу. Освобождённая женщина… на цепи. Я иронически улыбнулась.

Жиль открыл свой подарок под мой восхищённый возглас.

Это была чёрная вельветовая куртка. Жиль, в отличие от большинства своих земляков, обращал мало внимания на одежду. Я годами пыталась изменить это без малейшего успеха. В это путешествие он взял с собой пять серых футболок с дырками в подмышках. Я мысленно подняла брови. Жиль выглядел благоговеющим. Для человека, обычно не обращающего внимания на свой внешний вид, он был удивительно увлечён подарком. Елена пожала ему руку.

— Ты будешь выглядеть в нём ещё красивее, чем сейчас, — сказала она.

— Он мне нравится. Спасибо, — ответил он, целуя Елену. Это был не тот Жиль, которого я знала.

Следующий ход был еленин. Она открыла упаковку и вытащила оттуда старый и ржавый жестяной знак, рекламирующий товары 1950-х годов. Мортен воскликнул: “О Боже, Елена! Он старый и грязный!”

Она слегка ощетинилась. А потом одарила нас улыбкой и, вместо того, чтоб ответить мужу, обратилась к Жилю.

— Жиль, дорогой. Это знак, который мы вместе видели в Париже. Я люблю его.

Я смотрела на грязную и ржавую жестянку и пыталась понять: каким образом она может оказаться уместной на елениной сверкающей викторианской террасе.

Мортен смотрел с удивлением и поставил своё вино мимо подноса. Признак мятежа. Я посмотрела на Елену, но она глядела на Жиля и была слишком занята.

И последний по порядку, но не по важности. Я сказала Мортену:

— Твой подарок в почте.

Все мы бросились к компьютеру вверх по лестнице и ждали бесконечные пять секунд, пока он входил в почту. Найдя нужное письмо, Мортен подпрыгнул на своём вращающемся офисном стуле, оставив его крутиться, и обнял меня так сильно, что я чуть не задохнулась.

— Что это? — хором спросили Елена и Жиль. Они были озадачены и не видели на экране ничего, что могло бы привлечь их интерес.

— Это два билета на майский концерт *Girls Aloud*, — объяснил Мортен. Наконец, мне есть с кем сходить туда.

Праздники состояли из любви, подарков, смеха и прекрасных ужинов. Что означало рестораны из гида Мишлен и экзотические, но крохотные порции. Свекольный сухарик, побрызганный густым сиропом и украшенный половинкой луковицы. Пятнадцать фунтов, пожалуйста.

Прекрасные ужины с нашими полиаморными партнёрами означали, что каждый кусочек еды будет органическим, от ответственного производителя. Он будет содержать столько витаминов и минеральных веществ, сколько это возможно. И-да, он по возможности не будет содержать глютена, лактозы и красного мяса. Рыба годится… пока она не слишком сильного и рыбного вкуса. Елена подробно допрашивала официанта обо всём, что мы собираемся поместить в свои организмы.

— А на органическом ли курином бульоне приготовлен суп из сладкого картофеля?

Лицо Мортена показывало, что это совершенно нормальный и разумный вопрос. Лицо Жиля показывало, что он почти взрывается от желания рассмеяться. Лицо официанта показывало, что он получает только шесть с половиной фунтов в час и не узнает органический бульон даже если тот явится лично и укусит его за задницу. Моё лицо показывало всем, что я британка, и его выражение не зависело от происходящего.

— Это один из наших любимых ресторанов, — заметил Мортен, жуя поджаренного на углях тунца (пойманного на удочку) с жареными овощами (подходящими по сезону и местного происхождения) и потягивая бузинное вино (органическое). Я сосредоточилась на натыкании на вилку куска цыплёнка (откормленного зерном на свободном выгуле) из салата Цезарь и одновременном поедании горской лепёшки.

— Ходите ли вы в какие-нибудь органические рестораны в Париже? — спросила Елена.

Мы с Жилем посмотрели друг на друга.

— Ну, в нашем любимом пабе растут какие-то зелёные штуки, — ответила я, давясь кусочками лепёшки.

— В основном это плесень в туалете, — добавил Жиль.

Я сошлась с Жилем после того, как он проводил бесконечные ночи в квартире своей покойной бабушки, играя по сети в *Age of Empires* и заедая шоколадные пирожные пьемонтским салатом из пластиковых контейнеров. Я принесла в его жизнь приготовленные ужины. Некоторые из них даже включали в себя овощи.

Пару лет спустя мы вместе прошли через очищающую диему Кароля Вордермана. Жиль познакомил меня с концепцией тренировок (хотя они всё равно были в лучшем случае спорадическими). Моё пьянство было в разумных границах. Мы были относительно здоровы. Но в сравнении с Мортеном и Еленой, воинами за этику-органику-осознанность-переработку-отходов, мы были невежественным быдлом, способным жить на замороженных батончиках Марс. Моя совесть сжималась от

мыслей о жестоком обращении с животными, когда я вспоминала о тончайшей восстановленной грудке индейки, которой я наслаждалась, дополнив её заранее нарезанным хлебом из супермаркета с полным лактозы маслом.

Это был новый мир более, чем в одном смысле.

Тем вечером, когда мы возвращались домой, держа за руки наших партнёров, я отважилась высказать то, что показалось грубым и невежливым мне самой.

Особенно, после того, как они заплатили по счёту.

— В эти праздники я хотела бы провести некоторые ночи со своим мужем, — сказав, я покраснела. — Я имею в виду, что хотела бы провести их в одной кровати с Жилем. Определённо, это наше личное дело — будем мы заниматься с ним сексом или нет. Особенно, если нас не будет слышно.

В какой степени следует делиться в нашем новом полиаморном мире? Насколько я могу быть жадной в отношении моего мужа, чтоб это не казалось невеликодушным? Должны ли мы решить: сколько ночей он проведёт со мной и сколько с Еленой? Имею ли я, в качестве жены, больше прав, чем она в качестве любимой девушки? Или наоборот: новые отношения всегда получают приоритет перед старыми?

— Смотри, что тут написано, — сказал, смеясь, Жиль, показывая на цепочку сообщений на дискуссионном форуме. — Эта полиаморная семья, по всей видимости держит на холодильнике таблицу, для того чтоб спланировать кто когда с кем спит.

Наши жизни в последний год развивались параллельно. Смотря рядышком телевизор, мы оба набирали что-то на ноутбуках, наполовину поглощённые этим занятием. Но, внезапно, мы были снова вместе. Читали вместе. Разговаривали вместе. Любили вместе. Готовились к другим любовям. Но вместе.

Однако, с практической стороны, другие любови были всё-таки отдельны. И это требовало выбора. Выставления приоритетов и отказа. Это было просто. Так… кто лучше в постели?

Я хотела быть с моим новым любовником. Но я не хотела, чтобы старый был обижен. Так что я не приняла никакого решения.

— Я не знаю, пожалуй, — сказала я, желая при этом спать с Мортеном.

— Я тоже, — добавил Мортен, пожалуй, немного торопливо. Проклятье.

— Я легко соглашусь с любым решением! — сказал Жиль.

— Так что выбирать придётся мне? — произнесла Елена. Она

была лучше подготовлена к тому, чтоб принять на себя ответственность за принятие решения. Ей честность давалась легко, независимо от того, создавала ли она дискомфорт для остальных. Потому, что она считала, что это не её проблемы. А я была завистлива.

— Я выбираю Жиля.

Ничего удивительного, пожалуй.

— Думаю, тогда ты окажешься со мной! — сказал мне Мортен и голос его звучал, да, обиженно. Это было нелепо. Мы получили именно то решение, которого хотели и оба из-за этого чувствовали себя несчастными. Когда я смотрела, как Жиль с Еленой поднимаются на второй этаж, мне хотелось закричать, что я передумала. Я определённо не хотела оказаться кем-то отвергнутой. К счастью, у меня случился один из этих самых множественных оргазмов. Он сотворил чудеса с моей самооценкой.

Следующим вечером случилась такая же канитель. Новые любовники весь день не могли расплести свои руки. Строго говоря, они периодически ускользали в спальню пока в гостиной звучала включенная на полную громкость Эми Макдональд. Мы были пресыщены и смеялись над эпатажностью того, что мы делали.

Но когда наступил вечер, мы виновато выбрали провести и вторую ночь с новыми партнёрами. Мы чувствовали вину, так как полиамория должна означать уважение и любовь, что в нашем понимании значило одинаковое отношение к партнёрам. Нам следовало чередовать их. *Вышел месяц из тумана, вынул ножик из кармана…*

На третью ночь мы не могли отказаться от наших обязанностей. Обратно в свои пары. Как в танце: смена партнёра… Кроме всего прочего, мы так нарезвились с новыми партнёрами и были так утомлены, что никакого *свинга* не было. Эми Макдональд молчала. Никогда ранее она не казалась мне столь оглушительной.

Оказалось непросто проглотить омегу-3, витамин-С, ячменный порошок и капсулу *Wellwoman*, щедро разложенные Еленой на прикроватном столике. Когда мы завтракали домашним гранатово-черничным салатом, запивая его женьшеневым чаем (от ответственного производителя), она доверительно заметила: “Не понимаю. Я так сильно люблю Мортена, но я так отравлена Жилем, что хочу быть с ним. С Мортеном я тоже хочу быть, но Жиль для меня сейчас более сексуально притягателен.”

Уффф. Давящее грозовое облако прошло мимо. Я вдохнула и

сказала: “Я тоже. Я имею в виду Мортен.” И не только более сексуально притягателен. Сам секс лучше.

Мортен задумчиво жевал кукурузный крекер, намазанный домашним хумусом, козьим сыром и увенчанный ростками люцерны.

— Наши отношения проходят стадию медового месяца. Разве это не нормально?

— Но что, если мы просто моногамны? — запаниковала Елена.

Мы все немного помолчали, после чего я сказала: “Я не считаю, что моногамия это что-то вроде сексуальной ориентации. Это выбор. И полиамория включает в себя все конфигурации, о которых вы только можете подумать. Ты хочешь сохранить отношения с Мортеном. Они изменятся. Ты хочешь продолжить отношения с Жилем. Мы не должны использовать для сравнения представления о том, какими должны быть моногамные отношения. Твои отношения будут не такими, как когда-либо прежде. Ты близка с двумя разными мужчинами. К ним надо относиться по разному.”

— И помни, “справедливо” не обязательно означает “одинаково”, — добавил Жиль.

Так мы начали делать то, что казалось правильным. Вместо того, чтоб сравнивать свои действия количественно, мы стали сравнивать время проводимое вместе: качественно, что бы это ни значило применительно ко времени. Каждая пара, наконец не нуждалась в перегруппировке. Для того, чтоб убедиться в том, что мы по прежнему любим друг друга было достаточно взгляда или прикосновения. И, так как разные люди чувствуют по разном, мы разбирались с потребностями и желаниями по мере их возникновения. Любой желающий мог пожаловаться всем остальным троим.

— Это *имеет отношение* к демократии, — процитировал Жиль *Южный парк*.

За десять проведённых вместе дней, мы с Жилем ещё сильнее влюбились в них и их образ жизни. Это было больше похоже на семью, чем когда-нибудь в моей жизни. В стеснённых условиях их викторианской террасы было сложно сохранить какую-нибудь скромность, хотя и пыталась. Но я горжусь тем, что никто, по крайней мере, не видел мой зад. Впрочем, я не вполне уверена — есть ли он у меня. Хотя моё британское воспитание требовало, чтоб некоторые виды деятельности должны скрываться в спальне, одна кровать была в комнате, через которую надо было проходить в туалет, а спальня была далека от идеала звукоизоляции. Однако, я действовала в соответствии с ним и в соответствующие

моменты была глуха, слепа и нема.

Когда я рассказывала друзьям о том, на что похожи наши новые отношения, их первая мысль была про секс.

— Секс с Мортеном нравится тебе больше, чем с Жилем?

Я отказывалась ловиться на этот крючок. Это не их дело.

— Он другой, — отвечала я. То, что Голливуд диктует нам, что мы должны вступить в брак с тем, с кем получается наилучший секс, не делает это правдой. Я уже отбросила достаточно стереотипов для того чтоб понимать, что не бывает ничего совершенно определённого.

— Вы с Мортеном занимаетесь сексом чаще, чем с Жилем?

Это несравнимо, так как отношения разные. Нам с Жилем удобен выработавшийся у нас ритм. С Мортеном у меня ритм другой, но это нормально: мы проходим через период бурной страсти.

Я видела слова, формирующиеся у них головах так же ясно, как если бы они произносили их: *Развод. Отрицание очевидного.*

Они были уверены в том, что если у меня есть муж и парень, первый значит больше. В конце концов, муж подразумевает привязанность и демонстрируется семье и друзьям. Так и было… в те дни, когда я верила в моногамию. Тогда для меня это было последовательный процесс: свидания, отношения, брак. Теперь, когда я узнала себя лучше, я поняла, что использовала брак в первую очередь для того, чтоб избавиться от страха потерять партнёра. Я любила его, а он любил меня. Но, с тех пор, как у нас появилось свидетельство о браке, вероятность разбить яйца уменьшилась. А если и разобьются — французское правительство сделало статус “в браке” весьма привлекательным при помощи налоговых льгот. Свидетельство о браке подтверждало, что мы соединены навсегда. Пока развод не разлучит нас.

Да, мы с Жилем рассматривали возможность развода. Но уже не потому, что собирались разойтись. Наоборот. Потому, что мы хотели остаться вместе, любить вместе, быть вместе. Соединённые навсегда. Пока выбор не разлучит нас.

Периодическая таблица полиамории

В старой конфигурации у нас были одни отношения. Жиль и Луиза. Или, иногда, Луиза и Жиль, в зависимости от того, кто подписывает рождественские открытки. Но в новой конфигурации были:

1. Жиль и Луиза;
2. Жиль и Елена;
3. Луиза и Мортен;
4. Елена и Мортен;
5. Жиль и Мортен;
6. Луиза и Елена.

А также:

7. Жиль, Луиза и Елена;
8. Жиль, Луиза и Мортен;
9. Жиль, Елена и Мортен;
10. Луиза, Мортен и Елена.

И, разумеется, наконец:

11. Жиль, Луиза, Мортен и Елена.

— Этот приближается к одинадцати! — процитировал Жиль из *Spinal Tap*.

Было трудно ухватить текучую природу и динамику каждых отношений. Каждая комбинация отличалась собственным поведением и одни и те же элементы могли добавлять в неё как мегареактивность, так и изрядную стабильность.

Молекула *Жиль и Мортен* была редкой, преимущественно пассивной и обычно могла быть найдена там же, где были коробки с пиццей и PS2.

Молекула *Жиль и Елена* характеризовалась высокой энергией и часто наблюдалась рано утром в тренажёрном зале. Также она потребляла огромные количества органической пищи и эволюционировала в очень эффективное чистящее средство.

Молекула *Жиль, Елена и Мотрен* часто встречалась на свежем воздухе, где занималась ходьбой. Однако, *Жиль, Луиза и Мортен* могли быть обнаружены *только* в доме, как правило на диване, смеющимися и пьющими кофе.

Ни одна из молекул не была в точности похожа на какую-либо другую. Девять из одиннадцати были новыми. Четыре из одиннадцати были связаны в том числе сексом… впрочем, ещё три попробовали это, но вышло чёрти-что. Наша единственная попытка заняться сексом вчетвером получилась по настоящему странной. У всех нас были столь разные способы взаимодействия с разными людьми, что попытка смены партнёров на полпути

меняла ритм и желания. Никаких оргазмов. И уж точно не множественных. В конце Елена сказала: “Не поставить ли мне чайник?”

Мортен поднял голову от её груди и произнёс: “Мда, пожалуй, ничего не получается.”

Так уж вышло.

Одна из этих одиннадцати молекул была совершенно не от мира сего. Это были *Луиза и Мортен*. Это образование было совершенно великолепно.

И, наконец, были *Луиза и Елена*, подобные золоту и вину, чаще всего обнаруживавшиеся в дорогих ресторанах и лондонских магазинах с несообразными ценами. Эта молекула была потенциально нестабильна и взрывчата.

Когда мы первый раз пытались найти название для наших с Еленой отношений, аналог которым можно было найти только в полигамных обществах, мы нашли слово *со-жена* (sisterwife). Мою *со-жену* звали Елена. Её имя, предположительно, означает “блеск” или “факел”. И, надо сказать, это совершенно верно. Каждый из нас был единственным и уникальным в каком-нибудь смысле. Я была единственной, у кого было нечто, что можно было назвать деловой карьерой. Я привыкла подтверждать свои слова делом. Мортен был среди нас единственным, выросшим в нормальной стабильной семье. Он был очень по-дзенски спокоен и мог управиться с любым багажом. Жиль был лингвистическим гением и, заодно, семейным юмористом. Все мы были яркими в своих областях. Но никто из нас не сиял так искристо, как Елена. Она отличалась. Выдавалась из ряда.

В частности, она не признавала ничего меньшего, чем правда. Всегда. Это вовсе не просто переварить в мире полуправды, чрезмерного такта и притворства. Она представляла собой красную таблетку из *Матрицы*. Правду в мире иллюзий. Благодаря некоторым обстоятельства, она была лишена страхов, владеющих обществом. Она была чрезвычайно уверена в себе. Но у неё был свой комплект демонов. Один из них, похоже, состоял в полном забвении того, насколько трудной оказывается для других эта красная таблетка.

Мы были вместе потому, что так сложилось, однако проводили вместе больше времени, чем закадычные приятели. Мы не были сёстрами, однако у нас была общая семья, общие интересы и, порой, общий дом. Мы не были лесбиянками или бисексуальными, однако видели друг друга обнажёнными в компрометирующих ситуациях.

Наши взгляды на социальные нормы были во много противоположны, наши стили коммуникации были совершенно

различны. Я видела мир (более или менее) относительно, а она видела его (более или менее) как набор противоположностей: добро и зло, правильное и ложное. Мне было трудно высказать своё мнение, пока я не была полностью уверена в контексте, а она всегда была готова высказаться определённо и принять все последствия этого. Она была протоном для моего электрона. Я росла впитывая свой опыт, а она — проецируя себя и свой опыт в окружающий мир.

Поверьте, я не говорю о том, что одна из нас была “миссис Правильность”. Две “миссис Правильность” в этом уравнении были равны. Полиамория — не замена партнёров. Как часто напоминал мне Жиль, когда во мне просыпалась неуверенность, полиамория — это дополнение партнёров. Впрочем, у меня и моей *со-жены* были разные мнения о полиамориии, о том чем она является, а чем — нет. Она верила в то, что люди полиаморны или моногамны по своей природе, также как они гомосексуальны или гетеросексуальны. Я считала, что это не похоже на сексуальную ориентацию и являются вопросом выбора того образа жизни, который больше подходит к нашим естественным наклонностям.

У нас было мало ответов… но много любви и надежды. Бо́льшую часть времени.

Новая жизнь вместе

— Мы собираемся как-нибудь справиться с нашей разделённостью? — в отчаянии спросила моя *со-жена*. У неё были средиземноморский темперамент и соответствующие эмоции. — Я недели не могу прожить без Жиля, — она начинала плакать от одной мысли об этом.

После окончания рождественских каникул, мы быстро осознали, что наши отношения не переживут расстояние между странами. Без поддержки общественных структур, наша новая любовь могла сохраниться только при условии географической близости.

Это была ночь перед нашим отъездом, и я чувствовала на своих плечах тяжесть необходимости принятия решения. Мортен не говорит по французски. Он столкнётся с ужасными трудностями, пытаясь найти работу в Париже. У Жиля нет постоянной работы. Как и у Елены, но как как актрисы и певицы ей лучше бы оставаться неподалёку от Лондона. Именно от меня зависело: переедем мы или нет. Никто не смотрел на меня прямо. Давление не было озвучено, но всё равно было огромным.

— Итак, вы хотите, чтоб мы переехали в Англию, — прямо заключила я. Решение казалось неизбежным.

Искра надежды крохотным пламенем загорелась в глубине елениных глаз. Мортен обнял меня за плечи и прикоснулся к подбородку.

— Никто не хочет, чтоб ты делала что-то, чего ты не хочешь делать, — ответил он.

Я вышла из-за обеденного стала и стала подниматься наверх, чтоб подумать. Я не осознавала этого, но это был не первый значительный выбор из множества стоявших на моём пути. Но это был первый, про который я понимала, что он именно таков. Только я видела дьявольскую альтернативу. Или остаться в Париже и потерять эти отношения, что казалось немыслимым. Или переехать в Англию, в страну, в которую я поклялась никогда не возвращаться семнадцать лет назад, подвергнуть риску мою карьеру, но дать шанс отношениям. Без какой-нибудь гарантии, что это сработает, разумеется.

— Я пятнадцать лет вкалывала как проклятая, следуя стратегическому плану, чтоб стать профессионалом в международных финансах. Я жила и работала в шести разных странах, поднимаясь по служебной лестнице, чтоб достичь нынешнего положения, — говорила я воздуху перед собой, отлично понимая, что Мортен отстаёт от меня всего на две

ступеньки.

— Если ты переедешь в Лондон, весь твой международный опыт останется с тобой. Это может оказаться неплохим ходом в твоей карьере, если ты правильно сделаешь его.

— Я уехала в первую очередь для того, чтоб убежать от детских воспоминаний, связанных с моей ужасной семьёй и миром общественного подавления.

— Может быть, повзрослевшей Луизе пришло время справиться с ними? Разве может быть для этого время лучшее, чем когда рядом с тобой трое любящих тебя людей?

У меня не оставалось реальных аргументов против, кроме того, что я теряла контроль над своей жизнью. На меня давили, чтоб я сделала то, что от меня хотят другие люди, и хотя бы по этому я не хотела делать этого. Я хотела закричать так громко, чтоб изгнать его из своей головы и своей жизни. Но я не могла. Потому, что моя любовь к нему была уже сильнее моего эгоизма. Куда бы я ни подалась, это была Уловка-22. Для того, чтоб мы могли жить в мире нашей мечты, я должна принести в жертву свою жизнь и спокойствие, какими я их знаю. Всё это было слишком тяжело и я залилась слезами. Он попробовал успокоить меня.

— Послушай, Луиза, ты можешь всё организовать. Используй столько времени, сколько хочешь.

Но время не было тем, что мы имели в изобилии. Чем больше его проходило, тем меньше был шанс, что у нас всё получится.

Для того, чтоб получить то, о чём мы мечтали, спонтанность была куда важнее здравого смысла.

— Люди всё время переезжают, — сказала Елена. — Нет ничего невозможного, любовь может двигать горы. Ты можешь просто остаться здесь и не возвращаться.

Я почувствовала, как моя диафрагма прижалась к рёбрам, на мгновение скривив мой рот в гримасе ненависти. На одну секунду, пока я не восстановила свою маску. Я думала: *Как она может что-то предполагать о моей жизни? Понимает ли она, чем я рискую, возвращаясь сюда*

Переезжать в Англию или нет, приближаться ли к моей семье географически… вот в чём был вопрос. То есть в этом не было никакого вопроса.

Потому, что настоящий вопрос был: *Как я могу действительно вступить в полиаморные отношения, которые не могут быть скрыты от моей семьи? От моего окружения?*

Отдельные визиты пар могут быть сохранены в тайне. Можно держать отношения за закрытыми дверями, если они существуют в разных социальных кругах. Я могу жить двойной жизнью,

двойной любовью. Но смена работы, страны, жизненных условий не могут быть спрятаны. Мне будут заданы вопросы и, независимо от того, насколько эффективно я могу врать себе самой, я не смогу успешно обманывать четырёх человек. И ложь родственникам о таких серьёзных решениях не может считаться невинной, как ни напрягай воображение. Это был бы просто кромешный обман.

И вот, явился мой второй демон. Его имя — Отрицание. Сказать правду моей семье было равносильно битве между Давидом и Голиафом. Безоружная, я взглянула в лицо Отрицанию и пригласила его в свою жизнь: “Заходи! Я приготовила твой любимый ужин, так что ты можешь уничтожать мой дом и мою жизнь.”

В дальнейших размышлениях окончательным аргументом оказалось вот что: я не могу провести всю жизнь, размышляя “что если…”

Так что мы переезжаем.

Рассказать родителям

— Ты прочитала статьи, которые я тебе переслала? — спросила я.

— Да. Такая штука… ну вроде журавля в небе. Но я не понимаю как такое могло бы быть возможно в реальной жизни.

Она медленно выдохнула. Это был не совсем вздох, так как она старалась быть доброжелательной, насколько это возможно. Двадцатитрёхлетний брак моей матери был не из простых.

Я позвонила ей однажды вечером, закрывшись в спальне и вооружившись огромной кружкой чая. Чай всегда был моим любимым средством защиты. Поэтому я пила его из непомерной кружки с Уоллесом и Громитом, подаренной мне Жилем на прошлое Рождество.

Моя мать, способная целый час обсуждать узор на занавеске, несомненно выскажется о нашем решении открыть брак. Она была младшей из шести детей в традиционной викторианской семье. Все женщины её поколения в ней унаследовали ген очарованности тканью. Последнее время мне кажется, что он проявляется и у меня. Один член семьи был или не был гомосексуален. Суть была в том, что мы не знали. И не говорили об этом. Другой имел или не имел внебрачные связи. Об этом мы тоже не разговаривали.

Этот телефонный разговор был одной из труднейших частей моей новой жизни. Я всегда была честна со своей матерью, но в последние три месяца я избегала нормальных разговоров с нею. Я не могла удержаться в рамках разговора о внутреннем украшении дома, когда хотела рассказать ей о самом чудесном и сложном открытии моей жизни. Американских горках любви, боли и ещё более сильной любви. Я любила двух изумительных мужчин и была любима ими. Мой муж любил меня и любил другую. И я была так счастлива от того, что он был счастлив. И я. И мой парень. И моя *со-жена*. Несмотря на предполагающийся конфликт.

— Ты удивилась, что я послала их тебе?

— Что, эти статьи? — спросила она.

— Да.

— Я прочитала первую только до половины, когда ответила. Они довольно длинные и у меня нет времени на нечто, являющееся столь очевидной фантазией.

Мы много размышляли о том, когда нам следует поставить свои семьи в известность о наших отношениях. И как нам это сделать. Мои друзья по большей части ошеломляюще поддержали

меня. Но один или два выразили сомнения. Естественно, это были более или менее одни и те же сомнения, а я хорошо подготовилась к тому, чтоб отвечать на них.

— Скажи честно, ты не делаешь это потому, что несчастна с Жилем? — говорили мои друзья.

— Нет. Дело вот в чём: я была несчастна с Жилем. Но из-за меня, а не из-за него.

К тому моменту я поняла одну важную вещь: мои проблемы… они были из-за меня. Не то, чтоб это сильно меняло мою способность решать их.

— О чём ты говоришь? — спрашивали мои друзья более или менее в один голос. — Вполне разумно ожидать от мужчины, что он будет работать и поддерживать тебя. Из вас двоих только у тебя есть работа, амбиции, жизнь.

— Вы считаете, что я покину человека, которого люблю, просто потому, что он не соответствует представлениям других людей о том, каким должен быть муж? Он личность. Я люблю его и хочу, чтоб он присутствовал в моей жизни. Он любит меня и хочет быть в моей жизни. Разумеется, как и в любых отношениях, есть вопросы, над которыми мы работаем: баланс, финансы.

— Но он не хочет детей, — парировала Луиза. Она, единственная из всех моих друзей, годами мечтала о детях. Любые бездетные отношения казались ей немыслимыми. Буквально.

— Прямо сейчас. Он не хочет детей прямо сейчас.

— Луиза, но тебе уже тридцать два. Твои биологические часы тикают. Может быть, он никогда не будет готов. Что ты будешь делать тогда?

— Ну, тогда я не буду рожать детей от него. Очевидно. Вы не можете заставить кого-то завести с вами ребёнка. Ты знаешь это лучше всех, — многозначительно заметила я. У Линды это была больная точка, так как её парень сделал вазэктомию до того, как они встретились. Они надеялись сделать обратную операцию. Или она уйдёт. — В этом прелесть полиамории, — продолжала я. — Я могу по прежнему поддерживать наши чудесные отношения, включающие в себя всё, чего мы хотим вместе, и в то же время иметь других партнёров, которые хотят того же, чего и я, например, детей.

— Я не могу представить как это может работать, — ответила она.

Я принимала тот факт, что для многих работает моногамное соглашение “всё в одном”. Но я также полагала, что людям очень сложно бросать вызов норме и делать относительно неё собственный выбор. Я унаследовала ценности среднего класса от

моих родителей. Я заботилась о внешней стороне. Я заботилась о маскировке процесса старения. Я беспокоилась, что люди думают о том, сколько у нас денег. Я даже заботилась о том, чтоб настолько успешно врать себе самой о собственных ошибках, что не могла признать себя той, кем я являлась. Я годами врала себе о мотивах собственного поведения. Настолько, что даже не понимала, что жила ложью.

Линда внезапно возмутилась:

— У тебя не может быть всё это одновременно! Не предполагаешь ли рожать детей от кого-то, не являющегося твоим мужем? Как такое может быть?

— Попробуй мыслить чуть менее моногамно, если сможешь, — проворчала я в ответ.

Люди были настолько убеждены в своей правоте, что думали, что я не подумала о возможных последствиях своих решений. Но даже в наихудшем варианте я просто оказываюсь наивной. Надеющейся на невозможное. Надеющейся сохранить брак, несмотря на различие жизненных целей.

— Полиамория это создание сообщества людей, открыто любящих и поддерживающих друг друга. Жиль может не хотеть быть отцом, но он никогда не помешает мне быть матерью. На самом деле он будет активно поддерживать меня.

— Некто, кто не хочет быть отцом, никогда не останется с тобой, если ты станешь матерью чьего-то ещё ребёнка, — насмешливо сказала Линда.

Моё терпение подошло к концу.

— Ты просто не поняла, что он уже дал своё согласие. Если он с любовью поддержит зачатие и беременность, почему он бросит меня потом? Тем более, что он тоже будет в отношениях, которых он хочет. Я придерживаюсь куда лучшего мнения о Жиле.

Однако, мои друзья, очевидно, моего мнения не разделяли. Не то, чтоб такие же вопросы не возникали у меня самой. В каком то смысле он был согласен иметь в своей жизни ребёнка. Просто не своего ребёнка. Но та же проблемы возникла бы с любой женщиной моего возраста, так что ему не удалось бы полностью избежать взаимодействия с детьми. Большинство женщин выбирают материнство.

Очевидная долгая пауза на той стороне начала становиться подозрительной.

— Ты послала мне их с какой-то целью?

— Да, мы ведь говорили о том, что брак — устаревшая концепция. И я сочла, что это изумительная философия.

Я часто использовала слово “изумительная” в отношении

полиамории. Мортен произносил это “изуми-дельная”. Я любила его акцент. Я любила всё, что имело к нему отношение. И любовь к нему дала мне отвагу двинуться дальше.

— И я хочу сообщить тебе, что мы с Жилем верим в эту философию и решили реализовать её.

Бомба номер раз. Я чувствовала как она падает с моего самолёта в стабильность её жизни и понимала сколько боли она принесёт. Но я больше не могла врать ей.

— Ну, вы можете соглашаться с ней, но я крайне сомневаюсь, что вам удастся реализовать её на практике, — отмахнулась она. Я собралась с духом, подобно библейскому персонажу, препоясывающему свои чресла.

— Но я послала тебе их именно поэтому. Потому, что мы реализовали это на практике. Мы встречаемся с другой парой. Их зовут Мортен и Елена. И они живут в Англии.

Бомба номер два. Я слышала стук мечей и грохот битвы между её безусловной любовью ко мне и её жёсткой викторианской семейной этикой.

— …

— …

— …

— Ты ещё тут?

— Да.

Одно слово. Говорливость моей матери, как правило чрезмерная, была побеждена моим подавляющим превосходством в огневой мощи.

— Это не просто секс. Я люблю его. Мы вместе уже шесть месяцев, — сказала я, надеясь вывести её из шокового состояния потрясением. И добавив лишних три месяца просто на всякий случай, вдруг это важно.

— Что… вы оба?

— Да.

Она вздохнула:

— Почему вам надо выносить это из спальни, в которой оно происходит?

— Кажется, ты не услышала то, что я только что сказала. Это не секс, это любовь. Самое важное, что есть в мире.

— Но это секс.

— Да. Но ещё и любовь.

Мы с Жилем оба были великолепными примерами представителей среднего класса — респектабельного снаружи и подавленного внутри. Наши семьи заботились о том, чтоб их газоны были подстрижены, а машины — вымыты. Их члены всегда платили налоги и имели “нормальные” профессии. Они не

выделялись на фоне своих соседей. Но моя мать, в то же время, была способна к состраданию, умна и не склонна судить. Я питала крохотную надежду на то, что она может посмотреть на наше радикальное решение в позитивном свете, как это сделала я. Больше жизни, больше роста и больше любви.

— Я всегда знала, что ты необычна. И таким же должен был стать твой путь. И я люблю тебя так же, как люблю всех своих детей. Безусловно. Я уважаю твоё право выбора. Даже если я не согласна с твоим выбором.

Леди и джентльмены, моя мать. Моя мать сказала эти слова. Удача! Слово повторялось в моей голове, как если бы в неё сидела миниатюрная Кайли Миноуг и пела: *Lucky, lucky, lucky…* Но я ещё не закончила.

— Мы также планируем переехать в Англию, чтоб жить ближе к ним.

Не столько бомба, скорее просто какая-то чепуха, затесавшаяся в серьёзный взрослый разговор. Как будто кто-то сел широким задом на пианино. Но ей следовало знать это. Я буду жить в часе от её дверей и не было способа “не выпускать это из спальни”, как она предлагала.

— Вы состоите в интимной близости… — я чувствовала, как она осторожно выбирает слова, — все вместе?

— Нет. Но у это очень открытый дом. Ведь мы все участвуем в одних отношениях.

Я чувствовала, как по мере раскрытия подробностей её боль увеличивается, а моя радость, как бы сильна она ни была, не может служить источником счастья для моей матери. Я чувствовала её нарастающее отчаянье, она была подобна самке, потерявшей детёнышей. Она боялась. Я тоже боялась, но не могла показать этого.

— Люди не дадут тебе жить спокойно. Ты выбрала такой сложный путь…

— Я согласна, это выбор. Но я выбрала соответствовать моей природе. Если ты не считаешь, что моя жизнь должна состоять в том, чтоб действовать в соответствии с представлениями общества о “должном”. Разве не такой же образ мыслей приводит к стигматизации гомосексуалов?

— Ты знаешь, не имею ничего против гомосексуалов. Но я бы не хотела этого пути для своих мальчиков. Твоих братьев. Я не хочу, чтобы они испытывали ненужную боль.

— В этом кроется разница между нами. Я считаю, что важнее быть собой.

Чай закончился к концу нашего телефонного разговора. Я поставила *Linkin Park*, открыла *Джек Дэниел* и, рыдая, громко

запела:

Неужели ты не видишь, что ты меня душишь,
Слишком крепко держа меня, боясь потерять контроль,
Так как всё то, каким ты хотела бы, чтобы я стал,
Рассыпалось прямо у тебя на глазах.

(Перевод песни: http://www.amalgama-lab.com/songs/l/linkin_park/numb.html)

Жиль нашёл меня ещё до того, как я прикончила первую порцию выпивки сказал мне:

— Не создавай ассоциацию между несчастьем и выпивкой, дорогая? Счастливое пьянство, помнишь?

— Жиль, я ранила её. Что мы будем делать, если все отвернутся от нас?

— Мы, определённо, были бы несчастливы, живя в соответствии с ценностями других людей.

Он увлёк меня на диван и поставил эпизод *Друзей*. Наш эквивалент еды для успокоения. И мы остановились на том, в котором Чандлер встречается с женщиной, у которой есть муж, парень и несколько любовников. Забавно, что в первые сто просмотров смысл всего этого полностью проскочил мимо меня.

— Она полиаморна! — восхитилась я.

— Так что мы не одиноки, — ответил он, сильнее обнимая меня. — Смотри, мы даже представлены в *Друзьях!*

Сказать отцу… да, это было во многих смыслах сложнее… но не потребовало выпивки или *Друзей* в конце.

Мы с Жилем звали его Клинт Иствуд за полное неприятие идей, которые не могут быть подвергнуты проверке, его привычку говорить “проклятье” и его средне-американский акцент. Рождённый в Индианополисе, он покинул США в двадцать лет, но акцент оставался неизменным и спустя пятьдесят лет. Сейчас ему было семьдесят семь и я опасалась эффекта, который могут оказать на него мои отношения… У меня были иррациональные мысли о сердечном приступе, который могут вызвать мои новости. Смерть от полиамории. Так что я затягивала это настолько, насколько могла.

Так как он был практическим экономистом и вовсе не оратором, я решила, что лучшим вариантом будет электронная почта. Его ответ был таков:

Твоё объявление было несколько шокирующим, но главное, что важно для меня это твоё здоровье и счастье. Всё остальное — мелочи.

Экономный язык. Язык экономиста.

Я не интересовался всерьёз вопросами морали, но я замечал, что многие моральные установки основываются на прошлом

опыте, который воспринимается как наилучший вариант для общества в долговременной перспективе. Утилитарная этика. Однако, то, что было лучше всего для большинства людей в прошлом, не является лучшим для всех, а времена меняются. Если вы с ЖР открыты друг перед другом и принимаете все риски — это ваши риски и ваша жизнь.

Мой отец помнил формы, концептуальные модели и всё, основанное на алгебре. Имена не были его сильной стороной и сейчас именем Жиля в голове моего отца сейчас было “ЖР”, бывшее на самом деле именем моего кузена. Но даже если он не помнил имён, он был честен. Логичен. И, в конце концов, он не отвергал меня.

Это было настолько близко к благословению, как я только могла надеяться. И это было удачно… так как колёса завертелись и мы уже готовились к переезду…

Другая “Л”

Буква “Л” может значить множество разных вещей. Любовь. Ласка. Лимбо… перед нашим переездом в другое “Л”. Лондон.

Она также значит “Луиза”.

И “Лидия”.

Я знала, что Мортен с Еленой раньше были в полиаморных отношениях с Робом и Лидией. Я знаю, что эти отношения плохо кончились. Пока я серьёзно не влюбилась в Мортена, от меня было совершенно скрыто то, что он всё ещё любит Лидию. Его первую поли-девушку. Или бывшую поли-девушку, напоминала я себе.

Я хотела, чтоб мы с Мортеном начали отношения правильно. Я не хотела врать ему о ни своих вкусах относительно музыки и фильмов, как я делала это с Жилем, ни о своих прошлых отношениях. Я хотела, чтоб Мортен знал, что может доверить мне всё, что угодно.

— Хочешь поговорить о ней? — спросила я, опасаясь того, что я собираюсь опять оказаться на американских горках и, в тоже время, восхищаясь собственным великодушием. Мортен посмотрел на меня с тревогой и я видела его мысли так же ясно, как если бы он произносил их. Пройдя через опустошающее расставание, он не хотел столь рано омрачать новые отношения грустными воспоминаниями о старых.

Но, вместе с состраданием и нежностью ко мне, я увидела также и печаль. Разбитое сердце. Потерю. Потерю Лидии. Было совершенно ясно, что мой новый парень тоскует по своей предыдущей девушке. Всё, что я хотела сделать в качестве его новой девушки, это исцелить его рану. И для того, чтоб помочь, мне надо было узнать о ней.

— То, что ты всё ещё любишь её, очевидно, — ласково, с болью в сердце продолжила я. — И разве мне не следует принимать того, что ты любишь нескольких людей? Разве это не составная часть полиамории? Расскажи мне, почему вы расстались.

Плотину прорвало. Я была потрясена такой степенью выпущенной мной на свободу боли. Его слова лились потоком и переносили боль через стол — в мою грудь.

— Нам пришлось. Мы с Лидией не могли оставаться вместе, раз Роб и Елена расстались. И Лидия нарушила свои правила и начала влюбляться в меня. И когда Елена осознала силу её чувства, она рассказала об этом Робу. Так Лидия была принуждена к выбору и демонстрации лояльности мужу.

— Зачем Елена рассказала Робу?

— Она верит в постоянную честность. Независимо от того, насколько она ранит. И Роб очень сильно обидел её. Она хотела, чтоб он любил её также, как она любила его, а оказалось, что он хочет чего-то менее постоянного.

— Понимаю. Так что ты никогда не переставал любить Лидию. И ваши отношения закончились не потому, что кто-то из вас хотел этого, а из-за других людей.

Как только я произнесла эти слова, его глаза наполнились слезами, а я почувствовала, что моя любовь ещё немного усилилась. Сопровождаясь здоровенной ложкой отчаянья. Я поцеловала его, чтобы успокоить, а он взял меня за руку и повлёк в спальню, где я временно заполняла пустоту, но не могла заменить её. Да я и не хотела. Я хотела быть “Л”. Не “другой Л”.

— Лидия действительно была мне хорошей подругой. Но она продолжает избегать меня, хотя она обещала, что мы останемся подругами, даже если они с Мортеном расстанутся, — говорила Елена.

— Возможно, это для неё слишком болезненно, так как ты слишком сильно напоминаешь ей о Мортене, — предположила я.

— Да, это так. Но теперь мне кажется, что она только изображала, что я ей нравлюсь, для того, чтоб спать с моим мужем. Я чувствую себя преданной.

Её точка зрения была обоснованной. Хотя я смотрела на ситуацию со стороны Лидии. Я любила Мортена. И для того, чтоб быть с ним, я должна была ладить с Еленой. Я должна была проявлять к ней симпатию, независимо от моего реального отношения. Они были одной командой на протяжении шестнадцати лет.

В полиамории отношения формируются не по принципу *один-к-одному*. Имеет место связь *многие-ко-многим* (автор использует термины из теории баз данных). И независимо от того, считала ли я подругой, мы с Еленой были как бы свойственницами. К счастью, в тот день у нас не было никаких конфликтов. В отличие от предыдущего дня и, как оказалось потом, в отличие от следующего. В елениной книге “Л” значило “лояльность”.

Лидия постоянно попадалась на фотографиях в Фейсбуке у Мортена и Елены. Изящная очень очаровательная блондинка. Смеющаяся, а в следующую минуту — развязная. Она ангелом сияла с моего экрана и я прекрасно понимала, почему он любил её.

— Как ты думаешь, что если я напишу ей, — спросила я. — Ты так сильно любишь её, и мне кажется, что я тоже полюблю её.

— Спасибо. Спасибо за то, что ты понимаешь и принимаешь мои чувства. Так трудно быть на вершине блаженства с тобой и в следующую минуту горевать о ней.

Так что я написала ей:

Лидия,

Я думаю, кому-то из нас стоит сделать первый шаг, так как ты постоянно появляешься, когда я смотрю профили своих новых друзей в Фейсбуке. Я надеюсь, что ты не сочтёшь это письмо непрошеным и что оно не расстроит тебя.

Мортен и Елена (оба) так много рассказывали о тебе, что мне кажется, будто мы знакомы, хотя это и не так. Хотя я стараюсь не загадывать заранее, есть нечто, что я знаю… например… тебе нравится Джастин Тимберлейк! Я также знаю, что Мортен любил тебя и любит до сих пор. Временами это казалось мне странным, но я почти сразу поняла, что это связано с моей собственной неуверенностью… слава Богу, по крайней мере с физической точки зрения, ни одна из нас не может заменить другую (ты восхитительно изящна, а я вовсе нет!), да и я совершенно уверена, что сердце у Мортена достаточно велико для Елены, тебя и меня… посмотрим, что будет, если появится четвёртая девушка!

Я не знаю, что принесёт будущее, но я доверяю суждениям Мортена и хотела бы дружить с теми, кого он любит. Я думаю, ты знаешь, что мы с Жилем планируем в этом году перебраться в Великобританию, я надеюсь, что когда придёт время, я увижусь с тобой и Робом.

Л.

Она ответила в тот же день, хотя я и успела за это время раз сорок нервно обновить свой почтовый ящик:

Привет!

Какой приятный сюрприз! Спасибо за прекрасное письмо и спасибо за то, что ты сделала первый шаг. Я уже думала о том, чтоб написать тебе, но не знала с чего начать.

Каждый раз, когда я встречаю Мортена (что было всего дважды с тех пор, как вы познакомились), я всегда забрасываю его вопросами о тебе, о Жиле, о вас четверых. Мне ужасно любопытно. Мне очень интересно узнать о том как по настоящему работает полиамория. Мне интересны различия. Мне интересны твоя точка зрения и твоё мнение, особенно потому, что вы пришли к полиамории не через свинг. Мой длинный любопытный ном постоянно доводит меня до беды! Я считаю, что Мортен и Елена прекрасны и я хочу, чтоб они были счастливы. Они так проникнуты вами, это делает меня счастливой. Они оба заслужили встретить такую пару, которая может дать им то, что не могли дать мы, и вы, похоже, прекрасны!

Я всё ещё скучаю по Мортену, а в начале у меня были эмоциональные проблемы, но время лечит. Когда мы встретились вчера, это было действительно мило, никакой боли, просто прекрасная встреча со старым другом. Тебе та-а-а-ак повезло быть с ним. Он говорит, что ты это уже знаешь, но я хочу напомнить тебе это, просто на всякий случай :0)

В начале, когда я потеряла его, а он встретил тебя, я чувствовала себя довольно странно, но я могу уверенно сказать, что не ревновала. Я согласна, в его большом сердце есть место для нас всех. Спасибо, что ты так хорошо поняла это. Он обожает тебя и, судя по тому, что я слышала о тебе, твоему письму и твоим фотографиям (я не смогла удержаться от того, чтоб посмотреть их), я понимаю почему.

PS. Ты тоже миниатюрная, о чём ты говоришь?

Я люблю Джастина Тимберлейка. Теперь, когда я потеряла Мортена, я собираюсь встречаться с ним :0)

Я уже представляю нашу встречу. Знаешь, мне кажется, мы поладим!

В любом случае, у нас есть одно очень существенное сходство! Если ты будешь в Лондоне и захочешь встретиться, я за. Кто знает, что принесёт нам будущее. Я знаю, что М и Е были посланы нам для того, чтоб мы узнали о себе много нового. Это старые смешные американские горки, но я не променяю их на весь остальной мир. Мы с Робом стали от этого опыта только сильнее и смотрим назад с улыбкой. Я совершенно уверена, что мы больше не вернёмся к полиаморию, но "никогда не говори никогда!"

С любовью,

Другая Л.

Как странно, что мы обе думали о себе как о "Другой Л": я потому, что она была первой, а я не заменяла её, да и не могла бы. А она потому, что считала себя всего лишь воспоминанием из прошлого Мортена.

Последовало ещё несколько писем. Мы обе боялись осуждения общества и обе учились в одном университете. После того, как мы поделились восторженными воспоминаниями о наших студенческих тусовках, она поведала мне о том, как она страдала от разлуки с Мортеном и о том, какую неуверенность в ней посеяло то, что он так быстро нашёл себе другую.

Как в их последнюю ночь с Мортеном они занимались любовью под музыку и оба рыдали.

Как их отношения закончились под песню "Дочь трубача":

Да, все так,

Как, говорила ты,

И должно быть.

Но мы не сможем дышать друг без друга

(Перевод стихов: http://www.amalgama-lab.com/songs/d/damien_rice/the_blower_s_daughter.html)

Понимание важности того места, которое каждая из нас занимала в сердце Мортена растворяло любую обиду. Она не могла поддерживать отношений с мужчиной, которого любила. Я, любившая его так сильно, могла только оплакивать то, что кто-то другой потерял его. Мне хотелось обнять и успокоить её, так как никак не могла понять — как ей удалось оказаться достаточно сильной, чтоб пережить всё это. И я пыталась представить — найдётся ли для неё какое-нибудь будущее в нашей жизни.

Но я прикидывала без Елены. И когда она узнала про моё общение с Лидией, оказалось, что проблем не оберёшься. Она сказала:

— Я понимаю, что ты могла хотеть узнать Лидию просто из любопытства, но я нахожу странным и нелояльным то, что ты действовала за моей спиной и подружилась с ней, хотя знала, что это огорчит меня. Ты огорчила меня этим.

— Я не делала этого за твоей спиной. Я не знала, что подразумевается, что я должна спрашивать у тебя разрешения.

У меня возникло ужасное чувство, что в моей голове лязгают тюремные засовы. Не была ли эта ситуация в точности тем, чего я хотела избежать вместе с моногамией?

— Ладно, полагаю, это была просто переписка. Вы не встречались. С этим я не примирюсь.

— Что ты имеешь в виду? Что я не могу дружить с кем-то, с кем ты не дружишь? Мортен мой партнёр и он любит Лидию, — я не добавила, что могу понять, почему он влюбился в неё. Некто более добрый, мягкий и менее брутально честный, чем Елена. Елена была блестящей, как бриллиант. Иногда волнующий. Иногда режущий.

— Кроме того, это было не только любопытство. Я надеюсь достичь тут своего рода мира. С её стороны не было враждебных намерений, она нормально относится к тебе.

Елена сказала, без тени стыда:

— Мне было бы крайне сложно, если бы Мортен дружил с ней, раз она не находит возможным быть мне настоящей подругой. Я попросила его не встречаться с ней ради меня. И я знаю его достаточно хорошо, чтоб знать, что он сделает это. Я для него важнее, чем она.

Я была возмущена:

— Ты не можешь говорить ему, кого он может, а кого не может видеть! А мой выбор друзей определённо не будет диктоваться тобой.

— Луиза, может быть ты не понимаешь. Она отвергла меня и моё предложение отношений. Она ранила меня.

Я холодно ответила:

— Но ты говорила это миллион раз. Ты и только ты виновата в своей боли. Я не говорю, что она сделала всё блестяще. Но в расставании участвует не один человек. Именно ты вызвала к жизни цепь событий, вынудившую её делать выбор. Я полностью понимаю, почему в этой ситуации она выбрала не общаться с тобой.

— Но я сделала это во благо! — запротестовала Елена. — Она не была честна ни с собой, ни с Робом. Она создала проблему, влюбившись в Мортена. Это её ошибка. Не моя. Я только продемонстрировала её. Я знаю, что если бы это была я, я предпочла бы знать.

— Но ты не она! — возразила я. — Подумай о *ней*. Ты продемонстрировала её ошибку потому, что хотела ранить его так же, как он ранил тебя. Имей же сколько-нибудь человечности. Опять же, у тебя, как и у всех нас, есть сложности с отвергнутостью. Почему ты не можешь понять этого?

— Но почему ты настолько на её стороне, хотя ты даже не знаешь её? — Она уже кричала, её средиземноморский темперамент снова вырвался на свободу. — Я настолько не важна для тебя, что ты можешь предпочесть мне незнакомую девушку?

— Елена, я не предпочитаю её тебе. Это не связано с выбором. Я следую своим принципам. Я могу дружить с вами обеими.

— Луиза, я — твоя семья. Я ожидаю от своей семьи и друзей лояльности, или из этого всего ничего не выйдет, — угрожающе произнесла она.

— Из чего ничего не выйдет? — спросила я, с внезапным подозрением. — Не хочешь ли ты сказать, что скажешь Мортену не встречаться и со мной?

— Я думаю, он предпочтёт не видеться с тобой, чем так обидеть меня. Он любит меня, — холодно заметила Елена.

— Я считаю, что это гнилой подход. Я никогда не попрошу Жиля бросить тебя, если мы с тобой не поладим, — хотя я с трудом могла представить, что столкнусь с *таким* сценарием.

Да, я гораздо лучше понимала позицию Лидии и симпатизировала ей больше, чем Елене. Потому, что я чувствовала то же, что и Лидия. Как Лидия. Потому, что я начала понимать, что Елена крайне склонна судить окружающих и таким образом создаёт конфликты для того, чтоб потешить своё эго. И в каждом нашем споре моё недоверие к ней становилось всё более и более очевидным.

Вслед за нашим с Еленой спором о Лидии, разразился шквал электронных писем между всеми нами. Мортену и Жилю пришлось занимать стороны в этом конфликте, хотели они того или нет.

После нескольких недель разбирательства, мы взаимно согласились с тем, что у нас могут быть разные мнения. Но всем было грустно, что в столкновение пришли столь фундаментальные представления. Для Елены её правота так или иначе была вопросом выживания. А я не доверяла ей в том, что она не станет заставлять меня поступать по её убеждениям. Она хотела, чтоб мы были подругами, но в таком случае я рисковала попасть под её контроль… и, хуже того, если я не соответствовала её критериям, я могла оказаться отвергнута.

Тем не менее, я часто спрашивала у Елены совета, а она любила давать их. Она знала то, что я не знала. Например, всё о “органической жизни”. А также всё о *свинге*.

Свинг

Да, одним из моих последних открытий о мире, в котором мы живём, было то, что свингеры — нормальные люди.

И многие из них очень славные. Я просто не понимала из раньше.

Когда-то давно я была не чужда разнообразного секса. Но моя самооценка тогда была ниже плинтуса и секс был моим способом пытаться быть любимой. Я искала душевной связи, а физический акт без интеллектуальной и духовной связи значил для меня очень мало. Я просто не понимала, зачем можно ступить на этот путь, кроме как для саморазрушения. Но я узнала.

Мы встречались с Мортеном почти каждые выходные. Когда у меня не было дел в Англии, он брал билет на *Ryanair* и летел в Париж. Когда мы не были вместе, мы общались по телефону и *MSN*. Мы часто разговаривали о нашей мечте: мире без ревности. Увы, он пока не таков. Однажды, я спросила его по телефону: “Удачно ли прошла эта ночь? Ты встретил кого-нибудь?”

Они с Еленой ходили на “социальную” свингерскую вечеринку в Лондоне. Они больше не “играли”, но многие их друзья продолжали, и, как говаривал Мортен: чего ещё можно хотеть от вечеринки? Отличные друзья, хорошая музыка, раскованные люди и вполне ясная перспектива объятий и поцелуев. На “социальных” вечеринках секса как такового не бывает, но возможности на “после вечеринки”, определённо, остаются открытыми. За последние пять месяцев я очень обогатила свой словарь.

— Я целовался милой девушкой по имени Селин. Она очень хорошенькая. Хотя и не настолько, как ты.

Я заплакала. Мне было больно. Эмоции хрустели в моей трахее, я чувствовала себя заболевшей. Моё хныканье добралось из Парижа до Мортена.

— О, дорогая, не плачь. Мы же решили, что это нормально, разве нет? Я люблю тебя и между нами ничего не изменилось.

Я заплакала горше. От мысли, что он целовал кого-то так же, как меня, у меня скручивало кишки и тяжелел желудок.

— Я больше не буду делать этого, если это так тебя расстраивает. Я сожалею.

— Почему ты сожалеешь? Разве я не сказала, что это нормально? Это то, чего мы все хотели.

— Хорошо, детка. Успокойся. Как ты думаешь, почему ты плачешь? Что именно тебя обидело? Ты ревнуешь?

Определённо. Я закатила глаза. Хорошо, что он не может

видеть, что я делаю.

— Я не понимаю, что я чувствую. Ревность это обратная сторона неуверенности, так?

— Так.

— Так что, раз я не теряю тебя и ты не предаёшь наших соглашений, почему я расстроена?

Быть расстроенной противоречило моим принципам. Это расстраивало меня. Но расстраиваясь по поводу расстройства, я только делала всё ещё хуже.

— Хорошо, очевидно, что между тем, что ты чувствуешь и тем, что ты хочешь чувствовать две большие разницы. Это нормально. Тебе не надо давить на себя, — нежно сказал он.

— Нет. Так не пойдёт, — сказала я, топнув ногой.

Когда я была маленькой, отец называл меня “Мэри, Мэри, у неё всё не так как у людей”. В тридцать три я продолжала подтверждать его правоту почти каждый день.

— Я *должна* давить на себя, — сварливо продолжила я. — Как я могу узнать своё отношение, не попробовав?

— Но зачем ранить себя без необходимости?

— Потому что рост приходит через боль. Я не буду ревновать. Я буду уверенной в себе, и мы будем свободны жить и любить. Ты ещё увидишься с ней?

— Вероятно, нет. Это было просто по приколу.

К счастью, досада от того, что я была не в состоянии понять, что может быть прикольного в том, чтоб целоваться с девушкой, с которой не собираешься больше видеться, мгновенно загладила мою обиду. Если бы я целовалась с кем-то, я бы хотела по крайней мере подружиться с ним. И надеялась бы на то, что эти поцелуи могут быть первым проявлением чего-то гораздо более глубокого.

Как обычно, я решила спросить об этом великого бога нашего времени: Википедию. И я нашла там великую теорию, называющуюся “Трёхкомпонентная теория любви”… Я любила теории, они давали мне своего рода прецеденты для разбора моих собственных проблем.

Согласно этой теории, любовь состоит из трёх составляющих: близость, страсть и обязательства. Но не любая любовь оказывается устойчивой. Например, отпускной роман, где у меня были близость и страсть, но, как оказалось, очень мало обязательств. Многие называют подобное интрижками. Значит ли это, что пламя безрассудства, пылавшее во мне в тот отпуск не было любовью? Возможно, многие называют страсть без остальных составляющих “похотью”, но это всё равно проявление любви. Её одной трети. А в многих дружбах имеются

обязательства и некоторая близость, но вовсе отсутствует страсть. Это тоже любовь.

Всё это казалось мне осмысленным. Но всё равно, ни одна из этих конфигураций не описывала встречу Мортена с Селин. Не было ни страсти, ни близости, ни обязательств. Это было, в точности как он описал это, волнующе и прикольно. Прикольно!

— Он говорит, что это вроде игры в бадминтон.

Я обсуждала эту проблему по скайпу с мужем из уединённого отеля во время командировки в Венгрию. Ни я, ни Жиль не могли понять притягательности свинга.

— Может быть, это что-то вроде кодового слова? — сказал Жиль, дополнив свои слова подходящей цитатой из сериала *24*.

Когда мы с Жилем находились в общественном месте и должны были соблюдать приличия, вместо слова “секс” мы говорили “Пинг-понг”. Это слово, как нам казалось, выражало двойственную как Инь-Янь природу близости и обмен энергией, происходящий в постели. Это также вызывало у нас неконтролируемое хихиканье, когда другие люди невинно вмешивались в наш разговор.

— Нет, он имеет в виду, что это вроде хобби. Вроде как парная игра. Нечто возбуждающее, что можно делать вместе.

— Я думал, что вся идея свинга состоит в том, что предполагается, что вы делаете нечто с другими людьми, — игриво заметил Жиль.

— Да. Но только это. Не живёте с другими людьми, не вступаете с ними в отношения. Как бадминтон, в который можно поиграть вечером в четверг и потом пойти домой. В сравнении с полиаморией, которая меняет стиль жизни. (Забавно, но свингеры часто называют свою субкультуру именно словом *lifestyle*, то есть *стиль жизни*, не уточняя: какой именно.)

— Так люди знают пару, с которой они *свингуют* или нет?

— Знают и *знают*. Думаю, не глубоко. Но я думаю, что надо чтоб обоим пара нравилась. И решение в этом случае получается общим. Это согласованное взаимное решение.

— Но как они могут нравится друг другу, не зная? — удивился Жиль.

— Не знаю. Возможно, это довольно маскулинная штука. Ты бы хотел переспать с Николь Кидман, не узнавая её поближе?

Николь последние три года была для Жиля первым пунктом “списка пяти знаменитостей, с которым ему разрешается переспать, не расстраивая меня”. Впрочем, очевидно, что сейчас он назывался просто “список пяти знаменитостей, с которыми он хотел бы переспать”, так как необходимость разрешения и гнев по поводу неверности, после перехода к полиамории оказались

совершенно избыточными.

— Возможно… но теперь, когда мне действительно можно было бы быть с ней, она больше не выглядит такой привлекательной.

— Ну, я бы всё ещё пошла на свидание с Мэттом Деймоном, — многозначительно сказала я. Он был первым пунктом в моём списке. — Но только если он точно такой же, как в фильме *Умница Уилл Хантинг*. А в жизни он может быть другим.

— Умница Уилл Горбун, — Жиль процитировал *Друзей*. Его чувство юмора было как всегда безупречно.

Если что-то и раздражало меня сильнее всего, так это невозможность что-либо понять. Я работала в финансах. Не потому, что у меня способности к математике. Совершенно наоборот, она очень хреново мне даётся. Но меня безмерно вознаграждало удовлетворение от того, что я пробивалась к пониманию. И применяя этот принцип ко всем областям моей жизни, я решила, что единственный способ понять *свинг* — попробовать его.

Я объявила о своём решении Жилю, на что он ответил ещё одной цитатой из *Друзей*:

— Итак, ты собираешься отправиться в этот туннель?

— Да, до той стороны! — ответила я.

Каждый, бросающий вызов моральным ценностям общества, оказывается уязвим. Хотя дружба между многими людьми принимается и поощряется, более близкие отношения между более чем двумя людьми часто презираются. Описываются как легкомысленные, непрочные и развратные. И множество оскорблений являются терминами, описывающими людей (как правило, женщин) занимающихся сексом вне общественно одобряемых рамок.

Для британца из среднего класса *свинг* является преднамеренной сексуальной неразборчивостью. И, соответственно, крайне не одобряется. Даже сильнее, чем бедные женщины, вынужденные работать в секс-индустрии. О, ужас — секс по приколу. Возмутительно! Для того, чтоб стать свингером, вам надо продемонстрировать себя и своё желание другим людям (как метафорически, так и вполне буквально). Но риск ограничивается тем, что эти другие находятся в том же положении. Поведенческая экономика.

Так, после душераздирающей фотосессии (в почти полностью одетом виде), в которой мне удалось улыбнуться на камеру так, чтоб это ничуть не казалось развратным, Мы с Мортеном создали для нас профиль в Сети. И мы приступили к покупкам. Это было

что-то вроде *Barnes & Noble* для взрослых. Мы читали аннотации на суперобложках и смотрели фотографии. Конечно, первым делом мы заглянули в профиль Роба и Лидии.

— Вау! Теперь я знаю, как Лидия выглядит без одежды.

Она ловко позировала на кровати, похожая на рождающуюся Венеру с картины Ботичелли, глядя в сторону от камеры, с классически прорисованным профилем, тонкой талией и полными грудями, подхваченными загорелой рукой, соблазнительными и, казалось бы, готовыми взорваться.

— Это я снимал, — гордо сказал Мортен. — А что ты скажешь о Робе?

Так как это был жестокий ублюдок, разбивший сердце Елене, я тщательно разглядела фотографию.

— Он с огоньком, — удивлённо сказала , посмотрев на одну, хмм… раскрывающую больше.. фотографию. — Он привлекателен. И знает это. Что каким-то образом делает его ещё более привлекательным. Но знаешь что? Обсуждать его привлекательность бессмысленно. Во-первых, они больше не полиаморны. Во-вторых, Елена *не* будет счастлива, если у меня появится перспектива общения с её бывшим.

— Возможно, ты права, дорогая, — игриво отозвался Мортен. — Но никогда не говори “никогда”. И, в конце концов, они по прежнему немоногамны.

— Давай посмотрим других, — сказала я быстро пролистывая фотографии и игнорируя его последнее замечание.

— Как насчёт этого? — спросил Мортен с надеждой. — Девушка выглядит очень привлекательно.

Я посмотрела на него с пренебрежением:

— У неё валик вокруг зада. Тебе такое нравится? У меня такой есть?

— Нет, дорогая. Твой зад совершенен. Гораздо прелестнее, чем у неё.

— Он выглядит не слишком мужественно, — смягчилась я. — Давай я прочту их профиль.

— Если они тебе не нравятся, то и не надо. Я не хочу, чтоб ты делала что-то такое для меня.

— Нет, я собираюсь делать это для себя. Потому, что иначе я не пойму тебя.

— Хорошо, я понимаю, что ты чувствуешь, что тебе следует. Но было бы совершенно ужасно, если ты переспала с кем-то только потому, что думала бы, что я хочу переспать с девушкой. *Свинг* не настолько важен для меня, как ты.

К тому моменту я пролистала ещё двадцать пять профилей.

— Они дерьмово выглядят. И, глянь, эта пара даже не может

грамотно писать!

— Боже упаси! — сказал Мортен, смеясь и обнимая меня. — Плохое правописание значит, что в постели они должны быть просто *ужасны*.

Тем не менее, когда Мортен сказал, что купил нам два билета на “социальную” вечеринку, я почувствовала дрожь любопытства и возбуждения. Это был новый мир, в который я ещё не погружалась. Если жизнь это новый опыт, этот опыт должен был бы быть в самом начале списка того, что следует попробовать.

По мере приближения вечера, я искала совета у более опытных людей. Мои друзья были бесполезны. К счастью, в качестве источника данных, у меня были Елена и Лидия. Самым важным был вопрос: “Как деликатно сказать «нет»?” Потому, что я не могла представить себя действительно говорящей “да”. Елена считала, что это просто.

— Помни, *свинг* это расширение возможностей женщин, — говорила она. — Помни, ты главная и правила это поддерживают. Любой мужчина, который по твоему мнению заходит слишком далеко, будет выброшен вон и навсегда внесён в чёрный список. Говорить “нет” важно не только ради тебя, но это символическое выступление за права женщине.

Пугающе.

Лидия сказала:

— О, дорогая, я тебя полностью понимаю. Я так склонна льстить людям. Мне совершенно понятно, насколько трудно сообщать людям о том, что они сексуально непривлекательны. Но просто помни о том, что становясь свингерами, они сами выбрали вероятность часто оказываться отвергнутыми.

За прошедшие месяцы, мы с Лидией становились всё ближе. В конце концов, если кто-то и мог понять мою позицию в нашей четвёрке, то это была она, так как занимала её до меня. Полюбив того же мужчину. Сталкиваясь с теми же конфликтами. Рождение нашей дружбы было непростым из-за Елены, но они обе сделали шаги к примирению, между ними изредка возобновились эфемерные контакты и Елена стала считать нашу дружбу менее спорной.

— Я бы хотела прийти и поддержать тебя, — сказала Лидия, — но это кончится тем, что мы проговорим всю ночь и ты не получишь вообще никакого опыта.

Другая пара, Айдан и Джастин подвезли нас на вечеринку, и, так как моя нервозность росла, Джастин дала мне свой главный совет:

— Держи под рукой губную помаду. Используй её как предлог, если не можешь сказать “нет”: просто помаши ею в

воздухе и направляйся в туалет.

— Ты имеешь в виду “Простите, мне надо отойти в дамскую комнату”, как Джулия Робертс в *Красотке*?

Сравнение с уличной проституткой казалось относительно уместным. Айдан посмотрел на меня в зеркало заднего вида и сказал:

— Не бойся. Никто не будет заставлять тебя делать то, что ты не хочешь. Кроме того, это “социальная” вечеринка. Возможно, вообще ничего такого не произойдёт.

Когда я входила в комнату, в моей голове звучал Ванилла Айс, поющий:

Жгучие девки носят меньше, чем бикини,

Любовницы рокеров водят Ламборджини…

Это был декаданс. Роскошь. Девушки были жгучими. Мужчины были богатыми. И не жгучими. Я нырнула за стол, так как поняла, что мне понадобится минут десять на то, чтоб набраться достаточно пьяного куража, для того чтоб получить возможность двигаться. Мимо порхали телевизионные продюсеры, актрисы и просто известные люди. Похоже, они были знакомы друг с другом. И некоторые из самых модных знали Мортена. Я упрямо отказалась от шикарной шипучей выпивки и выбрала старую добрую пинту. Она не подходила к моему платью, но была достаточно основательна, чтоб обеспечить мне прочную моральную поддержку. Когда Мортену удалось отлепить мои обнажённые бёдра от лже-кожаного дивана, мы поболтали с другими парами. Примерно с тридцатью. Примерно так:

— Привет, меня зовут Мортен. Это Луиза, моя девушка.

— Как приятно вас видеть. Как давно вы *на сцене*?

— Ну, для Луизы это первый раз.

— О-хо (Мортену, понимающе) Да ты совратитель!

Видимо, всегда должен быть совратитель и жертва совращения.

Мортен говорил:

— Да, ещё я женат. Моя жена — девушка её мужа.

— О?

— Да, но они сейчас не *свингуют*.

Так много пар, с которыми можно взаимодействовать, так мало времени. В этих высказываниях искра интереса мелькала редко.

Одна пара сказала:

— Это наша третья вечеринка, Лизе очень нравятся девушки. И для неё это лучший способ разделить этот опыт со мной.

— Луиза, а тебе нравятся девушки? — с надеждой спросила Лиза.

— М… До этого такого не случалось, — ответила я, так как никогда не была полностью уверена в себе. А потом подумала: *Жопа! Это может быть понято двояко. Либо это значит, что нет и никогда ранее, либо я только что проявила заинтересованность в ней.*

— Думаю, мы совершенно гетеросексуальны, — рассмеялся Мортен, глядя в моё испуганное лицо, — Но кто знает!

— Ну, просто нечто, о чём ты можешь подумать, Луиза. Ты великолепна.

Я подумала: *Я понравилась хотя бы кому-то на моей первой свингерской вечеринке. Слава Богу. Но это девушка. Важно ли это? Не могу ли я в конце концов оказаться бисексуальной? Должна ли я попробовать?*

Я сказала: “Простите, мне надо отойти в дамскую комнату.”

— Надеюсь, увидимся позже, — ответили мне.

После того, как этот разговор повторялся каждые две минуты в течение примерно часа, я обессилела. К тому же я очень хорошо познакомилась с дамской комнатой. Это были в лучших случаях *быстрые свидания* и напоминали мне… Йо! Суши. Только на ленте транспортёра была я сама. Четыре с половиной фунта за *маки* из Луизы. Мортен принёс мне ещё пинту и я приблудилась на второй уровень, где оказались удобные кресла для обниманий. Одинокая женщина присела на уголок и спросила:

— С тобой всё в порядке? Я тебя раньше здесь не видела.

— Нет. Это мой первый раз. Тут должна быть шутка о свингующей девственнице! — я хихикнула, как будто всё для меня было тут вполне комфортным.

Она протянула руку и одним ловким движением подняла мою юбку. Так как одной рукой я держала свою пинту, а второй — сумочку, я мало что могла сделать по этому поводу.

— О, — сказала она. — Ты носишь трусики.

Что за херня?

Она приподняла свою юбку и, продемонстрировав очевидное отсутствие белья, сказала самым прозаическим образом: “Я никогда не ношу трусиков на таких вечеринках. Я потеряла их столько, а они такие дорогие.”

Пока я недоверчиво смотрела на эту женщину, поглаживающую свой коротко постриженный лобок и пыталась понять, в какую параллельную вселенную я провалилась, у меня возникла мысль: *Она ожидает комплимента? Может быть, тут следует следовать какому-то свингерскому этикету, о котором я не знаю?*

Так что я фальшиво и громко рассмеялась.

— Ха, ха, ха! Да, весьма недурно!

Она сделала ещё несколько движений. Очевидно, я сказала недостаточно.

— Это очень красивая стрижка. О, Мортен, вот и ты!

Конечно, Мортена нигде не было видно. Но она-то этого не знала. Я ускользнула вниз по лестнице и благодарно присела на диван рядом с Айданом. Он усмехнулся моей экспрессии и сказал:

— Ты выглядишь совершенно включённой в происходящее. Встретила кого-нибудь интересного?

— Множество интересных. Но я не заинтересовалась ими.

— А, ну ладно. Повезёт в следующий раз. Но ты всегда можешь поехать домой с нами. Я бы с удовольствием потрахался с тобой.

Я собрала в кулак всё, что осталось от моего достоинства. А потом махнула губной помадой перед его лицом и сказала: “Простите, мне надо отойти в дамскую комнату.”

На следующий день он отфрендил меня в Фейсбуке.

В конце концов, чей это дом?

Но полиамория — не только секс и *свинг*. Далеко не только. В жизни есть вещи поважнее. Например, совместная домашняя работа.

— Луиза, твоя уборщица не справляется с работой, — однажды сказала мне Елена, когда я входила домой после работы.

— Что?

Дыши медленно. Уборка не была моим любимым занятием даже в лучшие времена. А когда я прихожу домой после полного рабочего дня, она оказывается очень низко в списке приоритетов.

— Пойдём, я тебе покажу, — командовала Елена. Что я хотела делать, так это сидеть на диване и смотреть *Друзей*. Но я пошла с Еленой на кухню. И негодовала за каждый из семи пройденных шагов. Она встала на колени и указала мне на щель между дверью и холодильником. Там была полоска чёрной грязи.

Она была отвратительна. Совершенно очевидно. И было столь же очевидно, что для того, чтоб не заметить её надо было быть слепой. Мы с Жилем, конечно никогда её не видели. Стыд бил ключом.

После проведённого вместе Рождества и до того момента, как мы были готовы перебраться в Англию, Елена была верна своему слову. Она едва могла прожить без Жиля неделю. Она регулярно приезжала в Париж и, когда оказывалась в нём, с трудом могла вырвать себя из него. Несколько раз пропали билеты на самолёт. Цена любви оказалась ужасно высока. И не только в деньгах.

Мои границы подверглись нескольким проверкам. Мне казалось, что мой дом оккупирован. При помощи ренгеновского зрения Елены он весь был перевёрнут вверх дном. Создавалось впечатление, что мы пользовались неправильными средствами для уборки, мы стирали свою одежду при неправильной температуре и недостаточно дружественными к окружающей среде порошками, да и общий уровень нашей гигиены был очень плох. Это было похоже на то, как будто ты имешь дома мать. Что было наихудшей из ситуаций, которую я только могла себе представить.

— Это отвратительно, — честно сказала я. И это было действительно отвратительно.

— Ах, не расстраивайся. В остальном твой дом прекрасен. Тебе надо просто поговорить с уборщицей и показать ей, что надо сделать. Почему бы нам не спуститься вниз и не пообщаться с ней?

Моя уборщица была женой консьержа. Человека, с которым

было совершенно необходимо оставаться в хороших отношениях. И вот сейчас я собираюсь пойти и раскритиковать способности его жены к уборке. Которые, определённо, были так себе. Я предприняла последнюю отчаянную попытку оказать сопротивление, не переходя на грубость.

— Я действительно совершенно устала.

— Это займёт всего минутку. Почему бы не сделать это сейчас?

Но я уже почти рычала. Конечно, негромко. Это было бы грубо. Я почувствовала, как лезвия острот готовы сорваться с моего языка, и только закусив до боли губу я смогла удержать внутри себя стыд за то, что я неспособна обеспечить чистоту в доме и вражду по отношению к Елене за её склонность судить. И я пошла с ней.

Она была моей гостьей. Она была женой Мортена. Она была девушкой Жиля. Но в моём мире гости не комментируют способности хозяйки к уборке (или их отсутствие). Так что вопрос был в том, уместно ли это для жены моего парня. Мне казалось, что нет. Но, возможно, это уместно для девушки моего мужа. В конце концов, это его дом и не только моя неспособность к уборке, но также и его.

— Я так рада, что могу вносить такой вклад в ваш дом. Похоже, у тебя нет времени на то, чтоб заботиться о подобных вещах и… — она посмотрела на Жиля, плечи которого показывали, что он не в лучшем настроении. — Жиль, спаси Господи, не понимает. И я купила тебе несколько прекрасных пыльно-розовых роз. Все мы понимаем пунктик Жиля насчёт цветов.

Плечи Жиля выглядели совершенно несчастно. Он обернулся и его лицо рассказало мне то же самое. Прозвенел смешок Елены:

— Жиль сегодня раздражён, потому, что я попросила его заправить твою кровать. Ты ведь любишь, когда кровать прибрана, да?

Это было так. Не далее как вчера я ворчала на то, что кровать снова не заправлена. Жиль, как обычно, не слушал. У него был чисто галльское отношение к жизни и беспорядку. Он встречал всё пожатием плеч. Заправить кровать? *Боф!* Но я не собиралась навязывать это Елене. Или, давать ей оружие против Жиля.

Цветы стояли в середине обеденного стола, накрытого на троих. Двое на одной стороне, один на другой. Лучшее серебро, лучшая посуда, лучшие бокалы, лучшее, лучшее, лучшее. Она сделала всё это для меня. И я чувствовала себя почётным гостем. В моём, бля, доме.

Когда мы усаживались за стол, она сладко сказала: “Ты

хочешь сесть рядом с Жилем?”

Рррррр! Но теперь мне следовало проявить вежливость. Она была моей гостьей.

— О, нет, нет, нет. Садись пожалуйста.

Всё так и было. Пара и любовница. Любовницей чувствовала себя я.

— Сегодня мы ходили на выставку *Кувшинок* Моне.

Я в шоке посмотрела на Жиля. Он кивнул. Подтверждающе. Мой муж делал что-то кроме просмотра телевизора, шахматного сайта или тренировки в зале. Кем был этот мужчина? Потому что, определённо, это не был мой муж.

— Но мне нравится импрессионизм, — сказала я, борясь со смущением.

Жиль посмотрел на меня:

— Я этого не знал.

— Я ходила в дом Сезанна и специализировалась на нём, когда готовилась к экзаменам по истории искусства. Репродукция в туалете — Пикассо. Я выбрала свою квартиру потому, что она была на улице Мориса Утрилло.

— Она была также в ста метрах от паба.

— Да.

Я поняла, что то, что мы никуда не ходили и ничего не делали было моей виной в той же степени, что и его. Даже в большей. Потому, что он не стал бы ничего делать без меня.

За наши проведённые моногамно годы мы с Жилем забыли о том, какими мы были при первой встрече. Балланс, которого мы так легко и быстро достигли, превратил нас в карикатуры на тех, кто когда-то полюбил друг друга. Я любила его беспечный характер, он любил моё ненасытное любопытство. До тех пор, пока его беспечный характер не превратился в лень и пассивность, а моё любопытство не стало жаждой знать всё больше и больше для того, чтоб получить власть. Каждый из нас оказался сформирован другим и ирония была в том, что, как и у многих других пар, именно это оттолкнуло нас друг от друга. Вместе мы впадали в симбиоз и подкармливали слабости друг друга.

В моём случае эти слабости иногда становились моими сильными сторонами. Мои амбиции и энергия принесли мне успех в профессиональной сфере. Но слабости, которые я вскормила у своего мужа, лишили его счастья от жизни. И от нашего брака. Что лишило меня счастья от жизни с ним. Потому, что споры между нами почти не возникали, да и были слабыми. Я оставляла ему слишком мало того, с чем можно было бы спорить. Ничего, чему можно было бы противостоять. Представьте себе,

единственный раз когда я видела его трясущимся от ярости, было ещё до нашей свадьбы, когда он спорил со своим отцом. Но он спорил со своей новой девушкой. Так что Елена оказалась очень удачной находкой.

— У меня такое чувство, что ты оккупировала мой дом, — выкрикнул Жиль.

— Потому, что заставила тебя заправить постель? — рассмеялась в ответ она.

— Почему ты относишься ко мне как к ребёнку? — застонал он в ответ.

Тем временем, я сидела на диване и очарованно смотрела на них. Не так часто случается видеть мыльную оперу так близко и лично. А кричащий Жиль становился даже чуть-чуть привлекательным.

— Почему ты не можешь заправить кровать для своей жены? — покровительственно спросила Елена. — Чем ты занимаешься весь день? Похоже, проверка электронной почти важнее для тебя, чем сделать что-нибудь для неё, да?

— Её не волнует кровать! — раздражённо ответил он. — У нас с Луизой собственная динамика.

— Но её волнует! На этой неделе она говорила об этом каждое утро и ты это слышал. Это тебя не волнует она.

— Я люблю её и она это знает. И какое тебе дело до нашего брака? Спасибо, мы способны сами разобраться со своими делами!

— Может ты и можешь, но Луиза несчастна, а ты этого даже не видишь. Её отношения с Мортеном куда более равные.

Это было так. И произнесённое вслух нельзя было снова сделать невысказанным. Затаив дыхание, я ждала ответа Жиля. Он, определённо, мог победить в этом споре. Он, определённо, мог опровергнуть сказанное Еленой. Я хотела, чтоб мой брак нормально функционировал. Я нуждалась в его вере в то, что это получится.

Но Жиль просто ушёл в себя и упрямо произнёс:

— Мы любим друг друга и строим наше общее будущее.

Елена не заметила этого. И продолжила нападать на него:

— Это она строит будущее. Ты не много-то делаешь. У тебя нет работы. Ты даже не пытаешься её найти. Ты не помогаешь по дому. Ты даже отказываешься застелить постель. Если ты не будешь осторожен, она тебя бросит.

О Боже…

Очень странно, как вербализация идеи может внезапно сместить точку вашего зрения. В тот самый момент я поняла, что я хочу детей, что хотела их уже долгое время, и как бы я не была

испугана — я была готова. И, глядя на апоклептически заикающегося Жиля, я поняла, что он — не готов. И я всегда знала, что он ещё не готов. Но я полагала, что это скоро произойдёт. Я была совершенно не права. Если мой муж отказывается заправить кровать, насколько сильно он будет отказываться выделить в своём графике время на ребёнка?

Теоретически, в полиаморном мире я могла бы иметь всё сразу. Жиль как мой лучший друг и родственная душа, даже хотя он и не хочет детей. Мортен завёл бы детей сначала с Еленой и, хотя я любила его, мне нельзя было ожидать от этих отношений детей по крайней мере несколько лет. Таким образом, я оказалась с мужчиной, которого я люблю, но который не хочет детей и мужчиной, которого я люблю, но с которым у меня не может быть детей, по крайней мере в ближайшее время.

Так, что же я делаю с ними обоими?

Убегая от отрицания

Елена осталась ещё на два дня. Они снова любились. Снова вместе. Снова связанные. И я слышала всё это через тонкие стены гостевой спальни. Вороватый скрип кровати, перемежающийся со звуками дыхания и итоговым горловым стоном Жиля. Я была хорошо знакома с этим. Но раньше эти звуки делали меня счастливой. Теперь они убивали меня. Он проводил её в аэропорт. Жиль должен был вернуться в шесть. Вместо этого, незнакомец явился в восемь.

— Ты отстриг свои волосы! Твои длинные кудри! — я ощутила настоящую потерю, как мать горюет о золотых локонах своего младенца, которые никогда не вернутся.

Мне улыбался некто, слегка похожий на Жиля.

— Я хотел, чтоб это было сюрпризом. Елена говорит, что это выглядит по настоящему хорошо.

Я не сказала больше ничего. Но я выглядела настолько напуганной, что он не осмелился подойти ко мне. Я отвернулась и заговорила со столом.

— Твой ужин остыл. Я ждала тебя, чтоб поесть вместе.

— Тебе не следовало… — сказал он осторожно.

— Я думала, что наконец у нас будет романтический ужин. Я не видела тебя наедине семь дней.

— Он всё ещё может быть. Я его погрею.

Он не понял. Я планировала быть с ним вместе. Я скучала по нему. Я ждала его. И если бы он чувствовал то же самое, он вернулся бы домой так быстро, как только смог. Но он предпочёл задержаться на два часа больше необходимого, чтобы подстричься.

— Не беспокойся. Я не голодна.

— Луиза, что случилось? — в его тоне была угроза. И он был готов поругаться со мной. Жиль, который никогда этого не делал.

— Так что? Это мои волосы, разве не так?

— Я тебя больше не понимаю. Я не знаю — кто ты. Я не знаю, что ты собираешься делать. И теперь я даже не знаю как ты выглядишь.

Человек, за которого я выходила замуж, был поэтом и мечтателем. А этот был коротко подстрижен, мускулист и одет для убийства. Они с Еленой утром ездили за покупками.

Я видела этот шаблон, повторяющийся раз за разом в браках у разных пар. И редко видела пару, в которой партнёрство было и оставалось равным. Один естественным образом оказывался доминирующим, а другой — подчинённым. И если им везло, они

счастливо играли эти роли, не пытаясь поменять их. В другой работающей конфигурации, один доминировал в одних областях, а другой отвечал за другие. Но гораздо чаще пары оказывались несбалансированным.

Эта динамика привела к разводу по крайней мере одну мою близкую подругу. Мои подруги были как бы сильные женщины, которые искали мужчин для того, чтоб воспитывать их, заботиться о них и… управлять ими. Потому, что они были настолько неуверенны в себе, что им было необходимо быть необходимыми. Но когда они насыщали эту необходимость, они оказывались достаточно сильны, чтоб стоять на обеих ногах, и ирония ситуации оказывалась в том, что они начинали презирать партнёра, превратившегося в паразита. Для того, чтоб чувствовать себя увереннее и лучше, они как бы съедали человека, которого они когда-то нашли для того, чтоб заботиться о нём.

Я презирала их за это не сильнее, чем себя. Ведь я узнала, что я одна из этих женщин. Я неосознанно нашла мужчину, о котором я могла заботиться, с которым, как я думала, я могла построить общее будущее, после чего подавляла его ответственность и силу до тех пор, пока от него не осталась только не устраивающая меня пустая оболочка. Мой муж же искал и нашёл материнскую фигуру, которая могла бы освободить его от ответственности и управлять его жизнью.

И это была я.

Но Елена изменила всё это. Мой муж-ребёнок вырос и взбунтовался. Он отрезал свои волосы. Внешний символ внутреннего преображения. И это сделало очевидным то, что он мой муж, но в то же время незнакомец. И этот мужчина вздохнул и начал есть. “Нам надо поговорить” — произнёс он. Моё горло сдавило, а сердце подпрыгнуло.

— О моём будущем. Нашем будущем. Фитнесс это прекрасно, но мне надо найти работу. И, так как мы переезжаем в Англию, мне надо найти её там. И, я думаю, это следует сделать как можно скорее.

— Но я не могу переехать ещё четыре месяца, — я озвучила очевидное.

Договор с моей компанией был подписан, но такие вещи требуют времени. И я, определённо, не собиралась посвящать моё начальство в настоящую причину переезда. Это значило, что Жиль собирается покинуть Париж раньше меня. Впереди меня.

Я не могла задать тот, вопрос, который хотела задать на самом деле: “Ты бросаешь меня ради Елены?” Так что я сменила тему.

— А что с собаками? Я не смогу ухаживать за ними одна.

Жиль годами хотел завести собак. В качестве неудачной попытки сделать его счастливым, я наконец, отбросив свои опасения, согласилась на это семь месяцев назад. Я знаю сколько труда требуют собаки. А он, видимо, нет.

— Завести собак было ошибкой. Меня раздражает то, сколько времени уходит на уход за ними.

Не то, чтоб я не знала об этом. Но ошибка? Наши собаки были ошибкой?

— Итак, ты отказываешься от ответственности. Почему я не удивлена?

— Что это должно значить?

— Что ты не умеешь принимать на себя ответственность. Мы завели этих собак, приняли на себя обязательство дать им надёжный и хороший дом. Ты не можешь просто отказаться от них, бросить.

— Признать ошибку это не ошибка, — произнёс Жиль, как будто повторяя выученную фразу.

— Я не верю, что это твои слова. Это говоришь не ты. Это говорит Елена.

Он не мог отрицать этого.

— Да. Но она просто высказала то, что я давно чувствовал.

— И что? Ты опять сдаёшься, как только ситуация становится жёсткой? И Елена узнала тебя за пять месяцев лучше, чем я.

Это было утверждение, не вопрос.

— Елена знает меня с другой стороны. У нас с тобой есть слепые пятна в отношении друг друга.

Я была в ярости, опустошена и, да — ревновала. Главный полиаморный грех.

— Она не видела, как в ты последние шесть лет бросал все свои работы и учёбы. Она не знает, что для тебя было бы полезно впервые к жизни делать что-то постоянно.

— Они мешают мне снова выйти на работу.

— Только потому, что ты используешь их как повод, — ответила я, ненавидя то, что в его словах был смысл.

Он был прав. Из чего вытекало, что Елена тоже была права. А я, соответственно, была не права.

— Но я люблю их, — я плакала, а собаки слизывали слёзы с моих глаз, не зная, что я уже наполовину бросила их. Жиль тоже плакал. Он подошёл и обнял меня. У меня не осталось возможностей защиты.

— Дорогая, прости. Если ты видишь другой путь, расскажи мне. Наши отношения ужасно неравные. И если я найду работу, это будет первым шагом к тому, чтоб сбалансировать их.

— Итак, ты покидаешь меня. Не думай, что ты когда-нибудь

вернёшься, — сказала я со злобой.

Мне следовало быть обычной. Это было моё последнее убежище. Моя жизнь. Мой муж. Мои собаки. Мой брак. Моя нормальность. Я теряла всё это. Я металась по дивану, а собаки слизывали мои слёзы. Жиль так редко принимал решения. Но когда он сделал это, я мало что могла тут поделать.

Это был незнакомый мир, в котором мы формировали отношения независимо друг от друга. Пока мы погружались в утопию совместного построения отношений, эта новая возможность была опасной. Внезапно мой муж расцвёл в отношениях с другой женщиной и эти отношения вырвались из рамок нашего брака, при том, что единственной моей страховкой было доверие.

Сначала я не заметила ничего нового, кроме другой сексуальности. И, хотя это было странно, в этом не было ничего плохого. Мы продолжали любить друг друга точно так же, как и прежде и наша любовь никогда не была лучше. Но во мне начали зарождаться сомнения. Письма от моей со-жены повышали подозрительность. Он был посвящён в её мысли, которыми она не делилась со мной. Мы с ней легко общались в почте, но мы обсуждали как бы совершенно разных мужчин. Тот, которого я, казалось бы, знала от и до: пассивный, неамбициозный, любящий муж, превращался в доминирующего, активного и ответственного ровно там, где со мной он был подчинённым, упрямым и похожим на ребёнка.

И я не знала этого мужчину. Я делала всё для него и для нас в течение нескольких лет. Я не много ожидала от него, и ещё меньше получила. Елена требовала более высоких стандартов. И он, каким-то образом стал соответствовать им. Она требовала, чтоб кто-то беспокоился о её и только её потребностях, также, как она заботилась о нём и его потребностях, но совершенно другим образом.

Когда Мортен услышал о нашем решении, он прилетел в Париж, в то время как Жиль посещал Лондон. С его новой причёской и в его чёрной вельветовой куртке.

— Дорогая, взгляни на это с хорошей стороны. Присмотр за собаками в ваше отсутствие стоит денег, ты беспокоилась о жалобах соседей, да и вам будет гораздо проще найти жильё. Арендодатели в Англии подходят к домашним животным очень избирательно.

— Ты не понимаешь. Дело не только в собаках. Это всё в целом. Елена гораздо лучше подходит Жилю, чем я.

— Как ты можешь такое говорить? Ты поддерживала его последние шесть лет.

— Но я не дала ему ничего, к чему он мог бы приложить усилия. Со мной он не рос.

За пять месяцев с Еленой, Жиль преобразился. Я была счастлива за него, но это не уменьшало мою вину. Боль. И сомнения.

— Ладно, давай ты прекратишь упиваться своей виной. У тебя не было выбора. Он не брал на себя ответственность ни за что. Как долго тебе следовало ещё ждать. Вам надо понять, что в тот момент вы любили друг друга и нуждались друг в друге. Люди меняются.

— Но он так помог мне. Он любил меня и я расцвела. Я разрушила его.

— Танго танцуют вдвоём. Ты дала ему любовь. Ты дала ему брак. Ты дала ему финансовую поддержку. Остальное было за ним.

— Должна ли я дать ему уйти? — мой вопрос не был адресован Мортену. Я спрашивала себя саму.

— Уйти куда? Его выбор состоит в том, чтоб быть с тобой *и* с Еленой. Ты сомневаешься не в Жиле, ты сомневаешься в полиамории.

Путь отказа от выработавшихся у нас с Жилем способов взаимодействия, определённо, не обещал быть лёгким. И мне было больно.

Было заманчиво снова встать на привычные рельсы и отказаться от борьбы. Меняться казалось слишком сложно, если, возможно, есть более простой и привычный путь. Неизвестный мистер Х, который подойдёт мне лучше.

В результате анализа я решила, что мы с Жилем по прежнему любим друг друга, но дыры, которые мы проделали в личностях друг друга показывают, что вместе мы живём только вполжизни. И я не знала, не слишком ли поздно изменить это.

Статья в Marie Claire

За месяцы, прошедшие с нашего объявления, родственники написали мне множество писем, однако, никто из них не брал трубку, так как, разумеется, они не могли *говорить* о сексе.

“Это письмо не является знаком осуждения… но то, что вы делаете — неправильно.”

“Мы всё это уже видели, раньше это назвалось обменом жёнами.”

“Вы погрузили себя в мир боли, которую невозможно представить.”

“Как вы могли оказаться такими эгоистичными и незрелыми, чтоб так опозорить свою семью?”

“Как христианин, я верю в святость брака и то, что священный союз благославляется детьми. Я никогда не приму выбранный вами путь.”

“Никто ни в малейшей степени не хочет знать о том, что происходит в вашей сексуальной жизни.”

Хотя мнения о том, кто и в какой степени чем интересуется могут различаться, я могу сказать, что всё было ровно наоборот — к нашей сексуальной жизни проявлялся большой интерес. Хотя наш опыт был значительно шире, чем просто “сексуальная жизнь” и он отразился на всех сторонах моей жизни, у нас были предложения от журналов, газет и нескольких знаменитых телевизионных шоу.

Разумеется, им была интересна наша интимная жизнь: кто с кем спит. Парами? Тройками? Вчетвером?

В конце концов, секс продаёт всё. Но им ещё было интересно как мы побеждаем обычных демонов ревности и неуверенности, а также более практические вопросы, такие как распределение домашней работы и управление временем.

— У меня был однажды контракт на публикацию в Швеции, — сказала Елена.

— О чём ты писала? — с любопытством спросила я. Это произвело на меня впечатление. Контракт на публикацию в моём мире значил немало.

— Это был рассказ о моей жизни.

Я не была удивлена. С Еленой часто что-то случается. Она сеет возбуждение везде, где только появляется. Часто, порождая громадный конфликт. Но так уж получается: одно не ходит без другого. Её мир был дьявольски ярким для всех, кто оказывался в нём. Но также полным переживаний.

И однажды она сказал:

— *Marie Claire* хочет опубликовать о нас материал с фотографиями. Но писать его буду я. Это может быть для меня большим прорывом.

Моя реакция разделилась на поддержку, зависть и страх. Поддержку, потому что, вау, я уже читала написанное Еленой. В её таланте не было никаких сомнений, а *Marie Claire* своей популярностью может проявить его. Зависть потому что, честно говоря, я любила писать и быть автором. И, в конце концов, страх. Наше появление на страницах журнала означало бы публичный выход на свет и дополнительный позор для моих родственников, некоторые из которых до сих пор страдали животами от моих необычных отношений. Мои братья отказывались разговаривать со мной с момента моего объявления. А моя мать была самой младшей из шести детей в высокопоставленной британской семье. Хотя она и поддержала моё право выбора, это не значило, что мой выбор нравился ей. Особенно теперь, когда *её* пять братьев встали на тропу войны.

Когда отец Мортена услышал об этом, он сказал:

— Не понимаю, почему… Почему вам надо опубликовать это? Разве недостаточно того, что вы делаете это приватно? — он поддерживал нас, но к поиску ненужных неприятностей относился критично.

Елена изготовилась и собралась начать речь, но я опередила её, сказав:

— Следует защищать то, во что веришь. Мы верим в возможность выбирать конфигурацию своих отношений и нас критикуют за это. Важно бороться за право выбора, не за сам выбор.

Потом Елена поблагодарила меня за то, что я поддержала её.

— Никто никогда так не делал, — немного грустно добавила она.

— На самом деле я поддержала не тебя, — ощетинилась я. — Я поддержала свои принципы.

Я втайне подозревала, что Елена хотела эту статью больше для славы, чем в качестве борьбы против патриархальной системы брака. Но да, разве это по настоящему важно?

— Хорошо, но я считаю, что ты вступилась за меня. И это здорово.

Мне потребовалось серьёзно подумать, прежде чем я согласилась принять участие в статье, я также серьёзно предупредила Елену о тексте от редакции. Она убедила меня не только в том, что текст будет писать она, но и в том, что я смогу наложить вето на любую его часть, если по моему мнению она будет неподходящей. Наше участие было важно, так как статья, в

которой четверо людей “выходят на свет” гораздо сочнее, чем просто сообщающая о существовании открытых браков без каких-либо подтверждений.

Но когда пришло время, мы внезапно оказались в заднице. Статья вышла в юбилейном номере. Обложка светилась золотом. Всё выглядело богато и глянцево, пока вы не открывали страницы, на которых наша история смотрелась дешёвой и безвкусной. Текст был прекрасен. Но заголовки рассказывали другую историю.

“Меня зовут Елена… познакомьтесь с моим любовником Жилем и его девушкой Луизой… которая спит с Мортеном — моим мужем.”

Они “забыли” о том, что мы с Жилем женаты. Это делало заголовок более сенсационным.

Елена и Жиль (слева) спят вместе, пока еленин муж Мортен (справа) занимается сексом с Луизой.

Фотограф говорил, что мне не надо улыбаться на камеру. Я должна была выглядеть знойно и сексуально. И я согласилась с ним, в надежде, что хоть однажды буду выглядеть на фотографии хотя бы наполовину приемлемо. В результате каждая моя фотография (без улыбки) выглядела мрачно и производила впечатление, что я чертовски несчастна. Что, разумеется, было первым, на что моя мать обратила внимание при нашей следующей встрече.

Я пыталась защитить нашу жизнь от окружающего мира. Я устала делать вид, что в ней нет никаких проблем. Другие люди получали для своих отношений поддержку, но для нас было мало поддержки, ещё меньше профессиональной помощи и огромное количество оскорблений.

Я в одиночестве жила в Париже, ожидая момента, когда я смогу переехать. И по мере роста чувства изолированности, росла и моя неуверенность.

Отношения на расстоянии

В следующие месяцы я ездила туда-сюда так часто, как могла. Я была одинока и эмоциональна. Это был такой большой шаг, такая большая перемена. И мои коллеги начали замечать мою неспособность сосредоточиться на работе.

Я надеялась, что Жиль делает всё, что обещал во имя нашего общего лучшего будущего. Причиной его переезда в Англию был план начать карьеру в области фитнеса. Но спустя четыре месяца не было и намёка на то, что он начнёт работать.

Наши разговоры в мессенджере было живыми, любовными и так же естественно наполнены цитатами, как и всегда. Мы прятались от неудобных вопросов за словами других людей. Мы совершенно не обсуждали его профессиональные успехи (точенее их отсутствие), так что, не желая пилить его, я получала информацию от Мортена по телефону.

— Ну как там у Жиля успехи с поиском работы?

— Если верить Елене, неважно. Он в печали.

— Как же так? Что-то идёт не так?

— Не-е-е… Не совсем, — Мортен на минуту задумался. — Я думаю, что он чувствует давление твоих ожиданий и ему трудно мотивировать себя на поиск работы в области, с которой он не так уж и хорошо знаком.

— Как он может чувствовать давление моих ожиданий? Мы с ним не обсуждаем эту тему. Он проецирует на меня собственные ожидания.

— Да, милая, я знаю. Но даже я слышу, как ты расстроена из-за этого. Возможно, он тоже слышит это, когда вы разговариваете.

Я задохнулась от несправедливости этого, но в то же время осознала, что он прав. Потому, что я была более, чем расстроена. Я была сердита на Жиля. И не могла заставить себя перестать сердиться.

— Я всегда хотела только счастья для него, и с течением лет, я снижала свои ожидания, а теперь ожидаю от него только того, что он найдёт для себя что-нибудь мотивирующее. Это даже не обязательно должна быть оплачиваемая деятельность, раз я финансово поддерживаю его, — в который раз повторить это Мортену и сразу же опровергнуть было невыносимо. Полиамория выставляла на свет мои худшие стороны.

Примерно каждые три недели, когда мне удавалось выбраться в Англию, мы собирались у Елены и Жиля. По крайней мере это чувствовалось именно так. Елена с Жилем выглядели супругами, а Мортен выглядел моим парнем и пятым колесом в

телеге. Я смотрела на Елену и наших двух мужчин у неё на побегушках и мне становилось жалко себя. Но Елена, всегда готовая к спору, поменяла моё мнение.

— Странно, — сказала она. — Ты думаешь, что я так счастлива тут с двумя мужчинами, и в некотором смысле это так. Но нам постоянно чего-то не хватает, а когда ты приезжаешь, мы чувствуем, что, наконец, всё на месте.

Когда я услышала эти слова, у меня на сердце потеплело. Чувство, что я являюсь отверженной только из-за географического расстояния, не добавляло мне уверенности в себе. Мне казалось, что я усердно работаю для того, чтоб поддержать отношения Жиля с другой женщиной и ничего не получаю в ответ. В такие времена, когда я особенно сильно нуждалась в том, чтоб чувствовать себя любимой и ценной, слова, похожие на те, что сказала Елена, были очень важны для меня.

— В любом случае, через два месяца ты переедешь сюда навсегда и мы всегда будем вместе. Мы четверо.

Так близко и всё ещё так далеко. Я была почти согрета ею, пока не почувствовала, как отвратительные щупальца конфликта хватают меня за спину и ввергают в мрачную пучину нелюбви. Я не хотела быть всё время вместе. Я крайне нуждалась в том, чтоб найти общую почву с Жилем. Я теряла его. Мы не могли обсуждать его жизнь, его будущее и моё беспокойство. Нам надо было поработать над нашими отношениями и как-то изменить их ход. Потому, что сейчас он был моим основным партнёром только в силу нашего свидетельства о браке. Он доверял ей, у них был лучший и более регулярный, чем у нас секс, они проводили вместе больше времени, когда они не ссорились. Я же чувствовала себя в ловушке собственной сдержанности. Я не задавала вопросы, которые помогли бы мне прояснить происходящее, так как боялась, что мне не понравятся ответы. Я не могла работать над нашими отношениями, пока вся энергия вливалась в неё. А моя энергия, не находя пути к Жилю, втекала в Мортена. Я цеплялась за надежду, что когда я окажусь в Англии, всё изменится. Мы с Еленой займёмся построением отношений, а мы с Жилем будем проводить вместе больше времени.

— *Где ты сегодня?* — печатал Жиль.

— *Венгрия. Сворачиваем этот проект. Ну, не прямо сейчас. На самом деле я в отеле смотрю по телевизору “Железного человека”* — ответила я.

— Тяжёлая жизнь! Разве Роберт Дауни младший не в твоём списке? Но, знаешь, дорогая, ты ведь можешь общаться с реальными людьми. Тебе не стоит сидеть там и глядеть на знаменитостей.

Я могла выйти наружу. Я могла получить старую добрую ласку для того, чтоб почувствовать себя лучше. Но я знала, что стану от этого более одинокой, чем когда-либо.

— Не хочу. Открытые отношения были бы куда лучше, если бы в сутках было больше времени. Кроме того, у меня слишком сильная депрессия, чтоб нормально флиртовать без алкоголя, а утром у меня деловая встреча за завтраком.

— Почему депрессия? — обеспокоенно спросил Жиль. В его семье была история депрессий, так что с его точки зрения не могло быть ничего хуже.

— Я скучаю по тебе. Когда мы врозь, всё кажется хуже.

— Я тоже скучаю по тебе, дорогая. Но помни о том, что мы вместе на всю жизнь. Несколько месяцев это капля в море. Будущее — наше. Я — тренер по фитнесу, ты — руководитель высшего звена.

— Кстати, как оно продвигается? — обронила я, в надежде, что это окажется естественной частью разговора.

— Хорошо. Ты знаешь, я собираюсь устроиться на работу. Но я понял, что билет в мою новую карьеру — моё тело. Если я собираюсь начать собственный тренерский бизнес, я должен выглядеть великолепно, понимаешь?

— Думаю, это уже так. И так же думают мои подруги. Когда ты выкладываешь в Фейсбук свои полуобнажённые фотографии, они начинают стучаться ко мне с вопросами о том, каково заниматься сексом с кем-то столь подтянутым.

— Ты рассказываешь им о пяти разах за ночь? — процитировал он *Друзей*.

— Ну, милый, если пять раз за ночь и бывало, то последний раз — не со мной.

— А! — небрежно ответил он. — Осталось немного.

— Ты рассказывал мне про свой план…

— Я делаю свой вебсайт. Я трачу на это и на тренажёры большую часть своего времени.

— У тебя нормально с деньгами? Они должны подходить к концу.

— Не волнуйся, те пять тысяч, что ты перевела, ещё не закончились. Я провожу большую часть ночей с Еленой.

Я задумалась о том, чем всё это время занимается Мортен. Пока Жиль с Еленой занимаются сексом. Но я не хотела обижать Жиля, критиковать его и, тем более, потерять его. Так что я, как обычно, не сказала ничего.

Ретроспектива

Я скучала по ним всем из-за границы. По Жилю, моей константе, моему герою. По Мортену, моей романтике, моей открытой и просвятляющей душе. И даже по Елене, неугомонной, но волнующей и с наслаждением создающей вокруг себя проблемы. Вместе мы представляли из себя сильную команду для сражения за полиаморию. Мы уже пережили столкновение с обществом, негативную реакцию семьи и логистический кошмар. Всё ради любви.

Когда я, наконец, достигла Англии, мы решили перебраться в Ноттинг-Хилл. Из всех районов Лондона, это был единственный, о котором я слышала, что в нём происходит богемная жизнь, связанная с музыкой, вечеринками и любовью (возможно, это впечатление было вызвано одноимённым фильмом). Я не сильно ошиблась. Наша квартира была совсем рядом с улицей Портобелло. Мортен и Елена жили на расстоянии броска камня от нас.

— Видишь ли, у вас с Еленой есть имущество. Дамское Имущество, — пояснил Мортен, выделяя прописные буквы “Д” и “И”. Нам с Жилем много не надо. Так что это просто твоя квартира и квартира Елены. А мы с Жилем будем просто перемещаться туда-сюда.

Так они и делали. Несколько раз в неделю, когда мы проводили ночи со своими полиаморными партнёрами, Жиль и Мортен встречались в восемь утра, возвращаясь каждый в свой дом и потихоньку улыбались или подмигивали друг другу. Только они знали — откуда и куда они идут.

Большую часть времени мы проводили в пузыре, наполненном любовью. Проводили вечера вместе, обнимаясь на диване. Ночи на гламурных вечеринках. Ужины со свободно мыслящими друзьями. Катались целыми днями на коньках, скользя по катку, держась за руки вчетвером.

Но огромное количество энергии уходило на Елену. Её эмоции были очень переменчивы. Когда она была в духе, мы все оживлялись. Мы ходили на вечеринки, за покупками, ходили в кино, чтоб танцевать и подпевать во весь голос *Mamma Mia*. Она становилась душой и жизнью вечера. Но когда она была не в настроении, это дорого обходилось всем нам. Елена страдала от пост-травматического синдрома… это значило, что её путь был не прост и таким же становился наш. От того, что нам приходилось в растерянности буквально поднимать её с пола, до того, что мы провели два часа, пытаясь выманить её из кровати на

рождественский обед. Елена была актрисой и певицей. Очень хорошей. Он она годами не работала. Она говорила: “Я была на прослушивании”. Или… “Я поучаствовала в музыкальном видео”. Или… “они хотят, чтоб я пела в их группе”.

Каждый раз мы аплодировали. Может быть, в этот раз всё сложится. Может быть, в этот раз это сделает её счастливой. Может быть, это поворотный пункт в её депрессии.

Самосаботаж был елениным способом привязывать к себе людей. Она нуждалась в спасении. И превращение в жертву было её извинением на любой случай. Как и моим. Предчувствие потери моих обоих партнёров отбрасывало меня к детской травме брошенности и отверженности. Мы по очереди играли жертву и преследователя, в то время как Мортен с Жилем были спасителями. Когда мы не играли в жертву и преследователя, мы были друзьями. Наша четвёрка нормально взаимодействовала. Мы вместе ходили по музеям, вместе смотрели фильмы и вместе ели. Мы были похожи на семью.

Но по мере того, как шли месяцы, становилось всё более и более очевидно, что наши отношения несбалансированы. Изначальная страсть продолжалась. И чем дольше мы были с нашими новыми партнёрами, тем меньше мы оказывались способны быть со своими супругами. И это всё ещё было волшебным. Воображая отношения, в которых можно сохранить своего мужа в качестве лучшего друга и периодического сексуального партнёра и в то же время погрузиться в новую любовь, мы сохраняли надежду на то, что это заработает, прошлое и будущее переплетутся между собой. Прошлые и нынешние любови сольются в одну семью (по нашему собственному выбору).

У каждой семьи есть недостатки. Но семьи связаны кровью. А мы… мы не были.

Наши с Еленой недостатки сталкивались. Настолько сильно, что именно мы чаще всего ходили на семейную терапию. Не однажды, а раз десять мы застревали на “правильности” наших точек зрения (довольно большая трата времени и сил просто для того, чтоб попытаться убедить другого человека в том, что ты прав).

Эта ситуация была краеугольным камнем наших отношений. Но, как и в любой истории, это только моя точка зрения. У Елены была своя история.

Её история о нас.

Её история о происходящем.

И её история о прошлом.

Но рассказывать их — ей.

Делится с моей со-женой

— Мне нравится идея коммуны, — сказала Елена, прихлёбывая из бокала белый совиньон. — Я всегда жила с множеством братьев и сестёр, а Мортен всегда думал, что двое — слишком маленькая команда для родительства.

Мы сделали перерыв в распитии дорогого вина, чтоб вместе помечтать вслух. И обнаружили, что разделяем эту страсть.

— Я никогда не жила с братьями или сёстрами. Я проводила большую часть времени сама по себе. Думаю, именно поэтому мне нравится идея коммуны.

— Ой. У меня никогда не было собственной комнаты. На что это похоже?

— Похоже на то, что не приходится ничем делиться, — засмеялась я в ответ. — Совсем не так, как сейчас.

Елена была в моей шёлковой блузке, которую она взяла без спроса. Справедливости ради замечу, что она отдала мне половину своего гардероба, так как считала, что мне она подойдёт лучше. Мой гардероб ей не нравился (и она даже выбросила несколько вещей). Но меня всё равно задевало, то, что она считала, что может брать мои вещи. Расти единственным ребёнком, означало расти с привычкой: “Всё моё — моё. И твоё тоже моё”. Она посмотрела на мои новые туфли и вздохнула:

— Хотела бы я, чтоб у нас был одинаковый размер ноги.

Одна половина меня сказала: *Слава Богу, он разный. Потому, что она, вероятно, выглядела бы в них лучше, чем я.* Другая половина сказала: *Это было бы действительно круто*. Так что вслух я произнесла только “Мммм”. И отпила ещё вина.

Как и всегда в подобных случаях, я знала, что потом услышу в своей голове два голоса. Статлера и Уолдорфа из *Маппет-шоу* — двух стариков, выкрикивающих комментарии с балкона. Эти двое регулярно врывались в мою жизнь.

Я часто слышала голоса в своей голове. Это моя напуганная внутренняя личность, пытающаяся получить контроль и власть. Внутренний ребёнок, воздвигнувший барьеры и границы в качестве основы своей жизни. Многие мои битвы состояли в том, чтоб попробовать, а потом всё разрушить. Мои страсти, мой дом, моё пространство, моя безопасность. Но с Жилем это пока было не так. Он не был “моим” в том смысле, чтоб им можно было бы делиться. Он был человеком, выбравшим проводить время с нами обеими, не ставя одну выше другой. Большинству людей этот аспект полиаморной жизни кажется самым невероятным. Каким это кажется благородным.

— Почему тогда ты так расстроилась, когда я показала, что мне нравится в твоём доме? — спросила Елена. — Иногда тебя бывает так трудно понять.

— Непросто высказать то, чего никогда раньше не чувствовала. Но это было как будто ты встала на место моей матери.

Это получилось не совсем правильно.

— Я не имею в виду *мою мать*. Я сказала “похоже на мать” потому, что она была для меня единственной близкой женщиной, имеющей отношение к моему дому. Ты показала, что тебе нравится. Но я услышала всё, что ты умолчала. То, что тебе не понравилось. Я почувствовала, будто меня судят и критикуют. Я почувствовала неуверенность, а я не люблю быть неуверенной. Никто не любит. Даже мои друзья не высказывают своего мнения, пока я не спрошу. И могут не высказать его, даже если я спрошу. Или они могут сказать что-нибудь вроде: “Ну, я предпочитаю коричневый, но *тебе* больше подходит розовый”.

— Но это нелепо, — непонимающе ответила Елена. На твоём месте я бы наоборот хотела бы, чтоб ты прямо высказала мне обо всём, что плохо выглядит.

Я не была уверена в том, что это действительно так. Разве она не была неоднократно уязвлена моей честностью? Проблема была в том, что моя честность вступала в игру только во время споров. То есть в не самые тактичные моменты.

— Но я — не хочу. Мне нужен такт. Вежливость. Я понимаю, что это может звучать нелепо. В конце концов, большинство людей стремятся к честности. Но ты должна сознавать, что мы находимся в отношениях, для которых не существует инструкции. Особенно для меня: у меня никогда не было сестры, так что это похоже на внезапное возникновение жены. Разумеется, без секса.

На этой довольно отвратительной мысли, мы обе вернулись к нашему вину. Мы были очень похожи на семью в том смысле, что о прямом сексуальном контакте между нами не могло быть и речи.

Пытаться объяснить Елене мой мир было непросто.

— Другая сложность состоит в том, что я происхожу из общества, в котором принято говорить полуправду. Или просто неправду. Особенно, если правда неприемлема. То, чего ты, похоже, не понимаешь, впечатано в мои ценности. Распутывать их и бросать им вызов значит распутывать меня саму. И я должна делать это осторожно, потому, что иначе я настолько распутаюсь, что развалюсь на части.

— Почему же у меня нет этой сложности? Я в той же ситуации. Я бросаю вызов своей жизни и нашему обществу.

Каждый живёт в своей собственной реальности. И наши с Еленой миры стояли порознь. Моя сложность состояла в том, что я хотела держаться за мой мир притворства и социальных норм, так как теряя связь с этой реальностью, я рисковала потерять свою семью. Семью, которую я очень любила, хотя она и смотрела на меня как на грешницу и человека второго сорта. Как я могла стоять двумя ногами в этих разных мирах и быть при этом счастливой? Как я могла поддерживать моё чувство себя и становиться той, которой я хочу быть? Мои собственные мысли в процессе объяснения Елене обрели кристальную ясность.

— Но у тебя совсем другая история, — указала я. — Ты уже отделилась от своей семьи. И ты жила в коммуне. Твоя профессиональная жизнь не связана с корпорациями и не такая жёсткая. От актрисы все ждут того, что она будет экзотической. И, более того, в тебе всё позитивно, так как тебе пришлось самой вставать на свою защиту, прошлось делать выбор, который большинство людей, увы, не делают. Тебе приходилось защищать то, чем ты являешься, а твоё пространство было заполнено братьями и сёстрами. Посмотри на меня: моя жизнь была задана четырьмя вещами: школа, университет, карьера и брак. Я делала то, что ожидало от меня общество, двигалась по пути наименьшего сопротивления. Если ты — позитив, то я — негатив. Я *хорошая девочка*. Ты билась за окружающую среду, за права женщин. Ты даже дважды в неделю звонила куда следует, чтоб пожаловаться на собачье дерьмо на твоей улице!

Мы жили на одной из самых шикарных улиц Лондона. И она всё равно была усыпана помётом чихуахуа, имевшего удивительную склонность оказываться прямо у их дверей. И такую же способность прилипать к моей обуви. Елена пыталась следить из окна за происходящим на улице, чтоб поймать виновных на месте преступления. Горе им.

В конце концов, — закончила я, — Ты знаешь о том как жить в коммуне и постоянно делиться, потому, что тебе всегда приходилось это делать.

Елена снова вздохнула. Она настолько привыкла к “безграничному” существованию, что ей было трудно осознать, что моя жизнь и уверенность были представлены моими привычками, моей собственностью и моими стенами окружающими некоторое пространство. Поскольку у неё не было ничего из этого, она была представлена собой и только собой. Она была важна, а остальные… если они не подходили к её стилю мышления… были не важны.

Должно быть, я выглядела возмущённой, поэтому она дотронулась до моей руки и сказала:

— Я вижу, что расстроила тебя, мне жаль. Просто мне сложно, потому, что ты любишь меня и так добра ко мне. Ты пригласила меня в свою жизнь и потом оттолкнула. Это будит мою собственную неуверенность, относящуюся к отверженности.

У нас с Еленой было много общего. Действительно, мы обе были довольно доминирующими женщинами, выросшими в нестабильных семьях и состоящие в браке со своими полными противоположностями. Мы обе любили одежду, хорошие ужины и мечтали о полиаморной коммуне. И мы действительно симпатизировали друг другу, а иногда даже любили. Даже несмотря на конфликт.

Подобно бесчисленным женщинам её поколения, моя мать растила меня в обстановке постоянной критики и редких похвал. Самосовершенствование было целью её жизни и, соответственно, моей. Я не соревновалась с сёстрами или братьями, потому, что в нашем доме их не было. Вместо этого, я училась соревноваться с самой собой. Что было тяжело, так как я никогда не могла победить. И вот появилась Елена — сестра, которой у меня никогда не было. Представляющая то, чем я никогда не была. И, возможно, всё, чем я хотела бы быть. Я была ревнива и неадекватна. Недостаточно хороша. Я задавалась вопросом: как долго я ещё смогу оставаться в этом как бы подчинённом положении?

— Другая проблема состоит в том, что ты девушка Жиля. Так что приходя, ты ведёшь себя как его девушка. Но я не знаю как мне обходиться с девушкой моего мужа. Единственное, что я могу взять за образец — подруга, с которой я знакома год. Надо быть просто внимательной. Со временем мы будем знакомы достаточно долго, чтоб так или иначе сойтись. Я буду знать тебя достаточно долго для того, чтоб действовать так, как будто ты моя старая подруга или своего рода сестра. Без тебя наши жизни были бы очень скучны.

— Но, возможно, они были бы проще, — проницательно заметила она.

Я смотрела на неё и моё сердце таяло. Она выглядела потерянной. Маленькая Елена. Не актриса и певица или уверенная в себе откровенная женщина, какой я увидела её, когда мы впервые встретились. То, что она так почувствовала себя, было ужасно. Даже если всё это было правдой. Вроде того, что наши жизни были бы проще, если бы в них не было её. Кроме всего, я не хотела, чтоб мы потеряли её. Если мы влезли в это вместе, я хотела, чтоб мы вместе и выходили. Дело было в этом.

— Елена, пожалуйста, не говори так. Посмотри, как мы продвинулись за этот год. Строить семью никогда не было просто.

Но это то, чего мы хотим больше всего на свете.

Услышав эти слова, я поняла, что они уже однажды были правдой. Когда-то я уже смотрела в будущее с таким же оптимизмом и радостью. Но я с падающим сердцем поняла, что теперь мы сражаемся в другой битве. Потому, что при всей прекрасности наших отношений, назревает нечто скверное. Моя растущая неприязнь к ней продолжала бушевать во мне, как я ни пыталась её подавить. Вино развеивало её, так что я выпила ещё.

С другой стороны, Елена стала выглядеть немного счастливее. Она допила своё вино одним глотком и встала. Гламурная роковая женщина вернулась.

— Пойдём. Я видела, что тут за углом открылся чудесный магазин натуральной обуви. У них есть великолепная обувь на каблуках, не то, что этот ужас.

Она показала на бугорки, начавшие формироваться от многолетнего злоупотребления шпильками на моих туфлях из мягкой кожи.

— Знаешь ли ты, что своей обувью ты изуродуешь себе ноги? Через несколько лет они будут выглядеть ужасно, если ты ничего не сделаешь с этим.

Бля! Почему она всегда указывает на мои недостатки?

А ещё фрикции

Ничто не является полностью тёмным. Ничто не является полностью светлым. Наши жизни могут проваливаться в чёрную дыру, но вдоль дороги может оказаться множество звёзд. Несмотря не все конфликты и гнев, была любовь и был свет. И множество вечеринок, во время которых казалось, что нет никаких пределов.

Как однажды, когда моя компания оплатила мою ночёвку в Лондоне, удачно совпавшую с днём рождения Елены. Номер был огромен. Достаточно велик по крайней мере для двух пар… если не больше. Мы с Мортеном смотрели его. И знали, что намечается.

— Сегодня у Елены будет вечеринка, — медленно произнёс он, оглядывая комнату и великолепную просторную кровать.

— Так вперёд! — ответила я.

Конечно, полиамория, это про любовь. Для многих это именно так и только так. Но полиамория это отсутствие границ. Она также означает эксперименты. И азарт.

Так, тем вечером группа гламурных людей, большинство которых при тех или иных обстоятельствах оказывались вместе в постели, собралась в знаменитом и очень дорогом лондонском ночном клубе. И среди них была я. Только прибывшая в Лондон. И готовая атаковать жизнь со смаком.

— Сегодня, — сказала я Мортену. — Сегодня ночью я буду сдвигать свои границы.

— Как ты предлагаешь это делать?

— С ней, — сказала я, показывая пальцем, что мне всегда запрещала мать.

Он проследил мой взгляд и сказал:

— Знаешь, я когда-то занимался с ней сексом.

— Я знаю, — ответила я. — Именно поэтому я и показала на неё. Я знаю, что она не является угрозой. Я знаю, что ты в её вкусе. Так что давай ей предложим.

— Предложим ей что? — спросил он с игривой улыбкой. — Секс втроём?

— Нет! — слишком быстро ответила я. — Пока нет. Предложи ей поцелуй. Прямо здесь, в танцевальном зале. Так чтоб я могла видеть, как вы будете это делать.

— Ага, если это то, чего ты хочешь.

Из-за моей спины появился Жиль.

— Что происходит, — с любопытством спросил он.

— Мортен собирается попросить у Тани поцелуй. А я

собираюсь смотреть, — ответила я, сжимая бокал водки с тоником.

Жиль приземлился рядом со мной и взял мою руку.

— Это может оказаться болезненным. Мы с Еленой делали такое на прошлой неделе. Она попросила меня близко пообщаться с кем-нибудь, в то время, как она будет смотреть. Это причинило ей боль. Правда, потом последовал фантастический секс. Это как у Ницше… наслаждайся болью, так как это всё, что у нас есть.

Ах, Жиль. Философ.

Тут подошла Елена, говоря:

— Это может быть болезненным. Но мы тут, рядом с тобой, — она села с другой стороны и взяла меня за другую руку.

Так мы и стояли рядышком, приготовившись к своего рода вуаеризму. Я была благодарна за поддержку. Я видела, как Мортен заговорил с Таней и взмахнул рукой в мою сторону. Я видела, как она посмотрела на нас. И рассмеялась.

Они пошли танцевать. Совершенно предсказуемо, что это оказалась медленная песня. Её руки змеились вокруг его шеи и переплетались с его волосами. Он наклонил голову и начал целовать её. Глубже и глубже. И звучала песня…

Я молилась, чтоб он закончил,
Но он продолжал…
Извлекая мою боль из струн,
Пропевая мою жизнь,
Нежно убивая меня своей песней.

Мне казалось, что я умираю. Он вернулся через две минуты адских мук. Мне было больно, но боль разожгла мою страсть. И всё, что я хотела, это поцеловать его. Снова заявить свои права на него, в то время как его щетина пахнет её косметикой. Это было безумным. Первобытным. Я не помню, чтоб я когда-нибудь была настолько живой. Или настолько полной желания. Наши поцелуи были быстрыми, ими управляло наше отчаянное желание воссоединения.

Клуб закрылся через час и вечеринка переместилась в отель. Елена с Жилем поехали домой. А мы, вооружившись запасом шампанского, всемером отправились в отель. Уже подходя к лифту, мы знали что произойдёт. И наши мозги уже взрывались. Таня и Сэм, Брэд и Дессика, и ещё один. Аарон, чужак. Он был частой птицей на подобных вечеринках, но всегда только смотрел. Он был знаменит этим.

Я никогда не была любительницей оргий и группового секса. И к тому моменту я мало экспериментировала в этой области. Мортен знал об этом. Знал и не торопил меня. Он был

сосредоточен на мне и только на мне. Он медленно, осторожно гладил меня, мои волосы, моё лицо и целовал меня. Я ощущала неослабевающий ритм музыки и движение приливов и отливов. Голод был таким явным, что казалось, что все мы на краю пропасти. По моим венам струились алкоголь и адреналин. Желание нарастало так плавно, что я едва заметила, что мы добрались до края и, нырнув вниз, оказались в свободном падении. Я выходила за все границы, которые когда-либо знала, потаённое вырывалось наружу.

Каждая пара слилась, и какое то время мы не обращали друг на друга внимания.

Всё это время, Аарон смотрел на нас, покуривая косяк.

Полчаса спустя, я лежала на кровати полуодетая, а Мортен смотрел на меня. Я слышала глубокое дыхание, стоны и вздохи вокруг меня, сливавшиеся в своего рода стерео. Ко мне прикасалась обнажённая плоть. Точные осторожные движения, но с такой плотской силой. Дым косяка разлетался по комнате, одурманивая меня. Это было похоже на симфонию. Странную. Вдохновенную. И чудесную. Мортен пригубил шампанское и поцеловал меня, позволив ему попасть в мой рот. Оно играло на моих зубах и языке. Его язык последовал вниз и он поцеловал мои груди. Двумя руками он взялся за мои трусики и медленно потянул их вниз.

Когда он вошёл в меня, я взлетела ввысь. Было ли это на самом деле? Было ли это от травы? Было ли это от любви? Сошла ли я с ума? Трудно сказать.

И на меня смотрел Аарон. Смотрел, как я извивалась, плакала и теряла себя. Он смотрел, как меня трахали, сначала мягко, а потом всё более и более по животному.

Моя голова была на краю кровати и чужак был надо мной. Я встретилась с ним глазами, когда Мортен раз за разом двигался во мне. Аарон вдыхал и выдыхал, дым струился и углы закруглялись, а я не могла оторвать от него глаз. Руки Мортена. Тело Мортена. Мортен, целующий мою шею и глаза Аарона, трахающие мой мозг. Он смотрел, как я кончала. Тёмный незнакомец, полностью одетый, в кресле около кровати. Смотрящий на меня. Желающий меня.

Это продолжалось всю ночь. Взгляды, ожидание и прикосновения. Мы все закончили и некоторые из нас начали снова. Ласки, вздохи возбуждение во всём вокруг. Мы воспламенялись от страсти других людей и двигались по сексуальным спиралям. Не было ни стыда, ни смущения и не было никаких масок.

Полиамория это любовь. Это много разговоров. Это много

конфликтов. Но это ещё и фрикции. И это прекрасно.

Инцидент с баклажаном

— Похоже, она хочет быть королевой улья, — сказал мой терапевт, и я посмотрела на него одновременно восхищённо и потрясённо. Он сказал именно то, что я думала. Не считая того, что предполагается, что терапевты никогда не высказывают мнений. Так что в данном случае он сделал прямо противоположное тому, что я ожидала.

Он задумчиво продолжал:

— Само по себе это не плохо, но это противоречит тому, что вы рассказывали о вашем виденье полиамории. Это более иерархично. Как свора собак.

Да. Это точно так и было. И я была сукой.

Остальные подталкивали меня обратиться к терапии, для того, чтоб понять откуда растут проблемы, с которыми я сталкиваюсь с Еленой. Ряд, казалось бы, мелких инцидентов, породил у меня такую неприязнь к ней, что её едва ли можно было скрыть. Чем сильнее я пыталась спрятать её, тем хуже она проявлялась. А когда я пыталась рассказать о том, почему она так сильно меня раздражала, я так сильно сердилась, что получалась только ещё худшая ругань.

Последний визит к терапевту стал необходимостью после того, что Жиль назвал “Инцидент с баклажаном.”

Зайдя на свою кухню, чтоб приготовить мусаку для всех нас четверых, я провела десять минут в поисках совершенно необходимого и столь же отсутствующего ингредиента, после чего недоумённо спросила Жиля: не видел ли он баклажан. Как будто бы он регулярно устраивал в нашей квартире прятки. Не то, чтоб я очень надеялась получить ответ: Жиль был безразличен ко всему, происходящему на кухне, а продукты интересовали его только когда они оказывались переколдованы в еду для него.

— О, Елена приготовила его для меня после нашей утренней пробежки: омлет и баклажан.

— Какого чёрта предполагается, что я смогу приготовить мусаку без баклажана? Почему ты не сказал мне об этом, чтоб я могла заменить его?

Моя жизнь вышла из под контроля. Мои отношения вышли из под контроля. Бессильная ярость, ежедневно копившаяся внутри меня, трепала мои внутренности с лихорадочной энергией. Ей требовался выход. И он нашёлся. Мой голос становился громче, а лицо — краснее.

Привычно развалившийся на диване Жиль смотрел на меня с удивлением. *Кто эта женщина?* — говорило выражение его лица.

“Почему ты так сердита?" — спросил он у меня с таким выражением, как будто у меня выросли две головы. "Это всего лишь баклажан.”

— Но я распланировала еду на всю неделю! — застонала я. — Сегодня должна была быть мусака, и я не разморозила ничего другого.

— Вау! Я никогда не думал, что увижу день, в который я не смогу съесть что-то из собственного холодильника, не спрашивая разрешения, — саркастически произнёс Жиль.

Я больше не могла его видеть. Я ненавидела всё, что видела. И сердилась. Как бы это ни было нелогично. Я швырнула на пол собранные ингредиенты, разбив в процессе несколько яиц.

— Я никогда не говорила, что ты должен спрашивать ёбаное разрешение! Но я бы предпочла, чтоб Елена не приходила в мой ёбаный дом и не готовила мои ёбаные продукты по крайней мере не сообщив мне, чтоб я могла заменить их. Ты, бля, по магазинам не ходишь. Я планирую ёбаную еду, я покупаю ёбаные продукты и готовлю еду, бля. Как ты смеешь изображать мученика и делать вид, будто я скупая?

Я материлась редко. В отличие от отца Жиля. И если было что-то, что его бесило, то именно это. Он закричал в ответ:

— Как ты смеешь заставлять меня почувствовать себя несостоятельным и как будто я тебе что-то обещал? Я знать не знаю, что ты готовишь и что мы едим.

На этом он отвернулся обратно к телевизору и мне показалось, что меня пнули в живот. Я так много делала для того, чтоб быть уверенной в том, что у него есть любимая еда и хороший дом. Это было продолжение моей любви к нему. Я не хотела благодарности. Я хотела, чтоб он любил меня, как этому следовало быть.

Я ушла в спальню и залилась там слезами, изолированная в своей печали. Жиль вёл себя как упрямый подросток, а Елена приходила в мой дом когда хотела, и делала в нём, что хотела и как хотела.

Когда я разговаривала с Мортеном, он холодно произнёс:

— Жиль рассказал Елене, а Елена рассказала мне. Мне кажется, тебе нужна терапия. Так сильно сердиться из-за баклажана — не нормально.

Нас было четверо. И, мне казалось, что, как и принято при демократии, мы с Еленой проводили кампании для того, чтоб привлечь в наших конфликтах мужчин на свои стороны. Игра Елены требовала, чтоб Мортен и Жиль принимали на себя часть ответственности и вины. Пока чаша весов склонялась в её сторону, ей было удобно считать, что она виновата на двадцать

пять процентов. А я была самой неправильной. В таком случае голоса распределялись как три против одного. Инцидент с баклажаном был отличным примером. Вина представлялась полностью моей.

Не только в чрезмерной реакции, но и в очевидных проблемах с баклажанами.

Когда я попробовала ещё раз объясниться, Жиль отмахнулся от меня переделанной цитатой из *Весёлой компании:* “Луиза, я устал этого Инцидента с Баклажаном. Не выпендривайся.” Это прозвучало так бессмысленно и самодовольно, что я почувствовала себя униженной.

— Вы действительно сердились по поводу баклажана? — спросил мой терапевт, понимая, что это не так. Это, разумеется, было то, что баклажан символизировал.

— Разумеется, дело не в этом чёртовом баклажане. Проблема в том, что я, похоже, застряла в материнской роли, а тем временем мой муж со своей девушкой делают всё, что им, бля, угодно. Я не чувствую, чтоб кто-нибудь из них принимал во внимание мои чувства. Они говорят, что заботятся обо мне, но на самом деле, они заботятся только о себе. Меня они принимают как данность. Я хожу на работу и зарабатываю деньги, пока она строит великую любовь с ним, я же чувствую себя вытесненной с этой картинки. У меня остаётся после работы так мало времени, что мои отношения с ним не могут соревноваться с их отношениями. Я хочу быть его женой. Но он не относится ко мне, как к своей жене.

— А вы не считаете, что это компенсируется вашими отношениями с Мортеном? — спросил терапевт, заранее зная ответ.

— Ох! — ответила я с отвращением. К удивлению меня прошлой, эти отношения принесли лучший секс… но не что-то похожее на брак. Брак это близость и обязательства. И забота. Я не чувствовала, что получаю это.

— Не слишком похоже на то. Елена, определённо, его жена, несмотря на то, что их сексуальная жизнь практически прекращена. Когда бы она не захотела, от тут же всё бросает и бежит к ней. И, похоже, он даже не осознаёт, что она катается на нём, свесив ножки. Она тратит все его деньги, а потом уходит и проводит всё своё время с моим мужем.

— Похоже, Вы считаете, что Елена с Мортеном не занимаются сексом, — заметил терапевт.

— Да, я так считаю. Я думаю, что она занимается сексом только с Жилем. Она превратила его в своего основного партнёра.

Но это *мой* основной партнёр.

Был. Он *был* моим основным партнёром. Но уже несколько месяцев это было не так.

— Так что получается, что у неё два основных партнёра?

— Да, — сказала я, со внезапным осознанием, — именно так это и выглядит. А у меня нет ни одного. Мне следует довольствоваться урывками.

— Итак, что хорошего приносят Вам эти отношения?

— Они когда-то приносили мне счастье. Они принесли мне свободу. Они приносили мне надежду на то, что мы с Жилем сможем остаться вместе, несмотря на ослабевшую страсть.

— Но что хорошего приносят Вам эти отношения *сейчас*?

— Они заставляют меня учиться? — произнесла я, пытаясь нащупать правильный ответ, как если бы я отвечала на вопрос учителя.

— Определённо, — согласился он, — жизнь, конечно, это учёба, но это ещё и забота о себе. Достижение собственного счастья. Вы счастливы?

— Нет. Я постоянно чувствую тяжесть в груди. Как будто я жду следующего конфликта. Просто следующей ситуации, в которой я не получу того, что хочу, потому, что мы делаем то, что захотят Елена и два её партнёра. И я окажусь единственной, кто этого не захочет. И когда я не соглашусь с тем, что она захочет, что они захотят, они скажут мне, что со мной одни неприятности. Они действительно могут отлично обойтись без меня. Я чувствую себя бесполезной запасной частью.

Чем больше я сердилась по поводу складывающейся ситуации, тем я становилась менее уверенной и более собственнической по поводу моей жизни и моего дома. И моего баклажана. И того, что символизировал баклажан. То есть, конечно, моего мужа.

Бойцовский клуб

Мои отношения с Еленой были непросты с самого начала и ухудшались по множеству причин. И чем хуже они становились, тем труднее мне было прятать мои настоящие чувства. И тем хуже становились мои отношения с Мортеном. Он любил свою жену и моё негативное отношение к ней было для него болезненным. По мере того, как я всё лучше понимала его позицию, я начала медленно осознавать, что его тоже принимают как данность и что он не замечает этого, ослеплённый любовью. Наш разговор на следующее утро превратился в ругань всего за десять секунд. И это явление становилось совершенно обычным.

— Привет, милый. Славные туфли. Но мне казалось, что ты хотел каштановые.

— Я хотел, но Елена запретила мне. Она велела мне купить коричневые, так как они лучше подходят к чему угодно. Не стесняйся сказать, что меня подавляют, — добавление было ненужным и злым.

— Ну, главное, чтоб они тебе нравились. Просто меня расстраивает то, что ты не можешь даже купить туфли, которые тебе нравятся.

— Но она права. Они лучше подходят к чему угодно.

— И что? Разве это критерий при покупке? Если ты хотел каштановые, надо было купить их и носить на здоровье. Ты не её кукла. Ей не следует одевать тебя как Кена для её Барби.

— Проще купить коричневые, которые ей больше нравятся, чем устраивать спор, так что мы оба счастливы. Это называется компромисс.

— Это не называется компромисс. Это называется издевательство. Ты у неё под каблуком.

— Она не издевается. Ты думаешь так потому, что ты очень чувствительная, у тебя неадекватное восприятие критики и ты чрезмерно реагируешь на мельчайшие вещи.

— Если я чувствительна, то я горжусь этим, потому что это означает и то, что я уважаю чувствительность других людей.

— Ну, я не хочу быть чувствительным. Это хреново.

— Думаю, ты бы предпочёл, чтоб я была равнодушна к последствиям своих действий, — возразила я.

— Думаю, ты считаешь прекрасным то, как твои деньги утекают как вода между пальцев Елены и равнодушен к тем проблемам, которые это создаёт в твоей жизни.

— Елена знает о своей проблеме с деньгами. Она пытается справиться с ней. Она снова отдала мне свою кредитку на

следующий день. Сама.

У меня больше не осталось ни самоконтроля, ни эмоциональной сдержанности. Я сказала ровно то, что думала со своей точки зрения. А моя точка зрения находилась в очень болезненном месте. Всё время.

— Она относится к тебе как к родителю, — издевательски сказала я.

— “Папочка, возьми мою кредитку. Я непослушная девочка.” Ты отдашь её обратно, как ты делал уже тысячу раз.

— Ты должна понимать, что всё плохое, что ты ей делаешь, ничуть не улучшает твоих отношений со мной. Ты выглядишь жалкой. Жалкой неудачницей.

— Ты прав. Я неудачница, особенно в этих отношениях. То, что я так близко общаюсь с кем-то, настолько слепым к реальности, сводит меня с ума. Ты думаешь, что когда Елена управляет событиями вокруг себя, вместо того, чтоб дать людям возможность быть собой и делать то, что они хотят, это нормально. И, знаешь что? Если ты от этого счастлив, ладно. Но я от этого несчастна. И я не собираюсь иметь к этому никакого отношения.

Я сражалась достаточно. Я сражалась с Жилем. Я сражалась с Еленой. И теперь я сражалась в Мортеном. И не только о наших отношениях. Потому, что участие в четвёрке, очевидно, означает, что вы сражаетесь в чужих боях. Жиль с Еленой ругались ужасно. Множество и множество ссор. Они расставались каждые несколько месяцев.

Так или иначе, вначале я поощряла Жиля воссоединиться с ней.

Я даже выступала в качестве посредника между ними. Все, кроме Жиля видели, как хорошо он сочетается с Еленой, когда они вместе. Не то, чтоб у них тогда не было споров, их отношения были страстными и взрывными. Но Жиль вылез из своей раковины и теперь у него было с кем пободаться. С кем-то, кто не баловал его, как я. С кем-то, кто давил не него и вынуждал занять позицию. Жиль становился мужчиной.

После их третьего расставания, во время которого Елена пыталась нанести себе рану, но не преуспела в этом (хотя цветочная ваза оказалась не такой счастливой), мы с Мортеном встали в стойку. Их расставания с каждым разом затягивались всё дольше и дольше. Вначале это было несколько дней, потом продлилось до недели, а далее и до нескольких недель.

Во время этих первых трёх расставаний, мы с Мортеном почти не виделись. Мы были слишком заняты, поддерживая наших основных партнёров. Это становилось предопределённой

рутиной. Мой основной партнёр был сердит и поглощён отрицанием. Он рычал и хлопал дверями шкафов, забавно приговаривая по французски: “Eh merde!”

Мортен был на самом краю безумия и пытался управиться с елениным средиземноморским темпераментом. Я тоже пыталась поддержать Елену, прогуливаясь с ней и рассказывая о том, как там Жиль, что он делает и о чём думает. Она отчаянно цеплялась за крупицы новостей, которые могли нести надежду. Но гораздо чаще, чем наоборот, наши разговоры не приводили ни к чему хорошему. Она не могла понять, почему он так сердит, а я понимала всё слишком хорошо. Жиль просто отказывался принять то, что он видел как постоянно возрастающие и неразумные требования. И, будучи непосредственным свидетелем их отношений, я была во многом на его стороне.

Но динамика отношений развивалась сама по себе и, несмотря на переживания, была полезна для них обоих. Ему приходилось вырабатывать точки зрения по разным вопросам, а она меньше проявляла свою неуверенность. Мортену приходилось брать краткосрочные отпуска для того, что приглядывать за Еленой, а я жила упрямой злостью, пронизывавшей весь дом и каждый разговор.

После четвёртого расставания Мортен позвонил мне:

— Я сказал Елене, что не буду поддерживать её в желании вернуться к Жилю. Я просто хочу, чтоб ты знала.

— Я согласна. Это случалось уже слишком много раз. Но, понимаешь, мы ведь не можем помешать им снова сойтись вместе.

— Да, но мы можем перестать поощрять их.

— Ты не понял? Мы будем оказывать на них скрытое давление уже тем, что сами будем вместе. Обычно, когда люди расстаются, они не видят друг друга постоянно, не видят напоминаний о том, что они потеряли. Елена и Жиль видят нас вместе. Это должно быть ужасно

— И что ты предлагаешь? Должны ли мы реже видеться? Или видеться не дома?

— Пожалуй, я не знаю, — сказала я. Я действительно не знала что делать. Где найти инструкцию к нашей ситуации? — Но я думаю, что сейчас лучше всего было бы проявить сдержанность. Я ненавижу это всё также сильно, как и ты.

Мортен от отчаяния потерял своё обычное спокойствие.

— Что не так с этим Жилем? Почему ему надо каждый раз расставаться с нею? Почему нельзя просто поспорить и всё решить?

— Я сожалею, — произнесла я, не чувствуя ни капли

сожаления. — Ты думаешь, что проблема в Жиле? Почему твоей жене надо быть так бессмысленно требовательной? Она ничего не может оставить в покое. Всё и всегда должно быть только по ней и никак иначе.

— Но она так часто *права* . Почему Жиль *не может* подождать *двадцать минут*, перед тем, как уходить в зал, чтоб они могли пойти туда вместе? *Всего* двадцать минут ради той, которую он *любит!*

Мортен саркастически выделял слова как бы курсивом. А мой защитный инстинкт на каждый этот курсив вставал в углу Жиля для боя.

— Но, Мортен! Это происходит *каждый раз* и это *не* двадцать минут. Она никогда не бывает готова к тому времени, к которому он просит. Она не понимает что такое время! Почему он должен каждый раз ломать свой график из-за того, что она не может встать немного раньше? Почему она думает, что ей совершенно необходимо накраситься, для того, чтоб идти в тренажёрный зал?

— Если он поставит тренировки в зале выше неё, это с очевидностью покажет, что он не заботится о ней. Они задают ритм и структуру её дня и выводят её из депрессивного цикла. И это очень символично — это показывает его заботу.

Конечно, он заботился. Но Жиль начал больше заботиться о ком-то другом. О себе. Как я ни была счастлива по этому поводу, это также значило, что Жиль стал совершенно не тем мужчиной, которого я встретила и за которого вышла замуж.

Первое расставание

Моя работа представляла собой всё более и более ложную реальность. Предполагалось, что я буду финансовым контролёром, буду руководить командой. Но в своей жизни я была в бесконтрольном свободном падении. В течение нескольких месяцев то, что изображала из себя ту, которой не была, позволяло мне сохранить некоторую степень нормальности. Пока моя личная жизнь не вторглась и сюда. Кольцевая переписка, непрерывная дискуссия и постоянные неправильные интерпретации сводили меня с ума. Всплывающие уведомления от трёх моих партнёров без отдыха появлялись внизу моего экрана. Я выключила их, но лучше не стало. Дамоклов меч готовился упасть, и однажды я предпочла разорвать эту нить самой, чем ждать в бесконечной неуверенности. И я открыла свои сообщения. И из них, как из ящика Пандоры, хлынул ад. На глазах коллег я в бессилии сидела перед экраном. В чинном рабочем окружении мне некуда было деть свои гнев и отчаяние, в то время как я, впервые в этих отношениях поняла, что моя прекрасная утопия… обречена.

“Сандерс пытается урезать операционные расходы. Скоро полетят головы, надо раздуть прогноз процентов на двадцать и, возможно, мы избежим самого ужасного.”

На следующей неделе Сандерс урезал наш бюджет. И я уже знала, что за этим последует. С моей карьерой было покончено. Потому, что несколько последних месяцев было невозможно делать вид, что я сколько-то эффективно выполняю работу, в которой когда-то была так хороша.

Тем вечером я смотрела *Бойцовский клуб* в кровати с ноутбука и у меня с лица падали слёзы. Я понимала что значит убить часть своей личности. Жить по своей правде оказалось сложнее, чем я думала.

Но я знала и то, что я оказалась в этой ситуации не без причины. Это была та же причина, что и у всего остального другого, что было в моей жизни и, даже возможно в жизнях всех. Желание понять правила и бросить им вызов, впечатанные в мою природу. Страсть учиться и узнавать себя. Мой путь состоял в том, чтоб, насколько это возможно, освободиться от сил, ослабляющих мою рациональность. Мне надо было от чего-то освободиться. Но так же, как наш вопрос когда-то был: *Насколько мы можем открыть свои отношения, не потеряв их?* — мой вопрос сейчас был: *Как долго я могу оставаться в отношениях с женщиной, которую я ненавижу, ради двух мужчин, которых я*

люблю?

Этим вечером они были очень добры ко мне. Никто из них не понимал, что я прохожу через кризис и как это скажется на нас всех. Так как я лежала в кровати, я, наконец, оказалась в центре внимания. Но не такого, какого я хотела бы. Я слышала обеспокоенный шёпот из гостиной. Некоторые шептали тише, чем другие и, увы, Елена почти всегда была громче всех.

— У неё нервный срыв и она нуждается в приёме соответствующих препаратов.

Мой рот непроизвольно округлился. Лишив меня нормальности, она не удовлетворилась этим и хочет лишить меня ещё и свободы. Я чувствовала себя Макмёрфи из *Полёта над гнездом кукушки*.

— Да, нам следует отвезти её в больницу, — сказал Жиль.

Угроза госпитализации работала сильнее, чем что-нибудь другое. Я хотела кричать и плакать. Но если бы я сделала это, они бы уверились в том, что я умалишённая. В попытке доказать, что они не правы, я встала и начала готовить ужин, как это сделал бы нормальный человек. И как я делала это обычно. Моя кухня, мой рай.

Но кризис, временно отступивший в тот вечер, несколькими днями позже вернулся усиленным десятикратно. Я больше не могла притворяться.

Мы часто проводили время вместе на диване. В то воскресенье мы все сидели рядком, смотря телевизор, держась за руки как равные, которыми мы не были. Елена, потом Жиль, потом я, потом Мортен. Я размышляла, не чувствует ли себя Мортен брошенным. На краю, только с одной моей рукой в качестве компании, в то время как вторая моя рука была у Жиля. Не слишком похоже на то, чтоб иметь двух женщин, скорее — половину женщины.

Я не хотела предпочитать одного другому и упрямо оставалась в середине, деля между ними своё тело и свой баланс. Тем временем, на Елену накатило игривое настроение и она развалилась на Жиле (полностью одетая).

— Снимите комнату! — рассмеялся Мортен, цитируя *Друзей*. Счастливый. Не неуверенный и не отверженный.

Я стала ещё жёстче, если это было возможно. Явный вызов чувству собственности. Ей недостаточно времени, которое они и так проводят вместе? Может она не делить его хотя бы когда я рядом?

— *Твой муж — мой!* — кричал мне язык её тела.

— *И я счастлив этому!* — отвечал язык тела Жиля, его рука выскользнула из моей. Я ещё чувствовала её тающее тепло.

Они спрыгнули с дивана и метнулись в спальню, дабы исполнить великий воскресный послеобеденный сексуальный концерт, который мы отлично слышали и через закрытые двери.

Я не была умна даже задним числом.

Мне представлялись два варианта на выбор:

• Поднять суету, заявить о своих потребностях, быть эгоистичной и сказать, что мне не комфортно. Рисковать быть высмеянной и не понятой, а кроме того испортить трём людям прекрасное воскресенье. Разве ты этого не заслуживаешь?

• Сохранять спокойствие, обсудить свои проблемы с самой собой (что видимо создаст панику внутри тебя), будь выше этого. Живи с этим.

Жить с этим. Конечно, я буду с этим жить. Это мой путь. Потому, что я думаю, что недостойна большего.

На мгновение я увидела свою жизнь наперёд. У Елены два основных партнёра. Её муж и мой муж. Оно монополизирует внимание моего мужа в любой момент, когда ей этого хочется. А я половичок, ожидающий, когда им воспользуются после того, как насытятся. Мне достаются остатки и я должна быть благодарной за них.

Моя будущая роль должна была состоять в финансовой поддержке и страховке для отвергнутых мужей. И, иногда, быть сексуальным партнёром, но только когда это устроит Елену.

Моей природе было свойственно действовать так, как если бы окружающие были неуверенны в том же, что и я. Я хотела делиться, но только с теми, кто чувствовал бы так же , как и я, с кем-то, кому я могла бы доверять, что они будут действовать в соответствии с моими границами, раз я действую в соответствии с их. Моя пассивная английская коммуникация была полна допущений и общественного этикета. Всё это оказалось растоптано.

Но Елена не была неуверенной по поводу того, что её муж был со мной — она была уверена в своём первенстве. Шестнадцать лет лишений это подтверждали. Их любовь проверялась снова и снова. Он оставался с ней несмотря на депрессию, шумные споры и даже недостаток секса. Мортен оставался верен как скала, каким он был всегда.

А мой муж изменился и это было прямым результатом общения с Еленой. Она изменила его и его любовь ко мне. И чувствуя изменения в нём, я сильнее подталкивала этот цикл, сильнее отдаляясь от этого чужого человека. Их отношения разрушили наши отношения. По мере того, как Жиль с Еленой прилипали друг к другу, я становилась узурпатором. Лишней. Не важной. И я так остро чувствовала боль потери и отверженности,

мне следовало начать действовать самой.

Происходя из разделённой семьи, моя уверенность и самооценка были травмированы, настолько же, как и у любого ребёнка, бывшего предметом споров родителей и последующего развода. И, возможно, настолько же, как и тех, которые не были. В конце концов, вырастание — занятие неупорядоченное.

Но если ограничения, накладываемые моногамией, оберегали мои страхи, полиамория вытащила их на свет. Мои страхи уничтожали меня. Полиамория для меня была невозможна с людьми, у которых не было представления, желания или понимания того, как можно обходить области моей неуверенности. Возможно, это верно для всех полиаморов. Все партнёры, даже не связанные сексом, должны быть способны к коммуникации, а иначе это не заработает.

Мне следовало избавиться или от своих страхов или от того, что пробуждало их, вызывая так много боли. Мои страхи были со мной с детства. Они были частью меня и мне было совершенно неясно с чего начать. Более того, это не гарантировало прекращение боли. Если я буду работать над собой, боль в обозримом будущем будет необходимой частью моей жизни.

И тут я увидела третий вариант действий. Возможность уйти. Потому, что я чувствовала, что недостаточно хороша для них всех. И я не могла представить, как можно создать свою новую самооценку и изменить свою реальность после года пребывания в саморазрушительном режиме.

Даже представить себя покидающей двух любимых мужчин, было, пожалуй, больше, чем я могла вынести. Я не была уверена в том, что способна это вынести. Но продолжать жить в этой ситуации с Жилем, Мортеном и Еленой было бы хуже. Её характер постоянно сталкивался с моим.

Чем сильнее она чувствовала себя отверженной, тем сильнее тянулась к тому, кто отверг её. Чаще всего это была я. И чем больше она тянулась, тем сильнее я отталкивала её прочь и моя неприязнь становилась осязаемой. Если она чувствовала себя неуверенно относительно Жиля, она тянулась к нему, а я чувствовала себя нелюбимой и не на своём месте. Я чувствовала себя отверженной и насколько могла отдалялась от них обоих. Это значило, что я не могла выносить никакого контакта с Еленой. Никакого. Абсолютно. И так как мой контакт с Жилем был пассивным и колючим, мы, пытаясь всё наладить, кружили вокруг друг друга, как группа грифов под общим кровом.

Отвергнуть Елену было совершенно необходимо для сохранения меня в здравом рассудке… но это означало потерять Мортена. И эта боль была невыносима.

Каменные жернова не всегда мелют медленно. И мы мчались навстречу нашей судьбе так же быстро, как когда-то навстречу друг другу. Мои партнёры знали, что у меня проблемы. Но они и представить не могли — насколько большие. Потому, что им мои проблемы казались незначительными. Внезапно в возникающими по мельчайшим поводам. Хаос, возникающий лишь из взмаха крыла бабочки. Но даже если они не могли понять это, им приходилось с этим мириться.

Итак, после двух недель незначительного общения, мы с Мортеном встретились за кофе на нейтральной территории. Он сказал: “Мысль о том, что мы с Еленой будем работать над нашим браком для того, чтоб мы снова нашли друг друга, делает меня счастливым.”

Он не выглядел счастливым. Совсем наоборот.

— Ну, я люблю тебя. И поддерживаю твоё право принимать решения, которые тебе подходят. Даже если это ранит. — Моё сердце разрывалось. — И ты даже больше не хочешь встречаться со мной?

— Разумеется, я хочу. И не только за кофе. Я люблю тебя. Но есть и другая часть меня, которая вообще не хочет тебя видеть. Просто потому, что это вызывает проблемы. Елена не может перенести то, что мы с тобой встречаемся. Она чувствует себя преданной.

— И это связано не с кофе. Это из-за секса?

Он посмотрел на меня. Его глаза были обеспокоенными и покрасневшими.

— Работать над моим браком без тебя будет проще, но трудно не признать тот факт, что секс с тобой так сносит мне крышу.

Я чувствовала, как в моём животе затягиваются узлы. Я не могла отрицать того, что перспектива жизни без его прикосновений казалась мне холодной и бессмысленной. Секс между нами был не просто сексом. Он был священным. Особенным. Казалось, что это именно такой секс, который должен заканчиваться ребёнком. Каждый раз. И я никогда не чувствовала ничего подобного ни с кем другим. Никогда.

Но как бы сильно я это не чувствовала, другая часть меня знала, что я заслуживаю большего и я сказала об этом.

— Ну тогда забудем о сексе. Я не хочу, чтоб это было всё, что нас связывает. Ты нужен мне не только за этим и так было всегда. Если тебе будет гораздо проще отказаться от меня, если секса не будет… я думаю, ты знаешь ответ.

Прошла минута, а казалось, что прошла жизнь. По моему лицу начали течь слёзы. Одному из нас надо было сказать это. И

это оказалась я.

— Мы расстаёмся?

Он сжал руки в отчаянии и потянулся за сигаретой. Переживания последних нескольких месяцев явно вывели наше курение за пределы “социального”. После этого он просто сказал:

— Я не могу предложить тебе того, что ты хочешь.

— И я не могу предложить тебе то, что хочешь ты.

В моём сердце смешались скорбь и гнев. Мы были в аду. И в конце боль оказалась большей, чем я когда-либо испытывала. Я всё ещё любила его. И он всё ещё любил меня. Но мои отношения с Еленой делали наше общее будущее невозможным… даже если она всё ещё была вместе с Жилем.

— Так мы решили? Так? — спросила я.

— Думаю, что да.

Ни один из нас не хотел этого говорить. Но нам следовало. И всё было кончено.

Бомба

Мои мысли снова обратились к моему браку, и мы с Жилем обсуждали что хорошего мы можем сделать с нашей ситуацией. В попытке хорошо провести время вместе, мы устроили настоящее свидание. Проблема была в том, что мне требовалось три бокала вина для того, чтобы ощутить более-менее сексуальное настроение. Грустная правда состояла в том, что расставшись с Мортеном я скучала по его прикосновениям. И никто не мог его заменить. Даже мой муж. Я шла через ад, но думала, что было бы нечестным беспокоить этим Жиля.

Между Жилем и Еленой произошёл диалог, позже получивший название “Бомба” и они снова расстались. Но они делали это уже так много раз, что, когда они сказали, что между ними всё кончено, им никто не поверил.

До *Бомбы* Жиль расставался с Еленой пять раз по самым разным причинам.

Но *Бомба*, то есть шестое расставание отличалась. Потому, что его инициатором была Елена. В письме, которое переслал мне Жиль, ничего этого не предвещало. Это была запись из чата, выглядевшая обыденной, не выделяющейся из других таких же. Хотя Елена, по своему обыкновению, начала резко:

— Жиль, дорогой. Я хочу, чтоб ты знал, что я предложила Мортену развестись.

Судя по отметками времени, прошло несколько секунд.

— Ты действительно имела это в виду?

— Мы с Мортеном лучшие друзья. Но моя любовь с тобой и это уже давно так. Твои отношения с Луизой рушатся. Почему бы тебе просто не признать это, как это делаю я? Похоже, мы с Луизой не можем делить одного мужчину. У неё большие проблемы.

— У Луизы есть большие проблемы с тобой. Но именно ты испытываешь сложности, деля своего мужчину. Ты не можешь делить мужчину с кем то, у кого проблемы с тобой. Она никогда не просила меня или Мортена выбирать, хотя она совершенно с тобой несовместима.

— Нам всем придётся выбирать своё будущее, потому что, как минимум я так жить больше не могу.

— Я тоже. Но я всё ещё люблю Луизу и я не собираюсь терять её только потому, что у нас есть сложности.

— Окей… Но сделав этот выбор, ты потеряешь меня.

— Давай проясним: ты говоришь мне, что если я хочу продолжать быть с тобой, я должен покинуть Луизу?

— Да.

— Ты предлагаешь мне невозможный выбор.

— Но, разве ты не понимаешь, что для меня он тоже невозможный? Я люблю Мортена так же, как и тебя. Я бы хотела, чтоб мы никогда не встретились. Я больше не могу быть с тобой и не могу быть со своим мужем. Моё сердце разбито дважды. Луиза получит вас обоих, а я не получу ни одного.

— У Луизы нет нас обоих. Она работает со мной над нашими отношениями. Она рассталась с Мортеном.

— Тем не менее, они опять будут вместе, если я уйду. Очевидно, он любит меня сильнее, чем ты.

— Ну, я люблю тебя. Но я не понимаю, что ты имеешь в виду под “больше”.

— Я имею в виду, что он готов её покинуть. А ты нет. Так что прощай.

Я уверен

Бомба была отличным примером брутальной честности. Елена не смягчала своих слов. В её правдивой коммуникации не было доброты. Отчасти поэтому я её не переносила. Потому что я чувствовала, что этот подход, под маской честности, приносит ненужную боль другим. Я верю в правду, но пытаюсь найти добрый способ говорить её. Но, что бы я ни думала, *Бомба* сделала своё дело. Этот взрыв честности отбросил нас далеко друг от друга. Она сказала правду.

С одной стороны, подтвердились мои подозрения, что Елена хочет получить Жиля в качестве основного партнёра. Мой страх того, что она собирается забрать моего мужа усилился. Всегда ли это было так? И не повредилась ли я умом именно оттого, что моё тело понимало то, что отрицала разумом… что у меня уводят мужа прямо из под носа?

Жиль когда-то сказал: “Ты не теряешь меня, а я не теряю тебя. Ты *делишь* меня, но это не значит, что меня у тебя оказывается меньше.”

Мортен говорил: “Его выбор состоит в том, чтоб быть с тобой *и* с Еленой. Ты сомневаешься не в Жиле, ты сомневаешься в полиамории.”

Кабинет моего терапевта был полон картинками с ангелами, кристаллами и книгами с названиями вроде *Compelled to Control* и *The Drama of Being a Child*. Это была позитивная комната… полная подушечек и надежды.

Слащавость и очевидное счастье этого места взбесили меня. Слишком много всего произошло за те шесть месяцев, что я приходила сюда.

— Вы выглядите сердитой, — сказал мой терапевт.

Я плачу ему семьдесят монет в час за блестящие прозрения вроде этого.

— Да, — сказала я сквозь зубы. — Из-за всего того времени, что я просидела тут, платя вам деньги и сомневаясь в себе, пытаясь преодолеть мою так называемую проблему с ревностью. И всё это время мой глубинный инстинкт был прав. Я знала, что она — угроза моему браку. Я знала, что она хочет Жиля только для себя. Неудивительно, что я чувствовала себя так плохо. У меня нет проблем с полиаморией, у меня есть проблема с кем-то, уводящим моего мужа. В моей утопии полиамория имеет отношение к тому, чтоб разделять, а не к тому, чтоб похищать.

— Если вы это знали, почему вы не доверяли себе достаточно,

чтоб решить, что вы правы?

— Потому, что концепция полиамории выкидывает моногамию в окно. А моногамия как социальный институт неоспорима. Я думала: «Если я неудачница в моногамии, возможно, я неудачница и во всём остальном». Когда другие говорили мне, что я неправа, я верила им, даже если каждая кость моего тела твердила мне обратное. Я весь год сражалась со своими собственными убеждениями.

— Побудьте со своим гневом, — предложил терапевт. — Почувствуйте его. Позвольте себе испытывать его. Вы слишком долго подавляли его. Он становится негативной силой, управляющей вами только когда вы подавляете его. Теперь почувствуйте его. Спокойно опишите, что именно вы чувствуете. Помня о том, что для отношений нужно больше одного человека

Я сидела, наполненная своим праведным гневом, как воздушный шар, но резко сдулась от его последней фразы сказала печально:

— Мы позволили этому случиться. Мы, Жиль, Елена и Мортен. Мы были слепы и наивны. Хорошо, я была наивна. Мортен был слеп. Жиль просто был таким, как всегда. Он выбрал путь наименьшего сопротивления. И Елена, да она ослепительная. И сложная. И вот мы здесь. В месте, где оба брака превратились в пустые раковины. Елена свой покинула и направила все силы на Жиля. Я оставила свой тоже. Неудивительно, что Жиль склонился к Елене.

Когда я тем утром шла с терапии, мой гнев в отношении Елены утих. Удивительным образом, он заменился сочувствием. Сочувствием к ней.

Я видела, что они с Жилем создали пару, которая куда лучше совместима, чем он и я. Но она сама загнала себя в угол. Даже несмотря на то, что наше взаимодействие было вредным, она никогда не получит Жиля давлением. Пытаясь заставить его, она вынудила его остаться в отношениях, которых он не хочет. И мне стало легче от того, что мы с Жилем по крайней мере получили возможность сохранить своё будущее, если это конечно возможно.

Каждый четверг мы с Жилем привычно ели в итальянском ресторанчике за углом, чтобы после нескольких сеансов терапии, узнать: можем ли мы продраться через мои эмоции и восстановить романтику? Под романтикой я подразумеваю бутылку красного вина, для того, чтоб отпустить мои тормоза.

В тот день терапия оказалась непростой и мы поняли только сколь много всего нам надо ещё распутать, прежде чем мы сможем понять куда двигаются наши отношения. И, выпив последний глоток вина, я сказала: “Я устала.”

— Ты хочешь пойти домой?

— Нет, я имею в виду, что я устала от того, что не знаю что нас ждёт. Мне кажется, что последние несколько лет я провела в чистилище. Ожидая, пока наши отношения устоятся, пока ты начнёшь карьеру. Мне казалось, что наше будущее определилось, когда мы поженились. Но я всё ещё жду его начала. Жду… всё время жду.

— Твой английский очень подходит для такого. Ждать, дожидаться… — начал Жиль. Я видела, что она собирается рассказать анекдот и торопливо прервала его.

— Жиль, я хочу детей. И я хочу их скоро. Будут ли они твоими?

Вот как это случилось. За столом, на котором была пустая хлебная корзинка, остатки кьянти и соусница с высококачественным оливковым маслом, перемешанным с пармезаном.

Жиль втянул нижнюю губу и посмотрел на меня. Голубые глаза встретились с голубыми глазами. И я видела в них тихий проблеск отчаянья. Я загнала его в угол.

— Я думал, что ты не уверена насчёт детей, — ответил он.

— Я не была. Я думала, что нет. Но на самом деле я всегда хотела их. Я просто… не была уверена, что смогу иметь их с тобой.

— Так что изменилось?

— Я не знаю. Я поняла, как сильно я люблю тебя. Мне пришлось почти потерять тебя, чтоб осознать, насколько драгоценны для меня наши отношения.

— Ты пьяна? — он рассмеялся, чтоб ослабить напряжение, и я рассмеялась вместе с ним. Так как, если эти слова наконец вырвались у меня, это определённо было так.

— Да, — ответила я, — но это не значит, что я не имела в виду то, что имела. Я имела, имела это в виду.

— Но у меня до сих пор нет работы, — произнёс Жиль, беря меня за руку. — Ты знаешь что значит — заводить со мной детей.

— Да, я знаю Но это больше не кажется мне важным. Я не хочу ждать, пока ты станешь кем-то, кем ты не можешь быть. Мы женаты. Мы любим друг друга. Я могу содержать нас обоих. Этого, определённо, должно быть достаточно.

— Ага!

— Ага что? Ага, мы попробуем?

— Да!

— Может быть это *ты* пьян? — спросила я, рассмеявшись, чтоб ослабить напряжение.

— Да!

— Ты уверен? — произнесла я, с внезапной неуверенностью.

— Я уверен! — ответил он.

Я шла под новым небом. Это было не то же самое небо, что в начале вечера. Этой ночью мы собираемся попробовать зачать ребёнка.

Так далеко и так близко. Мой муж, его тело, наша любовь. Я осторожно прикасалась к нему, пытаясь передать через прикосновения тепло. Но что-то было не так. Наши тела больше не подходили друг к другу. Наш секс был… ну, просто сексом. Не священный, не волшебный. Он был поверхностным — просто движения и всё.

Я любила его. Но он был чужим. Когда я прикоснулась к его лицу, оно оказалось мокрым от слёз. Как и моё. Мы потеряли друг друга.

Когда пришло время теста, я оказалась не беременной. И хотя я и плакала по этому поводу в объятиях Жиля, я также чувствовала и некоторую радость. Я хотела, чтоб секс, создающий ребёнка, был особенным и нам предстоял длинный путь для того, чтоб достичь этого. Но несколькими днями позже я порадовалась вдвойне. Так как после шести недель и шести расставаний Жиль и Елена снова сошлись вместе.

— Жиль, как ты мог вернуться к ней после всего, что было сказано? Ты сказал, что никогда к ней не вернёшься. Это были твои собственные слова! Я была уверена, что сыт ею вот по-сюда! — я прикоснулась к носу, а потом передумала и подняла руку высоко над головой.

— Да, но она не имела в виду то, что сказала. Она была слишком возбуждена.

— Могу я напомнить тебе, что она хочет забрать тебя себе? Это не изменилось. Предполагается, что я буду спокойно сидеть и игнорировать это?

Я и раньше с трудом уживалась с Еленой. Не думаю, что это возможно зная то, что я знаю теперь.

— Она извинилась передо мной за то, что пыталась надавить на меня, — произнёс он.

— В моём мире не всё можно исправить извинениями, — холодно ответила я. — И тем более, если они принесены не мне.

Жиль ударил кулаком по столу. Мы снова оказались в ситуации, которую оба терпеть не могли.

— В Елене так много того, что можно любить, что хотя я и забыл об этом во время спора, всё оно всё ещё здесь, в глубине моей души.

— Тут ты прав. Мне этого не видно. Не знаешь — почему я этого не вижу? Потому, что ты доносил до меня только дерьмо.

— Ну, это просто говорит о том, что ты не знаешь о том, что происходит за закрытыми дверями. Мы придумали, как нам действовать в следующий раз, когда мы начнём спорить, — самодовольно заметил он.

Я начала гневно рыдать.

— Почему тебя не волнует то, как это повлияет на меня? Мы пытаемся завести ребёнка. Полиаморные отношения включают не только тебя и твоего партнёра. Я тоже вовлечена в них. Ты не можешь просто действовать так, как будто это касается только тебя. Ты не один.

— Остановись! Остановись! — с неожиданной яростью сказал Жиль. — Я думал, что ты счастлива, что я счастлив. Я был счастлив, когда вы с Мортеном были счастливы вместе.

— Да, но мы не вместе, нет? И ты не был бы счастлив, если бы наши отношения приносили мне такую огромную боль как мне кажется приносят тебе твои отношения с Еленой. Вы также причиняете боль нам с Мортеном. Вы так эгоистичны. Я не могу добавить в эту ситуацию ребёнка. И я больше не могу это выносить.

Их отношения вышли из под моего контроля. И даже мои отношения вышли из под него. Мой терапевт сказал мне чтоб я освободила свой гнев и теперь вся его ярость обрушилась на Жиля с Еленой. Мой шанс восстановить отношения с Жилем, каким бы призрачным он ни был, был уничтожен одним махом.

И, когда я взглянула на него, я поняла. Дело было не в нём. И даже не в них. Дело было во мне. И мне следовало уйти.

На следующий день я уехала к отцу на Кипр. Это давало мне перспективу и объективность. И тут мне стало очевидно вот что:

Не то, чтоб Жиль не выбирал — он сделал совершенно определённый выбор. Его выбор, несмотря на упрямство и пассивность, был быть с Еленой. Все последние месяцы наши дискуссии концентрировались вокруг того, как мне было всё сложнее уживаться с Еленой и недостатков, которые она провоцировала во мне. Он любил её. И не хотел, не мог покинуть её, даже если это разрушало меня. И я никогда не потребовала бы его сделать это.

Великий побег

Я была безработной. Почти безумной. Было так просто купить билет домой и совершить свой великий побег. Приехать на Кипр, страну видевшую мой подростковый бунт, тёплую и успокаивающую. Мои мысли, наконец, наполнил мир, и облегчение, которое я почувствовала удалившись от тревоги и стресса, освободило меня. В наполненной стрекотанием цикад атмосфере Кипра, с поддержкой друзей и родственников, принять решение оказалось очень просто. И даже ещё проще написать письмо после шести кружек местного пива, роняя на клавиатуру пьяные слёзы.

Жиль, дорогой,

После определённых поисков себя, я пришла к решению, которое было правильным с самого начала. И сердце и голова говорили мне, что надо отпустить тебя. Я не хочу быть связанной с Еленой полиаморными отношениями любого рода. Я бы никогда не выбрала её для отношений сама и не хочу её участия в моём браке. Хотя мы оба имеем выбор, это наш брак, с которым она оказалась связана, а отношения со-жён это гораздо больше, чем дружба. Если я связана с тобой, я связана с ней — так уж получается. Но я не могу иметь отношения к тому, какой она видит семью.

Я надеюсь, что мы с тобой когда-нибудь в будущем сможем быть друзьями… но я больше не буду предавать моё будущее. Я надеюсь, что вы в своей новой тройке будете счастливы. Но, возможно, твоя биология делает то, что отрицает твой разум. Ваши с ней отношения гораздо более сбалансированы, чем твои со мной и, возможно, твоё сердце говорит тебе, что в перспективе твоё будущее будет счастливее с нею. Я желаю тебе счастья и удачи. И более всего — любви.

Л.

В течение двух недель моё раненое сердце купалось в алкоголе и сочувствии, а мой мозг стимулировался интеллектуальной компанией. Я так отчаянно нуждалась в прикосновении и тепле, что упала в бассейн очарования с ангелом под прикрытием. Чудесным мужчиной. Не было никакой боли. Это было похоже на плаванье в героине. В блаженном коконе новой любви я отпустила своё прошлое со всей его болью и радостью. Я больше не хотела ничего связанного с ним. И думала остаться. Я была довольна. Никаких кольцевых писем, никакого давления, занимания тех или иных сторон и никаких контактов, способных нарушить моё спокойствие.

Но вселенная устроена очень странным образом. Десятью днями позже, в два часа дня, моё прошлое явилось ко мне посредством сотовой сети. Это был Мортен:

— Я развожусь с Еленой. Ты вернёшься ко мне?

Одним из главных обоснований полиамории является возможность избежать проклятия последовательной моногамии. В далёкой-далёкой земле мы с Жилем столкнулись с разделением и разводом. Полиамория в том виде, как её определяли мы, была отличным способом удовлетворять наши желания с другими людьми, поддерживая в то же время наши прекрасные отношения. Построение и объединение нескольких отношений казалось идеалом, особенно когда многие из них могут быть просто расширенными версиями дружбы. Но мы не учли способность отношений формировать и изменять нас. Ни один из нас не учёл влияния новых отношений на наши личности, мы сбросили со счетов то, что наши старые отношения будут отброшены, потому, что флюоресцентно-розовый свет от новых чётко высветит все их неправильности и неудачи. И вместо того, чтоб работать над ними, было гораздо проще нежиться в комфорте, перебирая рахат-лукум и прочие сладости медового месяца.

Мейнстримное общество может понять полиаморию применительно к бисексуальности. В конце концов, должны ли вы запрещать себе любить, если для вас одинаково притягательны оба гендера? Это кажется нечестным. Но людей с разными гендерами трудно сравнивать. Очевидно, что у них разные роли. (Чушь, весь абзац — переводчик.)

Но в нашей гетеросексуальной четвёрке полиамория приводила к сравнению и осуждению слишком многими разными способами. Две женщины, в сходных ролях. Но два совершенно различных характера. Елена и я это как мел и сыр. Я была пассивна. Она была активна. Я верила в трудовую этику и страдала от неё. Она верила в творчество и самовыражения, но была безработна. Я верила в принятие, даже для неприемлемого поведения. Она не хотела и не могла принять ничего, кроме самого лучшего. Я была поражена тем, что несмотря на все наши попытки избежать такого исхода, обе пары пришли именно к нему. Развод.

— Ты слышала меня? Ты тут? Ради Бога, скажи что-нибудь!

Я сказала единственное, что смогла придумать, чтобы потянуть время.

— Последние десять дней я была с кем-то другим, кем-то чудесным.

Но это не сработало.

— Ну и что? Мы полиаморны. Ты вернёшься ко мне?

— Да, — ответила я.

— Всё будет хорошо, я обещаю. Я люблю тебя. Мы увидимся завтра, мне просто надо было услышать твой голос.

Возможно ли, что после шестнадцати лет Мортен покидает своего партнёра и родственную душу для того, чтоб быть со мной? Мы были вместе двадцать четыре месяца, но всё таки никогда не были просто вдвоём, как основные партнёры. Но на следующий день он встретил меня в аэропорту. Только он. И только я.

— Привет, — сказала я.

— Привет, как ты?

— М… честно говоря, несколько потрясена. Ты в порядке?

Я прикоснулась к его лицу. Оно было привычным и в то же время незнакомым. Мой незнакомец. Мужчина, с которым я только что решила строить будущее. Он посмотрел на меня сверху вниз выцветшими и усталыми глазами и сказал:

— Я всего понемногу: очень счастлив, очень печален.

— Можешь рассказать мне всё с начала? Пожалуйста.

— Ты имеешь в виду, что произошло за эту неделю и в моей голове?

— Да… как, почему и всё такое.

И когда мы уселись с дымящимися каппучино в зоне прилёта аэропорта Гатвик, он начал:

«Для начала, мы с тобой по прежнему были вместе, хотя и понимали, что ничего не выходит. Мне не казалось, что мы по настоящему расстались за тем кофе. Я по настоящему упёрся в это. В то, что я теряю тебя. В то же время, у меня были серьёзные сомнения по поводу того, что мы с Еленой сможем восстановить свой брак настолько, чтоб быть счастливыми.

Сначала я начал впадать в панику потому, что не мог ни с кем поговорить, и казалось, что моя голова вот вот взорвётся. Мы собирались продлевать аренду нашей квартиры ещё на год, но мне постоянно виделся перекрёсток: Елена (почему-то всегда справа) и ты (слева). И я начал понимать, что иду неправильным путём… что было для меня большим шагом. Ты знаешь, как я был верен, так что разрыв шестнадцатилетних отношений был для меня не семечками.»

От его последней фразы я почти улыбнулась. Разрыв отношений любой продолжительности — не семечки. А для шестнадцати лет это даже не кокосы. Это орехи, размером со скалу.

«В результате я начал разговаривать с Еленой, что, конечно, было ужасно, но в то же время я почувствовал себя лучше, так как давление в моей голове несколько ослабело. Потом я говорил с

Жилем и снова с Еленой. Потом, вчера днём мы ходили на терапию, потом в бар и домой. Все эти разговоры сделали меня сильнее. В то же время, я твёрдо понимал чего хочу и одним хорошим подтверждением этому оказалось то, как я видел Елену плачущей и говорящей ужасные вещи, при том, что я чувствовал вину, но не мог помочь.

Я честно прорыдал свою долю общего плача, но это не изменило моего мнения. Ни насколько. Я рыдал у терапевта, в баре и дома, также как и она. Но у меня не было сомнений в том, что я покину квартиру, как только придёт Жиль, и я позвонил тебе.»

— Так что твоё решение ещё в зачаточном состоянии? — спросила я. — Я верю тебе, но мне ужасно страшно. В последние недели я считала, что самым лучшим будет выбросить из своей жизни всё, связанное с тобой. Я даже начала думать, что могу остаться жить на Кипре.

— Я думаю, что решение появилось куда раньше, чем я его осознал, но очень трудно сказать: “Я тут подумал и решил уйти от тебя.”

— Боже. Как Елена… они с Жилем всё ещё вместе после всего этого?

— Елена в полном раздрае, но она прибегла к помощи друзей и это хорошо. И Жиль рядом с ней.

— Папа очень хорошо относился к Жилю, но говорил мне, что ему не кажется, что тот изменится, и если я не хочу чего-то в будущем, не надо связываться с этим сейчас. И я внезапно поняла, что очень обо многом думаю так же, как и мой отец. И постоянные сомнения в себе по этим вопросам не говорит хорошо ни обо мне, ни о нём.

— Похоже он мудр, твой папа.

— Он мудр. Логичен. Ты не сильно отличаешься. Но Мортен… ты стоишь передо мной, предлагая мне всё, чего я хотела, и мне страшно.

— Да, это я. И мне тоже страшно.

Я взяла его за руку. Мы оба дрожали.

— Что тебя пугает? — спросил он.

— Что ты передумаешь. Что вернёшься к ней.

— Думаю, я тебя понимаю. Есть что-нибудь, что я могу сказать или сделать?

— Нет. Тебе не надо прямо сейчас волноваться из-за моих страхов. Думаю, тебе хватает своих. И я уже согласна отправиться с тобой в неизвестность. Я просто надеюсь и молюсь, чтоб это не оказалось глупостью.

— Я попросил Елену с Жилем пообещать, что они ничего не

скажут тебе, пока я не приму решение. Если бы я остался с Еленой, ты бы никогда не узнала о моих сомнениях.

— Я не могла понять — почему всё стихло. Я думала, что у вас всё сложилось. Я не могу даже подумать обо всём этом. Оно пугает.

— Но также волнующе и радостно, да? — тревожно спросил он. — Это моё. Это позволило мне пройти через все эти ужасы. Мысли о тебе и о нас. У нас будут голубоглазые дети.

Я засопела. И очень скоро это превратилось в настоящую бурю. Мортен мягко сказал:

— Ты была расстроена тем, что я не принимал решение. Что я не расставался с тобой даже тогда, когда это казалось лучшим решением и когда говорил, что хочу этого. Теперь ты понимаешь, что я не мог.. я люблю тебя, Луиза. Пойдём домой.

Где-то ниже по реке

Мои руки дрожали так сильно, что если у меня даже была завидная мужская способность направлять струю мочи, промах был бы вполне возможным. Предполагается, что пописать на палочку это несложная задача, но и с ней я справилась не слишком удачно. Я помыла руки, вышла и села за свой стол.

На упаковке было написано про шестьдесят секунд. Чтобы отвлечься, я отложила его в сторону и начала просматривать изменения статуса в Фейсбуке, забывая про то, что ответ изменит весь мой мир. Пока не взглянула и не прочла “Беременна”. Я взяла его и несколько раз встряхнула, думая, что встряхивание может стереть надпись, как в игрушке *Волшебный экран*. Или в начале надписи внезапно появится слово “Не”.

“Не” не появилось.

После нескольких ускоренных адреналином секунд сердцебиения я взяла в руки телефон. Мортен ответил после третьего гудка.

— Ты занят?

— Только что пришёл на собрание, не могу сейчас говорить.

— Не клади трубку! Мне просто надо сказать тебе, что я беременна.

Тик-так, тик-так. Мне было слышно, как по его лицу расплывается улыбка.

— О, дорогая, это чудесно. Очаровательно. Я позвоню тебе позже, хотя теперь я не смогу сосредоточиться на этом проклятом собрании.

Мы переехали из дорогого района Ноттинг-Хилл, в котором я постыдно злоупотребляла своей кредитной карточкой, что легко объяснялось моим горем, в немного более дешёвый Ричмонд, графство Суррей.

Мы переехали в дом, очень похожий на тот в Сент-Олбанс, в который мы приезжали к Мортену и Елене. В попытке соответствовать её стандартам, я украсила его в привычном Мортену стиле. Белый. Минималистический. Но с художественно разложенными бесполезными подушечками.

Наш новый дом был в семи минутах ходьбы от Жиля и Елены. Мы знали, потому, что измерили. Они жили в районе Ричмонд-Грин, по престижному адресу, уценённому из-за того, что леди этажом ниже готовила много супа и запах капусты был там обыденностью. Не то, чтоб они очень волновались о деньгах, так как после наших разводов оказались неплохо обеспечены.

Жиль всё ещё работал над своим веб-сайтом о фитнессе и

твёрдым как скала телом, а Елена начала изучать психологию в Роэхэмптонском университете. Наше редкое общение происходило не без трений, но смазывалось алкоголем и мы пытались остаться друзьями. Я уже однажды потеряла Жиля и не хотела, чтоб это случилось ещё раз. Конечно, наша новость подбросит гаечный ключ в этот редуктор. Мортен с Еленой восемь лет пытались завести ребёнка. И теперь я беременна — всего через три месяца.

Я встретилась с Жилем наедине, чтоб сообщить ему новость, Мортен сделал то же с Еленой. После чего, мы все встретились в баре.

— Только представьте нас всех с ребёнком! — сказала Елена, когда мы, расположившись вокруг стола, пили апельсиновый сок. В её глазах плясало пламя. — Мы с Жилем сможем сидеть с ребёнком, мы будем крёстными родителями. И… — её глаза наполнились слезами. — Я хочу, чтоб ты знала, что я простила тебя, и если ты умрёшь, я буду заботиться о ребёнке Мортена как о своём собственном, — желание ребёнка так долго окрашивало её жизнь, что после первого шока от нашего сообщения, её счастье можно было буквально потрогать. Это не был мой ребёнок. Это был наш ребёнок.

Но я не хотела делить его с ней.

Не сейчас. Никогда.

Мортен с Жилем сияли от гордости за её великодушие, я же замерла в ужасе.

Моё недоверие к Елене было глубиной в морскую сажень. И мой инстинкт подсказывал мне хватать моего нерождённого ребёнка и бежать. Казалось, что, как только мой долгожданный ребёнок родится, Елена будет тут как тут. Будет рассказывать мне, как растить его, гуляя с ним… и требуя, что он принимал ту или иную сторон в наших многочисленных спорах. Так было бы, если бы я была жива. Потому что, очевидно, если бы я умерла, она подразумевала себя родительницей.

Я уже узнала однажды, что если Елена что-то хочет, она это получает. Эти события почти привели меня к безумию. И теперь, под действием гормонов, я боялась того, что она может свести меня с ума, сдать в психушку и занять место матери. Я знала, что это звучит безумно. Но все наши отношения были не слишком нормальны. Я думала, что мы можем оставаться друзьями и я смогу сохранить Жиля в своей жизни. Но защитить мои будущие отношения с моим ребёнком было важнее. И, похоже, одного побега было недостаточно.

Последнее расставание

В наши первые годы Жиль познакомил меня с его любимым англоязычным писателем — Джеком Лондоном. Одним из его произведений был *Мартин Иден* — история бедного рабочего, который преобразовал себя, выучившись грамоте и читая стихи для того, чтоб достичь своей мечты стать писателем. Но в итоге Мартин обнаружил, что его интеллект и талант далеко превосходит окружающих и, увидев тёмные стороны человеческой природы и предрассудки тех, кто сначала отвергал его, а потом покровительствовал ему, он почувствовал себя отделённым от того общества, в котором жил. Он был одинок. И он выбрал смерть.

Когда я читала *Мартина Идена,* я ещё сильнее влюблялась в Жиля. Этот сложный объект искусства был его любимым прозаическим произведением! Это был человек, который знал, какой жизнь может быть горестной, который сопереживал саморазрушительному поведению и страсти к знаниям. Это был человек, который на моём стороне в моём путешествии по жизни, тот, с кем можно было делить мысли и философию. Наша любовь была глубокой и мистической. И встреча наших умов была невероятной.

Семью годами спустя я подарила Жилю на Рождество другую классическую книгу Джека Лондона и автобиографию Арнольда Шварцнегера. Он только начал заниматься бодибилдингом, который потом стал частью его новой карьеры. Вторая из них, конечно, стала замусоленной и любимой. Первая же стоит теперь на моей полке — я получила её при разводе, так как он ни разу не читал её.

В отношениях с Еленой Жиль вырос и превратился в мужчину. И я менялась и росла также, как и он. Мы потеряли демонов, которые связали нас и переросли друг друга.

Поддерживать партнёра в его страсти — прекрасная цель.

Но если страсть вашего партнёра это что-то, что вам совершенно не интересно, это всё-таки должно включать какой-то предупреждающий сигнал.

— Что это такое? — спросила я его.

— Это весы, измеряющие жир в моём теле методом биоэлектрического импеданса. Мне надо до соревнований по бодибилдингу уменьшить его с десяти процентов до восьми. Хотя точность этих весов под некоторым вопросом.

Он мог бы сказать это по гречески. На самом деле даже хуже, так как греческий-то я понимаю.

Будучи актрисой, певицей и моделью, Елена следила за каждым граммом, попадающим в её рот, и ухаживала за своим телом при помощи самых лучших органических кремов, скрабов и продуктов. В её отрасли юный вид был необходимостью. И она выглядела юной. И прекрасной.

Они разделяли страсть движения к совершенству, самодисциплине и фитнесу.

Я больше не считала, что влюбиться в членов одной пары это один шанс их миллиарда. В действительности я верила, что если одна половина пары оказывается эмоционально совместимой, есть вполне реальный шанс того, что так же будет и со второй половиной. Тесты на совместимость уже пройдены и очень просто влюбиться, если вы хотите именно этого. Потому что теперь было совершенно ясно, что нам с Жилем действительно были нужны другие партнёры, хотя мы всё ещё любили друг друга.

Когда наши пути пошли в разные стороны, когда мы изменились, оказалось невероятно удачно, что мы нашли себе новых партнёров в одной паре. И, несмотря на всё, что мы пережили, я ценила воспоминания. Даже плохие. Они многому научили меня.

Некоторые вещи никогда не меняются.

— Мы снова расстались.

Это был Жиль. На моём пороге. А я была на седьмом месяце беременности.

— В этот раз это по настоящему. Она выбросила в окно все мои вещи.

Я вздохнула:

— Тебе надо где-то переночевать?

Это было как в старые времена. Жиль видел манипуляции со всех сторон, а Елене виделось преследование. Я пыталась отстраниться от этого эмоционально, но мой Жиль был одинок и рассержен. Он вернулся назад, обратившись ко мне за советом, комфортом и кроватью в гостевой комнате. Я считала лучшим дать ему совет с нейтральной точки зрения и честно поддерживать его во всей коммуникации. Елена была опустошена, но у меня не было ни желания ни возможности поддерживать её.

После эмоционально утомительного месяца консультирования и поддержки гнев улёгся и, разумеется, они сошлись обратно. Это было неизбежно.

И это оказалось соломинкой, ломающей мои отношения с Жилем. Мы больше не были ни мужем и женой, ни любовниками, ни друзьями. Мы даже не разговаривали.

Хотя за тот месяц мы и укрепили свою дружбу, хотя я помогала ему разобраться — хочет ли он ещё быть с Еленой, когда он вернулся, я потеряла интерес быть *её* подругой. Я не хотела даже пробовать. Ни на сколечко. Для защиты себя и своей семьи, я не хотела иметь с нею ничего общего. Я понимала, насколько болезненным это должно оказаться и сознавала последствия своих действий. Так как Елена не могла вынести, того, чтоб Жиль оставался моим другом, а также из-за проблем, которые этим вызывались, он перестал даже хотеть быть им. Но сколь большой жертвой это ни было для нас обоих, это было лучшее, что можно было сделать. Я не была частью его будущего, а он не был частью моего.

Сейчас, много лет спустя после нашего развода, Жиль является очень успешным личным тренером. Они с Еленой женаты и у них есть маленькая девочка.

Насколько я вижу по его сайту, который я время от времени исподтишка посещаю, фитнесс стал его страстью. Мой философ и поэт превратился в мужчину, любящего пищевые добавки и бодибилдинг. Он изрядно гордится своим телом. Это крупное достижение и яркий пример того, чему может привести движение к совершенству. Но это не моё. Во всех смыслах.

Но, несмотря на всё, что было и то, как вызванные нами события создали постоянный (и теперь молчаливый) разлом между нашими парами, я всегда буду любить его. У нас было приключение по имени “Любовь”. Мы получили больше, чем собирались. Радость. Боль. Рост.

И семью.

Если бы не подвергли себя всем тем опасностям, моих детей не было бы. Как я могу даже подумать о том, что это была ошибка?

— Мамочка, может я спою?

— Подожди минутку, милая. Мамочка работает.

Маленькая девочка забирается ко мне на колени, чтоб взглянуть на мой ноутбук.

— Мозьно… телепузиков?

Она начинает нестройно петь: “Тинки-винки… Ля-ля-ля. Телепузики… всем привет”.

У нас с Мортеном есть дочь. Голубоглазый и светловолосый ангел. Сейчас ей примерно два с половиной. Она обводит нас вокруг своего маленького пальчика. Её пластилин на полу, земля — на ковре, а несколько деталей Lego разбросаны по прихожей там, где она их оставила. Потом я наступлю на них и некоторое время буду хромать. Её отец в комнате, поёт песенку нашему сыну, которому почти четыре месяца.

Мы живём в Швеции на уединённом гранитном островке, на который не допускаются автомобили и где люди сами выращивают для себя еду. Огромная разница с корпоративной жизнью в модном Париже, богатой богемной жизнью в Ноттинг-Хилле и украшенной драгоценностями жизнью в Ричмонде. Наши неожиданные отношения в результате оказались в совершенно другом раю.

Эпилог

— Я понимаю, что это твой опыт отношений, но он создаёт не самое лучшее впечатление от полиамории, — сказал Мортен, прочитав первый черновик *Обмена мужьями*. — Люди будут неизбежно спрашивать, как так могло получиться, что ты всё ещё в открытых отношениях, хотя в них нет ничего, кроме головной боли.

Мы в них. Всё ещё. Отрытые отношения это образ мысли. Искоренение ревности немало стоит само по себе. И вера в возможность множественных любовей. Иногда теоретическая… а иногда очень приятно-практическая.

— Разве ты не выучила урок? — недоверчиво спросила Линда, услышав рассказ о новом любовнике.

— Разве ты не получила всё, о чём мечтала? — спросила другая подруга.

— Определённо, доказано, что это не работает! *Ты* лично доказала это! — воскликнула Шарлотта.

— Ты разведена, — парировала я. — Доказала ли ты, что моногамия не работает? Боль, через которую ты прошла, заставила тебя перестать мечтать о партнёре?

— Но то, что люди нуждаются в партнёрстве, очевидно. Двое. Как вы теперь.

— Я сейчас в тройке, — поправила я, потому что она, как и другие, предпочитала игнорировать мои новые отношения. Но по прошествии года мне казалось, что у них появился достаточный вес, чтоб я могла поспорить с ней. — И мне это нравится. Но общество нас не поддерживает, так что да, моногамия проще. Но почему твой выбор серийной моногамии более естественен, чем то, что делаю я?

— Потому что…

И пока она замялась, пытаясь придумать причину, я тихонько улыбнулась сама себе. Теперь мне можно бросать всё, что угодно и я смогу разгромить ваши аргументы, мигом как будто ударом карате мисс Пигги из Маппет-Шоу.

Полиамория — не для слабых сердец. Она рождается медленно и только для тех, кто привержен тому, чтоб разбираться со своими демонами и душевно расти почти за границу человеческого. Но я всё ещё верю в эту утопию и клянусь ею.

Я даже стала председательницей Шведской Национальной Ассоциации Полиамории. Мои ошибки дали мне достаточно опыта, чтоб советовать другим. Но это по прежнему путешествие. Я училась на своих ошибках, но, да, я продолжаю делать новый.

Теперь меньше, чем раньше.

Были и сложности и расставания. Я научилась коммуникации. Я исцелила свои раны. Создала свою самооценку. Но, кроме всего этого, я жила в любви. В огромном количестве любви.

Именно она вращает Землю.

— Лично мне очевидно, что люди нуждаются в отношениях. Без любви мы умираем, — сказала я. — Например, я люблю тебя. Очевидно не в стиле прыгнем-немедля-в-постель. Но люблю. Действительно люблю. И я бы хотела, чтоб ты нашла кого-то, с кем ты будешь счастлива. Если ты найдёшь его и у вас всё будет хорошо, я буду просто счастлива.

— Я тоже люблю тебя. И если ты счастлива с кем-то, думаю что для меня это нормально, — с облегчением ответила Шарлотта.